IMT Nuremberg Archives

H – 1480

International Court of Justice

USSR Exhibit No 74.

CCCP-74

H-1480 m

H1480 – 0002

JUGOSLOVENSKI DOKUMENAT

J/21.

Exhibit USSR 74

Filed Feb. 18 1946

[illegible]

081426

STANDORTKOMMANDANTUR
KRAGUJEVAC

Kragujevac, den 21. Oktober 1941.

Bekanntmachung

Die feigen und hinterlistigen Ueberfälle in der vergangenen Woche auf deutsche Soldaten, wobei 10 getötet und 26 verwundet wurden, mussten gesühnt werden.

Es wurden deshalb für jeden getöteten deutschen Soldaten 100 und für jeden verwundeten 50 Landesbewohner u. zw. vor allem Kommunisten, Banditen und deren Helfershelfer, zusammen 2.300, erschossen.

In Zukunft wird bei jedem ähnlichen Fall, sei es auch nur ein Sabotageakt, mit gleicher Strenge durchgegriffen werden.

Der Standortälteste.

H1480 – 0003

МЕСНА КОМАНДАНТУРА
КРАГУЈЕВАЦ

Крагујевац, 21 Октобра 19

7457

ОБЗНАНА

Кукавички и подмукли препади у току прс
шле недеље на немачке војнике којом прилико
је погинуло 10 а рањено 26 немачких војника
морали су бити кажњени.

Због тога је за сваког погинулог немачко
војника стрељано 100, а за сваког рањеног 50 ста
новника и то пре свега комуниста, бандита
њихових помагача, укупно 2300.

У будуће ће се за сваки сличан случај, па
било то само саботажа, поступити са истом стро
гошћу.

Старешина месне Команд

ДРЖАВНА КОМИСИЈА ЗА УТВРЂИВАЊЕ ЗЛОЧИНА ОКУПАТОРА И ЊИХОВИХ ПОМАГАЧА У БЕОГРАДУ

Бр. инв. ..... Бр. пог. .....

II/1 - br 20

H1480 - 0004

Da je ova fotokopija u svemu verna originalu (stampanom primerku), koji je zaplenjen od strane Drzavne Komisije za utvrdjivanje zlocina okupatora i njihovih pomagaca u Beogradu u pronadjenoj arhivi nemacke Feldkomandanture u Beogradu, na dan 29 oktobra 1944, a koji se original nalazi u arhivi Drzavne Komisije u Beogradu, - OVERAVA:

25 avgusta 1945
u Beogradu

2086

Pretsednik Drzavne Komisije,

(Dr. Dusan Nedeljkovic)
Profesor Univerziteta

ДРЖАВНА КОМИСИЈА ЗА УТВРЂИВАЊЕ ЗЛОЧИНА ОКУПАТОРА И ЊИХОВИХ ПОМАГАЧА

J/21

INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL
NURNBERG, GERMANY
USSR Exhibit 74
Filed Feb 18, 1946

A 081428

Exhibit HRR 74

H1480-0004A

CCCP-71
Filed Aug. 1, 1946
H-1480l

JUGOSLOVENSKI DOKUMENAT

J/ 8

USSR 71

Filed August 1, 1946

H1480 – 0005

Telegramm Nr. 6122

5 April 1941.

Berlin NU 53891 5.4.41. 1842--MEI.

An alle Beauftragten, Befehlshaber und Kommandeure des Chefs der Sipo u.d. SD. - Sowie an alle Stapo(leit) Stellen mit Grenzen und Flughaefen.

Betr. Jugoslawischen Militaerattache in Berlin, Oberst Vladimir Vaunik. --Bezug. Ohne. --Vauhnik ist beim Versuch, in das Ausland zu Gelangen, festzuhalten. -

In Erfolgsfalle bitte ich um Blitz -FS Nachricht. Perssonen-beschreibung: -Etwa 50 Jahre alt, ca. 1.68 m gross, breit-schulterig, etwas untersetzt, bartlos, dunkelbraunes Haar, gebraeunte Gesichtsfarbe, laengliches, etwas volles Gesicht, traegt gewoehnlich dunklen Anzug, dunkelblauen Mantel, dunkelblauen Hut and schwarze Schuhe. Licht-Bild.folgt.

RSHA -ROEM. 4. E. 6. -V. 834 KLEING -

DEMOKRATSKA FEDERATIVNA JUGOSLAVIJA
DELEGACIJA
U Komisiji Ujedinjenih naroda
za ratne zločine

Da je prepis veran
originalu tvrdi

Delegat,

INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL
NUREMBERG, GERMANY
USSR Exhibit 71
Filed August 1st 1946

DEMOKRATSKA FEDERATIVNA JUGOSLAVIJA - U Komisiji Ujedinjenih naroda za ratne zločine - DELEGACIJA

H1480 - 0006

H1480 – 0007

Da je ovaj overeni prepis veran overenom prepisu, koji se nalazi u arhivi Drzavne Komisije za utvrdjivanje zlocina okupatora i njihovih pomagaca u Beogradu, a koji je prepis sacinjen prema originalu, koji se nalazi kod ~~Medjunarodne~~ Komisije Ujedinjenih Naroda za ratne zlocine u Londonu i koji je pronadjen u zaplenjenim nemackim arhivama u Holandiji, - overava:

25. avgusta 1945 god..
u Beogradu .

ДРЖАВНА КОМИСИЈА ЗА УТВРЂИВАЊЕ ЗЛОЧИНА ОКУПАТОРА И ЊИХОВИХ ПОМАГАЧА

Pretsednik Drzavne Komisije :

(Dr. Dusan Nedeljkovic)
profesor univerziteta.

VSSR 71

H1480-0007A

USSR Exhibit Nr 65a

CCCP-65a

H-1480-k

Exhibit USSR 65a

Filed Feb. 14, 1946

Hyrefelling

Reg.

JUGOSLOVENSKI DOKUMENAT

J/69

H1480 - 0008

A 081423

H1480 – 0009

Bekanntmachung

Anlässlich verschiedener Kampfhandlungen zwischen den eingesetzten Polizeikräften und einer kommunistischen Mordbande, die in den vergangenen Wochen im Kreis Stein verschiedene Raub- und Mordüberfälle verübt hat, wurden in letzter Zeit 18 Banditen im Kampf erschossen und eine grössere Zahl gefangengenommen.

Von den Gefangenen wurden nachstehend angeführte Banditen am 30. Juni 1942 in Stein

öffentlich gehängt:

1. REBERNIK Sorko, 31. 8. 1921 geb., Zagoritz Nr. 8 wohnhaft
2. ERJAUSCHEK Franz, 23. 10. 1920 geb., Supaninive wohnhaft
3. OVSENAR Julius, 6. 7. 1920 geb., Oberfeld wohnhaft
4. GRABNER Johann, 15. 12. 1901 geb., Neul Nr. 18 wohnhaft
5. JERAS Franz, 29. 9. 1911 geb., Steiner-Feistritz wohnhaft
6. BALANTITSCH Anton, 17. 1. 1900 geb., Goditsch wohnhaft
7. PREKLET Mihael, 5. 1. 1902 geb., Steiner-Feistritz wohnhaft
8. KREGAR Karl, 22. 4. 1916 geb., Stachowitz wohnhaft

Sie haben am Kampf gegen die deutsche Polizei mit der Waffe in der Hand teilgenommen, waren an verschiedenen Mordüberfällen und Plünderungen beteiligt bezw. haben ihre Wahrnehmungen über den Aufenthalt und die Tätigkeit der Banditen nicht den zuständigen Behörden bekanntgegeben. Es hat sie ihre verdiente Strafe getroffen.

Ihr Schicksal möge allen jenen zur Lehre dienen, die nach wie vor glauben, durch Mord und Plünderung sich gegen die deutsche Ordnung auflehnen zu können. Dies gilt insbesondere für jene, die in den letzten Wochen den Verlockungen der Banditen geglaubt und sich ihnen angeschlossen haben, früher oder später ereilt sie ihr Los, falls sie nicht den Weg zur Rückkehr finden und sich bei der Behörde melden. Wer mit dem Terror der Banditen nicht einverstanden ist und sich von ihnen lossagt, wird geschützt.

Objava

Ob priliki raznih bojev med policijo in neko komunistično tolpo, ki je v preteklih tednih v Kreis Steinu izvršila razne roparske napade, je bilo v zadnjem času 18 banditov v boju ubitih in večje število ujetih.

Od ujetnikov so bili dne 30. junija 1942 v Stein-u

javno obešeni:

1. REBERNIK Sorko, roj. 31. 8. 1921, stanujoč Zagoritz Nr. 8
2. ERJAUSCHEK Franz, roj. 23. 10. 1920, stanujoč Supaninive
3. OVSENAR Julius, roj. 6. 7. 1920, stanujoč Oberfeld
4. GRABNER Johann, roj. 15. 12. 1901, stanujoč Neul Nr. 18
5. JERAS Franz, roj. 29. 9. 1911, stanujoč Steiner-Feistritz
6. BALANTITSCH Anton, roj. 17. 1. 1900, stanujoč Goditsch
7. PREKLET Mihael, roj. 5. 1. 1902, stanujoč Steiner-Feistritz
8. KREGAR Karl, roj. 22. 4. 1916, stanujoč Stachowitz

Obsojeni so z orožjem nastopili proti policiji, so bili soudeleženi pri raznih umorih in roparskih napadih in niso delovanje banditov prijavili pristojnim oblastem. Doletela jih je zaslužena kazen.

Njih usoda naj bo onim v pouk, ki so in še mislijo, da se z umori in roparskimi napadi morejo upirati nemškemu redu. To velja posebno onim, ki so nasedli vabam banditov in se jim priključili, slej ko prej jih bo doletela njih usoda, če ne bodo našli pot nazaj in se prijavili oblasti. Kdor se ne strinja s terorjem banditov in se njim odpove, bo zaščiten.

Der Höhere SS- und Polizeiführer im Wehrkreis XVIII

gez. **Rösener**

SS-Gruppenführer und Generalleutnant der Polizei

A 901424 X

3022

Imp. br. 8224

Da je ova fotokopija verna originalu (stampanom primerku), koji se nalazi u arhivi Drzavne Komisije za utvrdjivanje zlocina okupatora i njihovih pomagaca u Beogradu, i da je original zaplenjen u pronadjenoj arhivi nemackog Kreisleiter-a u Mariboru, maja meseca 1945 godine od strane Jugoslovenske Armije, - OVERAVA:

25 avgusta 1945
u Beogradu

Pretsednik Drzavne Komisije,

(Dr. Dusan Nedeljkovic)
Profesor Univerziteta

ДРЖАВНА КОМИСИЈА ЗА УТВРЂИВАЊЕ ЗЛОЧИНА ОКУПАТОРА И ЊИХОВИХ ПОМАГАЧА

INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL
NURNBERG, GERMANY
USSR Exhibit 65a
Filed 7-8-14, 1946

A 081425

H1480-0010

Exhibit MMR 65a

H11480-0010A

USSR Exhibit No. 64.

CCCP-64

H-1480j

Exhibit USSR 64

Filed Feb. 19 1946

[illegible]

JUGOSLOVENSKI DOKUMENAT

J/63

H1480 - 0011

A081419/1

Dokument Nr. 163

Drž. komisija za utvr. zloč. okup. i njihovih pomagača
Inv. br. 1153

DIDIER-WERKE AG

OFENBAU Fernruf: Stadtverkehr 86 7331 / Fernverkehr 86 7156 Drahtanschrift: Didierwerke Berlin Postfach 4

Reichsbank-Girokonto Berlin-Wilmersdorf · Postscheckkonto: Berlin Nr. 21049

Vorsitzer d. Aufsichtsrats: Geh. Ob.-Reg.-Rat Dr. Hans v. Flotow
Vorstand: Geh. Reg.-Rat Hermann E. Fellinger.
Dr.-Ing. e. h. Max Bittrich, Dr.-Ing. Hugo Ackermann.
Dr.-Ing. e. h. Adolf Schendorff.

H1480 – 0012

Herrn
Boriwoje Palitsch

Belgrad
Kryeginje Zorke 94

Berlin-Wilmersdorf, Westfälische Str. 90

Ihre Zeichen	Ihr Schreiben vom	Unsere Zeichen	Tag
		TB.I^A.^und.Sto./Moe.	25.8.43.

Betreff: Feuerbestattungsanlage für die SS in Belgrad

Wir nehmen Bezug auf den Besuch Ihres Herrn Sohnes und die mit Ihm gehabte Rücksprache unseres Sachbearbeiters Herrn Storl. Wir nahmen davon Kenntnis, dass die Belgrader SS-Formation die Absicht hat, für ein gröseres Lager eine Feuerbestattungsanlage zu schaffen, und dass Sie beauftragt wurden, gemeinschaftlich mit einem dortigen Architekten die Anlage zu projektieren und zu erstellen.
Da Ihnen Erfahrungen für den Bau der Öfen fehlen, haben Sie die Absicht die zeichnerischen Unterlagen hierfür zu erwerben.
Wir erklären uns bereit, die Ofenzeichnung mit zugehöriger Verankerung und Armaturzeichnung anzufertigen und zwar nur zum den Gebrauch für vorstehenden Einzelfall.

Die Kosten hierfür betragen RM. 600,-

Zahlbar je zur Hälfte bei Auftragserteilung und bei Bekanntgabe der Fertigstellung der Zeichnungen.
Bei Durcharbeitung der Ofenanlage wird besonders darauf geachtet, dass sich der innere Ausbau unter Vermeidung von besonderen Formsteinen aus normalen Schamottesteinen herstellen lässt, damit ein baldiger Aufbau der Anlage durchführbar ist. Auch die Eisenteile werden vom gleichen Gesichtspunkt aus bearbeitet.
Für das Einführen der Leichen in den Ofen, schlagen wir eine auf 2 Rollen laufende einfache Rohrgabel vor.
Die Öfen erhalten je einen Einäscherungsraum von nur 600 mm Breite und 450 mm Höhe, da die Verwendung von Särgen nicht geplant ist.
Für den Transport der Leichen vom Aufbewahrungsraum bis vor die Öfen empfehlen wir, auf Rädern laufende leichte Transportgestelle zu verwenden und geben wir Ihnen auch für diese eine Massskizze an Hand.
Der für den Betrieb der Öfen benötigte Schornstein muss eine lichte Weite von 500 X 500 mm besitzen und 14-16 m hoch errichtet werden Lässt sich aus besonderen Gründen ein solcher Schornstein nicht errichten, so ist zwischen Ofen und Schornstein ein Saugzuggebläse zu schalten.
Da die Öfen mit hohen Temperaturen arbeiten, darf die Wandung am Verbrennungsraum nicht zu schwach sein, um zu vermeiden, dass zuviel Wärme abgestrahlt wird. Die Öfen müssen daher eine äussere

A 081420

H1480-0013

A 081421

INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL
NUREMBERG, GERMANY
USSR Exhibit 64
Filed Feb 19, 1946

H1480 - 0014

Breite von ca 2000 mm erhalten. Wir haben aus diesem Grunde den uns vorgelegten Entwurf für dass Gebäude entsprechend ergänzt und überreichen Ihnen anbei ein Skizzenblatt No. 0913 in welchem wir die erforderlichen Mindestmasse eingetragen haben.
Damit Sie in der Lage sind schnellstens ein Vorangebot auszuarbeiten teilen wir Ihnen mit, dass für einen Ofen benötigt werden:

1100 Kg	Wölbsteine	Segerkegel 33
5500 "	Normalsteine	" "
1000 "	Schamottemörtel	
5000 Stück	gewöhnliche Ziegelsteine für das Ofenaussenmauerwerk	
100 Kg	Kalk	
3,6 cbm	Sand	
2,- "	Lehm	

An Eisenteilen:

500 Kg	E zur Verankerung
60 "	Rundeisenanker
85 "	Muffelschiebereinfassung mit Gegengewichten und Seilrollen
40 "	Rauchschiebereinfassung mit Gegengewichten und Seilrolle
25 Kg	2 Luftschieber
200 "	je eine Feuer, Schlack, und Aschenentnahmetür
25 "	Schürstangen
10 "	2 Aschk sten
160 "	gusseiserne Roststäbe
60 "	Rostauflagerbalken.

Hierzu kö mmen die gleiche Menge für den 2. Ofen und die Materialien für den Rauchkanal und Schornstein. Auch der Rauchkanal und der untere Teil des Schornsteines ca 3-4 m hoch muss mit Schamottesteinen ausgekl idet werden. Hierfür genügt allerdings eine geringere Sorte.
Die Feuerung der Öfen wird so eingerichtet, dass neben Koks auch Kohle oder Holz verfeuert werden kann.

Hochachtungsvoll!
Didier-Werke A.-G.

Anlage

Da je ova fotokopija verna originalu, koji se nalazi u arhivi Drzavne Komisije za utvrdjivanje zlocina okupatora i njihovih pomagaca u Beogradu, i da je ovaj original zaplenjen u pronadjenoj arhivi nemacke Feldkomandanture u Beogradu oktobra meseca 1944, - OVERAVA:

24 avgusta 1945
u Beogradu

Pretsednik Drzavne Komisije,
(Dr. Dusan Nedeljkovic)
Profesor Univerziteta

A 081422

Exhibit UAAK 64

H1480-0014A

CCCP-54.

Filed Feb 14, 1946

INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL
NURNBERG, GERMANY
USSR Exhibit 54
Filed Feb 14, 1946

A 081063

H1480 – 0016

СООБЩЕНИЕ

СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ РАССТРЕЛА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В КАТЫНСКОМ ЛЕСУ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬСКИХ ОФИЦЕРОВ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1944

А 081064

СООБЩЕНИЕ

СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ РАССТРЕЛА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В КАТЫНСКОМ ЛЕСУ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬСКИХ ОФИЦЕРОВ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1944

H1480 – 0017

А 081065

H1480 – 0018

СООБЩЕНИЕ

СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ РАССТРЕЛА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В КАТЫНСКОМ ЛЕСУ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬСКИХ ОФИЦЕРОВ.

Постановлением Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников была создана Специальная Комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров.

В состав Комиссии вошли: член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик **Н. Н. Бурденко** (председатель Комиссии), член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Алексей **Толстой**, член Чрезвычайной Государственной Комиссии Митрополит **Николай**, председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант **Гундоров А. С.**; председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца **Колесников С. А.**, Народный Комиссар просвещения РСФСР академик **Потёмкин В. П.**, начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии генерал-полковник **Смирнов Е. И.**, председатель Смоленского облисполкома **Мельников Р. Е.**

3
A081066

Для выполнения поставленной перед нею задачи Комиссия привлекла для участия в своей работе следующих судебно-медицинских экспертов: главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР директора Научно-Исследовательского Института судебной медицины **Прозоровского В. И.,** заведующего кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института доктора медицинских наук **Смольянинова В. М.,** ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР **Семеновского П. С.;** ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР доцента **Швайкову М. Д.;** гл. патолога фронта майора медицинской службы профессора **Выропаева Д. Н.**

В распоряжении Специальной Комиссии находился обширный материал, представленный членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком **Н. Н. Бурденко,** его сотрудниками и судебно-медицинскими экспертами, которые прибыли в гор. Смоленск 26 сентября 1943 года, немедленно после его освобождения и провели предварительное изучение и расследование обстоятельств всех учинённых немцами злодеяний.

Специальная Комиссия проверила и установила на месте, что на 15-ом километре от гор. Смоленска по Витебскому шоссе в районе Катынского леса, именуемом «Козьи Горы», в 200-х метрах от шоссе на юго-запад по направлению к Днепру, находятся могилы, в которых зарыты военнопленные поляки, расстрелянные немецкими оккупантами.

По распоряжению Специальной Комиссии и в присутствии всех членов Специальной Комиссии и судебно-медицинских экспертов могилы были вскрыты. В могилах обнаружено большое количество трупов в польском военном обмундировании. Общее количество трупов по

A 081067

H1480 – 0019

подсчёту судебно-медицинских экспертов достигает 11.000.

Судебно-медицинские эксперты произвели подробное исследование извлечённых трупов и тех документов и вещественных доказательств, которые были обнаружены на трупах и в могилах.

Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов Специальная Комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, показаниями которых точно устанавливаются время и обстоятельства преступлений, совершённых немецкими оккупантами.

Из показаний свидетелей выясняется следующее:

КАТЫНСКИЙ ЛЕС

Издавна Катынский лес был излюбленным местом, где население Смоленска обычно проводило праздничный отдых. Окрестное население пасло скот в Катынском лесу и заготовляло для себя топливо. Никаких запретов и ограничений доступа в Катынский лес не существовало.

Такое положение в Катынском лесу существовало до самой войны. Ещё летом 1941 г. в этом лесу находился пионерский лагерь Промстрахкассы, который был свёрнут лишь в июле 1941 г.

С захватом Смоленска немецкими оккупантами в Катынском лесу был установлен совершенно иной режим. Лес стал охраняться усиленными патрулями; во многих местах появились надписи, предупреждавшие, что лица, входящие в лес без особого пропуска, подлежат расстрелу на месте.

Особенно строго охранялась та часть Катынского леса, которая именовалась «Козьи Горы», а также территория на берегу Днепра, где, на расстоянии 700 мтр. от обнаруженных могил польских военнопленных, находилась

Сообщение

H1480 – 0020
A 081068

H1480 – 0021

дача — дом отдыха Смоленского Управления НКВД. По приходе немцев в этой даче расположилось немецкое учреждение, именовавшееся: «Штаб 537-го строительного батальона».

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПОЛЯКИ В РАЙОНЕ СМОЛЕНСКА

Специальной Комиссией установлено, что до захвата немецкими оккупантами Смоленска в западных районах области на строительстве и ремонте шоссейных дорог работали польские военнопленные офицеры и солдаты. Размещались эти военнопленные поляки в трёх лагерях особого назначения, именовавшихся: лагерь № 1-ОН, № 2-ОН и № 3-ОН, на расстоянии от 25 до 45 клм. на запад от Смоленска.

Показаниями свидетелей и документальными материалами установлено, что после начала военных действий, в силу сложившейся обстановки, лагери не могли быть своевременно эвакуированы и все военнопленные поляки, а также часть охраны и сотрудников лагерей попали в плен к немцам.

Допрошенный Специальной Комиссией быв. нач. лагеря № 1-ОН майор государственной безопасности **Ветошников В. М.** показал:

«...Я ожидал приказа о ликвидации лагеря, но связь со Смоленском прервалась. Тогда я сам с несколькими сотрудниками выехал в Смоленск для выяснения обстановки. В Смоленске я застал напряжённое положение. Я обратился к нач. движения Смоленского участка Западной ж. д. т. **Иванову** с просьбой обеспечить лагерь вагонами для вывоза военнопленных поляков. Но т. **Иванов** ответил, что рассчитывать на получение вагонов я не могу. Я пытался связаться также с Москвой для получения разрешения двинуться пешим порядком, но мне это не удалось.

А 081069

H1480 – 0022

К этому времени Смоленск уже был отрезан немцами от лагеря и что стало с военнопленными поляками и оставшейся в лагере охраной — я не знаю».

Замещавший в июле 1941 г. начальника движения Смоленского участка Западной ж. д. инженер **Иванов С. З.** показал Специальной Комиссии:

«Ко мне в отделение обращалась администрация лагерей для польских военнопленных, чтобы получить вагоны для отправки поляков, но свободных вагонов у нас не было. Помимо того, подать вагоны на трассу Гусино, где было больше всего военнопленных поляков, мы не могли, так как эта дорога уже находилась под обстрелом. Поэтому мы не могли выполнить просьб администрации лагерей. Таким образом, военнопленные поляки остались в Смоленской области».

Нахождение польских военнопленных в лагерях Смоленской обл. подтверждается показаниями многочисленных свидетелей, которые видели этих поляков близ Смоленска в первые месяцы оккупации до сентября м-ца 1941 г. включительно.

Свидетельница **Сашнева** Мария Александровна, учительница начальной школы дер. Зеньково, рассказала Специальной Комиссии о том, что в августе м-це 1941 г. она приютила у себя в доме в дер. Зеньково бежавшего из лагеря военнопленного поляка.

«...Поляк был в польской военной форме, которую я сразу узнала, так как в течение 1940—41 г.г. видела на шоссе группы военнопленных поляков, которые под конвоем вели какие-то работы на шоссе... Поляк меня заинтересовал потому, что, как выяснилось, он до призыва на военную службу был в Польше учителем начальной школы. Так как я сама окончила Педтехникум и готовилась быть учительницей, то потому и завела с ним разговор. Он рассказал мне, что окончил в Польше учительскую семинарию, а затем учился в какой-то

А081070

H1480 – 0023

военной школе и был подпоручиком запаса. С начала военных действий Польши с Германией он был призван на действительную службу, находился в Брест-Литовске, где и попал в плен к частям Красной Армии... Больше года он находился в лагере под Смоленском.

Когда пришли немцы, они захватили польский лагерь, установили в нём жёсткий режим. Немцы не считали поляков за людей, всячески притесняли и издевались над ними. Были случаи расстрела поляков ни за что. Тогда он решил бежать. Рассказывая о себе, он сказал, что жена его также учительница, что у него есть два брата и две сестры...»

Уходя на другой день, поляк назвал свою фамилию, которую **Сашнева** записала в книге. В представленной **Сашневой** Специальной Комиссии книге «Практические занятия по естествознанию» Ягодовского на последней странице имеется запись:

«**Лоек** Юзеф и Софья. Город Замостье улица Огородная дом № 25».

В опубликованных немцами списках под № 3796 **Лоек** Юзеф, лейтенант, значится, как расстрелянный на «Козьих Горах» в Катынском лесу весной 1940 г.

Таким образом, по немецкому сообщению получается, что **Лоек** Юзеф был расстрелян за год до того, как его видела свидетельница **Сашнева.**

Свидетель **Даниленков Н. В.,** крестьянин колхоза «Красная Заря» Катынского сельсовета, показал:

«В 1941 г. в августе — сентябре м-це, когда пришли немцы, я встречал поляков, работающих на шоссе группами по 15—20 чел.».

Такие же показания дали свидетели: **Солдатенков** — быв. староста дер. Борок, **Колачев А. С.** — врач Смоленска, **Оглоблин А. П.** — священник, **Сергеев Т. И.** — дорожный мастер, **Смирягин П. А.** — инженер, **Московская А. М.** — жительница Смоленска, **Алексеев А. М.** —

А 081071

председатель колхоза дер. Борок, **Куцев И. В.** — водопроводный техник, **Городецкий В. П.** — священник, **Базекина А. Т** — бухгалтер, **Ветрова Е. Н.** — учительница, **Савватеев И. В.** — дежурный по ст. Гнездово и др.

ОБЛАВЫ НА ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Наличие военнопленных поляков осенью 1941 г. в районах Смоленска подтверждается также фактом проведения немцами многочисленных облав на этих военнопленных, бежавших из лагерей.

Свидетель **Картошкин И. М.,** плотник, показал:

«Военнопленных поляков осенью 1941 г. немцы искали не только в лесах, но и привлекалась полиция для ночных обысков в деревнях».

Быв. староста дер. Новые Батеки **Захаров М. Д.** показал, что осенью 1941 г. немцы усиленно «прочёсывали» деревни и леса в поисках польских военнопленных.

Свидетель **Даниленков Н. В.,** крестьянин колхоза «Красная Заря», показал:

«У нас производились специальные облавы по розыску бежавших из-под стражи военнопленных поляков. Такие обыски два или три раза были в моём доме. После одного обыска я спросил старосту **Сергеева** Константина — кого ищут в нашей деревне. **Сергеев** сказал, что прибыл приказ из немецкой комендатуры, по которому во всех без исключения домах должен быть произведён обыск, так как в нашей деревне скрываются военнопленные поляки, бежавшие из лагеря. Через некоторое время обыски прекратились».

Свидетель **Фатьков Т. Е.,** колхозник, показал:

«Облавы по розыску пленных поляков производились несколько раз. Это было в августе — сентябре 1941 года. После сентября 1941 г. такие облавы прекратились и больше никто польских военнопленных не видел».

H1480 – 0024

А 081072

РАССТРЕЛЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЯКОВ

Упомянутый выше «Штаб 537 строительного батальона», помещавшийся на даче в «Козьих Горах», не производил никаких строительных работ. Деятельность его была тщательно законспирирована.

Чем на самом деле занимался этот «штаб», показали многие свидетели, в том числе свидетельницы: **Алексеева А. М., Михайлова О. А.** и **Конаховская З. П.** — жительницы дер. Борок Катынского с/с.

По распоряжению немецкого коменданта посёлка Катынь они были направлены старостой деревни Борок — **Солдатенковым В. И.** для работы по обслуживанию личного состава «штаба» на упомянутой даче.

По прибытии в «Козьи Горы» им через переводчика был поставлен ряд ограничений: было запрещено вовсе удаляться от дачи и ходить в лес, заходить без вызова и без сопровождения немецких солдат в комнаты дачи, оставаться в расположении дачи в ночное время. Приходить и уходить на работу разрешалось по строго определённому пути и только в сопровождении солдат.

Это предупреждение было сделано **Алексеевой, Михайловой** и **Конаховской** через переводчика непосредственно самим начальником немецкого учреждения, оберст-лейтенантом **Арнесом,** который для этой цели поодиночке вызывал их к себе.

По вопросу о личном составе «штаба» **Алексеева А. М.** показала:

«На даче в «Козьих Горах» постоянно находилось около 30 немцев, старшим у них был оберст-лейтенант **Арнес,** его адъютантом являлся обер-лейтенант Рекст. Там находились также лейтенант Хотт, вахмистр Люмерт, унтер-офицер по хозяйственным делам Розе, его помощник Изике, обер-фельдфебель Греневский, ведавший электростанцией, фотограф обер-ефрейтор, фами-

H1480 – 0025
А 081073

лию которого я не помню, переводчик из Немцев-Поволжья, имя его кажется Иоганн, но мы его называли Иваном, повар немец Густав и ряд других, фамилии и имена которых мне неизвестны».

Вскоре после своего поступления на работу **Алексеева, Михайлова** и **Конаховская** стали замечать, что на даче совершаются «какие-то тёмные дела».

Алексеева А. М. показала:

«...Переводчик Иоганн, от имени **Арнеса**, нас несколько раз предупреждал о том, что мы должны «держать язык за зубами» и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

Кроме того, я по целому ряду моментов догадывалась, что на этой даче немцы творят какие-то тёмные дела...

В конце августа и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в «Козьи Горы» почти ежедневно приезжало несколько грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимания, но потом заметила, что всякий раз, когда на территорию дачи заезжали эти машины, они предварительно на полчаса, а то и на целый час, останавливались где-то на просёлочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

Я сделала такой вывод потому, что шум машин через некоторое время после заезда их на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума машин начиналась одиночная стрельба. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но, примерно, одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала и машины подъезжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтер-офицеры. Шумно разговаривая между собой, они шли мыться в баню, после чего пьянствовали. Баня в эти дни всегда топилась.

В дни приезда машин на дачу прибывали дополни-

H1480 – 0026

А 081074

тельно солдаты из какой-то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещении солдатского казино, организованного в одной из зал дачи. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов, а к столу подавалась удвоенная порция спиртных напитков.

Незадолго до прибытия машин на дачу эти солдаты с оружием уходили в лес, очевидно к месту остановки машин, так как через полчаса или через час возвращались на этих машинах вместе с солдатами, постоянно жившими на даче.

Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы, как затихает и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда приезжали машины, нас (меня, **Конаховскую** и **Михайлову**) не загоняли на кухню, если мы находились в это время на дворе у дачи, или же не выпускали из кухни, если мы находились на кухне.

Это обстоятельство, а также то, что я несколько раз замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов, заставило меня внимательно присмотреться за тем, что происходило на даче. Тогда я и заметила странные перерывы в движении машин, их остановки в лесу. Я заметила также, что следы крови были на одежде одних и тех же людей — двух ефрейторов. Один из них был высокий, рыжий, другой — среднего роста, блондин.

Из всего этого я заключила, что немцы на машине привозили на дачу людей и их расстреливали. Я даже приблизительно догадывалась, где это происходило, так как, приходя и уходя с дачи, я замечала недалеко от дороги в нескольких местах свеженабросанную землю. Площадь, занятая этой свеженабросанной землёй, ежедневно увеличивалась в длину. С течением времени земля в этих местах приняла свой обычный вид».

Н1480 – 0027

А 081075

H1480 – 0028

На вопрос Специальной Комиссии, что за люди расстреливались в лесу близ дачи, **Алексеева** ответила, что расстреливались военнопленные поляки, и в подтверждение своих слов рассказала следующее:

«Были дни, когда машины на дачу не прибывали, а тем не менее солдаты уходили с дачи в лес, оттуда слышалась частая одиночная стрельба. По возвращении солдаты обязательно шли в баню и затем пьянствовали.

И вот был ещё такой случай. Я как-то задержалась на даче несколько позже обычного времени. **Михайлова** и **Конаховская** уже ушли. Я ещё не успела закончить своей работы, ради которой осталась, как неожиданно пришёл солдат и сказал, что я могу уходить. Он при этом сослался на распоряжение **Розе.** Он же проводил меня до шоссе.

Когда я отошла по шоссе от поворота на дачу метров 150—200, я увидела, как по шоссе шла группа военнопленных поляков человек 30 под усиленным конвоем немцев.

То, что это были поляки, я знала потому, что ещё до начала войны, а также и некоторое время после прихода немцев, я встречала на шоссе военнопленных поляков, одетых в такую же форму, с характерными для них четырёхугольными фуражками.

Я остановилась у края дороги, желая посмотреть, куда их ведут, и увидела, как они свернули у поворота к нам на дачу в «Козьи Горы».

Так как к этому времени я уже внимательно наблюдала за всем происходящим на даче, я заинтересовалась этим обстоятельством, вернулась по шоссе несколько назад и, укрывшись в кустах у обочины дороги, стала ждать. Примерно через минут 20 или 30 я услышала характерные, мне уже знакомые, одиночные выстрелы.

A 081076

Тогда мне стало всё ясно, и я быстро пошла домой. Из этого факта я также заключила, что немцы расстреливали поляков, очевидно, не только днём, когда мы работали на даче, но и ночью в наше отсутствие. Мне это тогда стало понятно ещё и потому, что я вспомнила случай, когда весь живший на даче состав офицеров и солдат, за исключением часовых, просыпался поздно, часам к 12 дня.

Несколько раз о прибытии поляков в «Козьи Горы» мы догадывались по напряжённой обстановке, которая царила в это время на даче...

Весь офицерский состав уходил из дачи, в здании оставалось только несколько караульных, а вахмистр беспрерывно проверял посты по телефону...»

Михайлова О. А. показала:

«В сентябре месяце 1941 года в лесу «Козьи Горы» очень часто раздавалась стрельба. Сначала я не обращала внимания на подъезжавшие к нашей даче грузовые автомашины, крытые с боков и сверху, окрашенные в зелёный цвет, всегда сопровождавшиеся унтер-офицерами. Затем я заметила, что эти машины никогда не заходят в наш гараж и в то же время не разгружаются. Эти грузовые автомашины приезжали очень часто, особенно в сентябре 1941 года.

Среди унтер-офицеров, которые всегда ездили в кабинах рядом с шофёрами, я стала замечать одного высокого с бледным лицом и рыжими волосами. Когда эти машины подъезжали к даче, то все унтер-офицеры, как по команде, шли в баню и долго в ней мылись, после чего сильно пьянствовали на даче.

Однажды этот высокий, рыжий немец, выйдя из машины, направился в кухню и попросил воды. Когда он пил из стакана воду, я увидела кровь на обшлаге правого рукава его мундира».

Михайлова О. А. и **Конаховская З. П.** один раз лично

А 081077
Н1480 – 0029

видели, как были расстреляны два военнопленных поляка, очевидно бежавшие от немцев и затем пойманные.

Михайлова об этом показала:

«Однажды, как обычно, я и **Конаховская** работали на кухне и услышали недалеко от дачи шум. Выйдя за дверь, мы увидели двух военнопленных поляков, окружённых немецкими солдатами, что-то разъяснявшими унтер-офицеру **Розе**, затем к ним подошёл оберст-лейтенант **Арнес** и что-то сказал **Розе**. Мы спрятались в сторону, так как боялись, что за проявленное любопытство **Розе** нас изобьёт. Но нас всё-таки заметили, и механик **Глиневский**, по знаку **Розе**, загнал нас на кухню, а поляков повёл в сторону от дачи. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Вернувшиеся вскоре немецкие солдаты и унтер-офицер **Розе** оживлённо разговаривали. Я и **Конаховская**, желая выяснить, как поступили немцы с задержанными поляками, снова вышли на улицу. Одновременно с нами вышедший через главный вход дачи адъютант **Арнеса** по-немецки что-то спросил **Розе**, на что последний также по-немецки ответил: «Всё в порядке». Эти слова я поняла, так как их немцы часто употребляли в разговорах между собой. Из всего происшедшего я заключила, что эти два поляка расстреляны».

Аналогичные показания по этому вопросу дала также **Конаховская З. П.**

Напуганные тем, что происходило на даче, **Алексеева, Михайлова** и **Конаховская** решили под каким-нибудь удобным предлогом оставить работу на даче. Воспользовавшись снижением им «зарплаты» с 9 марок до 3-х марок в месяц в начале января 1942 г., по предложению **Михайловой**, они не вышли на работу. За ними в тот же день вечером приехали на машине, привезли на дачу и в наказание посадили в холодную — **Михайлову** на 8 суток, а **Алексееву** и **Конаховскую** на 3-е суток.

H1480 — 0030

А 081078

После того, как они отсидели этот срок, их всех уволили.

За время своей работы на даче **Алексеева, Михайлова** и **Конаховская** боялись делиться друг с другом своими наблюдениями обо всём том, что на даче происходило. Лишь будучи арестованными, сидя в холодной, ночью они поделились об этом.

Михайлова на допросе от 24 декабря 1943 года показала:

«Здесь мы впервые поговорили откровенно о том, что делается на даче. Я рассказала всё, что знала, но оказалось, что и **Конаховская** и **Алексеева** также знали все эти факты, но тоже, как и я, боялись говорить мне об этом. Тут же я узнала о том, что немцы в «Козьих Горах» расстреливали именно польских военнопленных, так как **Алексеева** рассказала, что она однажды осенью 1941 года шла с работы и лично видела, как немцы загоняли в лес «Козьи Горы» большую группу военнопленных поляков, а затем слышала в этом месте стрельбу».

Аналогичные показания об этом дали также **Алексеева** и **Конаховская.**

Сопоставив свои наблюдения, **Алексеева, Михайлова** и **Конаховская** пришли к твёрдому убеждению, что в августе и сентябре месяцах 1941 года на даче в «Козьих Горах» немцами производились массовые расстрелы военнопленных поляков.

Показания **Алексеевой** подтверждаются показаниями её отца — **Алексеева** Михаила, которому она ещё в период своей работы на даче осенью 1941 года рассказывала о своих наблюдениях по поводу творимых немцами на даче дел.

«Она мне долго ничего не говорила», — показал **Алексеев** Михаил, — «только приходя домой жаловалась, что на даче работать страшно и она не знает, как

А 081079
Н1480 – 0031

ей оттуда вырваться. Когда я её спрашивал, почему ей страшно, она говорила, что в лесу очень часто слышится стрельба. Однажды, придя домой, она сказала мне по секрету, что в лесу «Козьи Горы» немцы расстреливают поляков. Выслушав дочь, я её очень строго предупредил, чтобы она больше никому об этом не рассказывала, иначе узнают немцы и пострадает вся наша семья».

Показания о приводе на «Козьи Горы» военнопленных поляков небольшими группами в 20—30 человек, под охраной 5—7 немецких солдат, дали и другие свидетели, допрошенные Специальной Комиссией: **Киселёв П. Г.** — крестьянин хутора «Козьи Горы», **Кривозерцев М. Г.** — плотник станции Красный Бор в Катынском лесу, **Иванов С. В.** — быв. нач. ст. Гнездово в районе Катынского леса, **Савватеев И. В.** — дежурный по той же станции, **Алексеев М. А.** — председатель колхоза дер. Борок, **Оглоблин А. П.**— священник Купринской церкви и др.

Эти свидетели слышали и выстрелы, раздававшиеся из леса на «Козьих Горах».

Особо важное значение для выяснения того, что происходило на даче в «Козьих Горах» осенью 1941 г., имеют показания профессора астрономии, директора обсерватории в Смоленске — **Базилевского Б. В.**

Профессор **Базилевский** в первые дни оккупации немцами Смоленска был насильно назначен ими зам. начальника города (бургомистра), а начальником города был назначен немцами адвокат **Меньшагин Б. Г.**, впоследствии ушедший вместе с ними, предатель, пользовавшийся особым доверием у немецкого командования и в частности у коменданта Смоленска фон-**Швец'а.**

В начале сентября 1941 г. **Базилевский** обратился с просьбой к **Меньшагину** — ходатайствовать перед комендантом фон-**Швец** об освобождении из лагеря военнопленных № 126 педагога **Жиглинского.** Выполняя эту

H1480 – 0032

А 081080

просьбу, **Меньшагин** обратился к фон-**Швецу** и, затем, передал **Базилевскому**, что его просьба не может быть удовлетворена, так как по словам фон-**Швец'а** «получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жёсткий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе».

«Я невольно возразил, — показал свидетель **Базиленский**, — «что же может быть жёстче существующего в лагере режима?» **Меньшагин** странно посмотрел на меня и, наклонившись ко мне, тихо ответил: «Может быть! Русские, по крайней мере, сами будут умирать, а вот военнопленных поляков предложено просто уничтожить».

«Как так? Как это понимать?» — воскликнул я.

«Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина», — ответил **Меньшагин** и тут же попросил меня «ради всего святого» никому об этом не говорить...»

«Недели через две после описанного выше разговора с **Меньшагиным** я, будучи снова у него на приёме, не удержался и спросил: «Что слышно о поляках?» **Меньшагин** помедлил, а потом всё же ответил: «С ними уже покончено. Фон-**Швец** сказал мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска».

«Видя мою растерянность, **Меньшагин** снова предупредил меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал «объяснять» мне линию поведения немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи проводимой Германией антипольской политики, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора».

Базилевский также рассказал Специальной Комиссии о своей беседе с зондерфюрером 7-го отдела немецкой

H1480 – 0033

A 081081

комендатуры **Гиршфельдом** — прибалтийским немцем, хорошо говорящим по-русски:

«Гиршфельд с циничной откровенностью заявил мне, что исторически доказана вредность поляков и их неполноценность, а потому уменьшение населения Польши послужит удобрением почвы и создаст возможность для расширения жизненного пространства Германии». В этой связи **Гиршфельд** с бахвальством рассказал, что в Польше интеллигенции не осталось совершенно, так как она повешена, расстреляна и заключена в лагери».

Показания **Базилевского** подтверждены опрошенным Специальной Комиссией свидетелем — профессором физики **Ефимовым И. Е.**, которому **Базилевский** тогда же осенью 1941 г. рассказал о своём разговоре с **Меньшагиным.**

Документальным подтверждением показаний **Базилевского** и **Ефимова** являются собственноручные записи **Меньшагина,** сделанные им в своём блокноте.

Этот блокнот, содержащий в себе 17 неполных страниц, был обнаружен в делах Городского Управления Смоленска после его освобождения Красной Армией.

Принадлежность указанного блокнота **Меньшагину** и его почерк удостоверены как показаниями **Базилевского,** хорошо знающего почерк **Меньшагина,** так и графологической экспертизой.

Судя по имеющимся в блокноте датам, его содержание относится к периоду от первых дней августа 1941 года до ноября того же года.

В числе различных заметок по хозяйственным вопросам (о дровах, об электроэнергии, торговле и проч.) имеется ряд записей, сделанных **Меньшагиным,** очевидно, для памяти, как указания немецкой комендатуры Смоленска.

Из этих записей достаточно чётко вырисовывается

H1480 – 0034

A 081082

круг вопросов, которыми занималось Управление города, как орган, выполнявший все указания немецкого командования.

На первых трёх страницах блокнота подробно изложены порядок организации еврейского «гетто» и система репрессий, которые должны к евреям применяться.

На странице 10-ой, помеченной 15 августа 1941 года, значится:

«Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру».

На странице 15-ой (без даты) записано:

«Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз. гор. (Умнову)».

Из первой записи явствует, во-первых, что 15 августа 1941 года военнопленные поляки ещё находились в районе Смоленска и, во-вторых, что они арестовывались немецкими властями.

Вторая запись свидетельствует о том, что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершённом им преступлении в среду гражданского населения, специально давало указания о проверке этого своего предположения.

Умнов, который упоминается в записи, был начальником русской полиции Смоленска в первые месяцы его оккупации.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ ПРОВОКАЦИИ

Зимой 1942—43 гг. общая военная обстановка резко изменилась не в пользу немцев. Военная мощь Советского Союза всё усиливалась, единение СССР с союзниками крепло. Немцы решили пойти на провокацию, использовав для этой цели злодеяния, совершённые ими в Катынском лесу, и приписав их органам Советской власти. Этим они рассчитывали поссорить русских с поляками и замести следы своего преступления.

H1480 – 0035

А 081083

Священник села Куприно Смоленского р-на **А. П. Оглоблин** показал:

«...После Сталинградских событий, когда немцы почувствовали неуверенность, они подняли это дело. Среди населения пошли разговоры, что «немцы свои дела поправляют».

Приступив к подготовке катынской провокации, немцы, в первую очередь, занялись поисками «свидетелей», которые могли бы под воздействием уговоров, подкупа или угроз дать нужные немцам показания.

Внимание немцев привлёк проживавший на своём хуторе ближе всех к даче в «Козьих Горах» крестьянин **Киселёв** Парфен Гаврилович, 1870 года рождения.

Киселёва вызвали в гестапо ещё в конце 1942 года и, угрожая репрессиями, требовали от него дать вымышленные показания о том, что ему, якобы, известно, как весной 1940 года большевики на даче УНКВД в «Козьих Горах» расстреляли военнопленных поляков.

Об этом **Киселёв** показал:

«Осенью 1942 года ко мне домой пришли два полицейских и предложили явиться в гестапо на станцию Гнездово. В тот же день я пошёл в гестапо, которое помещалось в двухэтажном доме рядом с железнодорожной станцией. В комнате, куда я зашёл, находились немецкий офицер и переводчик. Немецкий офицер, через переводчика, стал расспрашивать меня — давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и каково моё материальное положение.

Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе «Козьих Гор» с 1907 года и работаю в своём хозяйстве. О своём материальном положении я сказал, что приходится испытывать трудности, так как сам я в преклонном возрасте, а сыновья на войне.

После непродолжительного разговора на эту тему, офицер заявил, что по имеющимся в гестапо сведе-

H1480 – 0036

A 081084

ниям, сотрудники НКВД в 1940 году в Катынском лесу на участке «Козьих Гор» расстреляли польских офицеров, и спросил меня — какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда не слыхал, чтобы НКВД производило расстрелы в «Козьих Горах», да и вряд ли это возможно, объяснил я офицеру, так как «Козьи Горы» совершенно открытое многолюдное место и, если бы там расстреливали, то об этом бы знало всё население близлежащих деревень.

Офицер ответил мне, что я всё же должен дать такие показания, так как это, якобы, имело место. За эти показания мне было обещано большое вознаграждение.

Я снова заявил офицеру, что ничего о расстрелах не знаю и что этого вообще не могло быть до войны в нашей местности. Несмотря на это, офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания.

После первого разговора, о котором я уже показал, я был вторично вызван в гестапо лишь в феврале 1943 года. К этому времени мне было известно о том, что в гестапо вызывались и другие жители окрестных деревень и что от них также требовали такие показания, как и от меня.

В гестапо тот же офицер и переводчик, у которых я был на первом допросе, опять требовали от меня, чтобы я дал показания о том, что являлся очевидцем расстрела польских офицеров, произведённого, якобы, НКВД в 1940 г. Я снова заявил офицеру гестапо, что это ложь, так как до войны ни о каких расстрелах ничего не слышал и что ложных показаний давать не стану. Но переводчик не стал меня слушать, взял со стола написанный от руки документ и прочитал его. В нём было сказано, что я, **Киселёв**, проживая на хуторе в районе «Козьих Гор», сам видел, как в 1940 году сотрудники НКВД расстреливали польских офице-

H1480 – 0037

A 081085

ров. Прочитав этот документ, переводчик предложил мне его подписать. Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал понуждать меня к этому бранью и угрозами. Под конец он заявил: «Или вы сейчас же подпишите, или мы вас уничтожим. Выбирайте!»

Испугавшись угроз, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится».

В дальнейшем, после того как немцы организовали посещение катынских могил различными «делегациями», **Киселёва** заставили выступить перед прибывшей «польской делегацией».

Киселёв, забыв содержание подписанного в гестапо протокола, спутался и под конец отказался говорить.

Тогда гестапо арестовало **Киселёва** и, нещадно избивая его в течение полутора месяцев, вновь добилось от него согласия на «публичные выступления».

Об этом **Киселёв** показал:

«В действительности получилось не так.

Весной 1943 года немцы оповестили о том, что ими в Катынском лесу в районе «Козьих Гор» обнаружены могилы польских офицеров, якобы расстрелянных органами НКВД в 1940 году.

Вскоре после этого ко мне в дом пришёл переводчик гестапо и повёл меня в лес в район «Козьих Гор»

Когда мы вышли из дома и остались вдвоём, переводчик предупредил меня, что я должен сейчас рассказать присутствующим в лесу людям всё в точности, как было изложено в подписанном мною в гестапо документе.

Придя в лес, я увидел разрытые могилы и группу неизвестных мне лиц. Переводчик сказал мне, что это «польские делегаты», прибывшие для осмотра могил.

Когда мы подошли к могилам, «делегаты» на русском языке стали задавать мне различные вопросы по поводу расстрела поляков. Но так как со времени мо-

H1480 – 0038

А 081086

его вызова в гестапо прошло более месяца, я забыл всё, что было в подписанном мною документе, и стал путаться, а под конец сказал, что ничего о расстреле польских офицеров не знаю.

Немецкий офицер очень разозлился, а переводчик грубо оттащил меня от «делегации» и прогнал.

На следующий день, утром, к моему двору подъехала машина, в которой был офицер гестапо. Разыскав меня во дворе, он объявил, что я арестован, посадил в машину и увёз в Смоленскую тюрьму...

После моего ареста я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали. Первый раз вызвали, сильно избили и обругали, заявляя, что я их подвёл, и потом отправили в камеру.

При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявлять о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров большевиками и что до тех пор, пока гестапо не убедится, что я это буду добросовестно делать, я не буду освобождён из тюрьмы. Я заявил офицеру, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избили.

Таких допросов, сопровождавшихся побоями, было несколько, в результате я совершенно обессилел, стал плохо слышать и не мог двигать правой рукой.

Примерно через месяц после моего ареста немецкий офицер вызвал меня и сказал: «Вот видите, **Киселёв**, к чему привело ваше упрямство. Мы решили казнить вас. Утром повезём в Катынский лес и повесим». Я просил офицера не делать этого, стал убеждать его, что я не подхожу для роли «очевидца» расстрела, так как вообще врать не умею и поэтому снова что-нибудь напутаю. Офицер настаивал на своём. Через несколько минут в кабинет вошли солдаты и начали избивать меня резиновыми дубинками.

А 081087

H1480 – 0039

Не выдержав побоев и истязаний, я дал согласие выступать публично с вымышленным рассказом о расстреле поляков большевиками. После этого я был освобождён из тюрьмы с условием — по первому требованию немцев выступать перед «делегациями» в Катынском лесу...

В каждом случае перед тем, как вести меня в лес к раскопкам могил, переводчик приходил ко мне домой, вызывал во двор, отводил в сторону, чтобы никто не слышал, и в течение получаса заставлял заучивать наизусть всё, что мне нужно будет говорить о якобы имевшем место расстреле НКВД польских офицеров в 1940 году.

Я вспоминаю, что переводчик говорил мне примерно следующее: «Я живу на хуторе в районе «Козьих Гор» недалеко от дачи НКВД. Весной 1940 г. я видел, как свозили в лес поляков и по ночам их там расстреливали». И обязательно нужно было дословно заявить, что «это дело рук НКВД».

После того, как я заучивал то, что мне говорил переводчик, он отводил меня в лес к разрытым могилам и заставлял повторять всё это в присутствии прибывших «делегаций». Мои рассказы строго контролировались и направлялись переводчиком гестапо.

Однажды я выступал перед какой-то «делегацией» и мне задали вопрос: «Видел ли я лично этих поляков до расстрела их большевиками». Я не был подготовлен к такому вопросу и ответил, как было в действительности, т. е. что видел польских военнопленных до начала войны, так как они работали на дорогах. Тогда переводчик грубо оттащил меня в сторону и прогнал домой.

Прошу мне верить, что меня всё время мучила совесть, так как я знал, что в действительности расстрел польских офицеров производился немцами в 1941 году,

H1480 – 0040

A 081088

но у меня другого выхода не было, так как я постоянно находился под страхом повторного ареста и пыток».

Показания **Киселёва П. Г.** о его вызове в гестапо, последующем аресте и избиениях подтверждаются проживающими вместе с ним его женой **Киселёвой** Аксиньей, 1870 года рождения, его сыном **Киселёвым** Василием, 1911 года рождения, и невесткой **Киселёвой** Марией, 1918 года рождения, а также занимающим у **Киселёва** на хуторе комнату дорожным мастером **Сергеевым** Тимофеем Ивановичем, 1901 года рождения.

Увечья, причинённые **Киселёву** в гестапо (повреждение плеча, значительная потеря слуха), подтверждены актом врачебно-медицинского обследования.

В поисках «свидетелей» немцы в дальнейшем заинтересовались работниками железнодорожной станции Гнездово, находящейся в двух с половиной километрах от «Козьих Гор».

На эту станцию весной 1940 года прибывали военнопленные поляки, и немцам, очевидно, хотелось получить соответствующие показания железнодорожников. В этих целях весной 1943 года немцами были вызваны в гестапо бывший начальник станции Гнездово — **Иванов С. В.**, дежурный по станции **Савватеев И. В.** и другие.

Об обстоятельствах своего вызова в гестапо **Иванов С. В.**, 1882 года рождения, показал:

«...Это было в марте 1943 года. Меня допрашивал немецкий офицер в присутствии переводчика. Расспросив меня через переводчика о том, кто я такой и какую должность занимал на станции Гнездово до оккупации района немцами, офицер спросил меня, известно ли мне о том, что весной 1940 года на станцию Гнездово в нескольких поездах, большими партиями, прибыли военнопленные польские офицеры.

Я сказал, что об этом я знаю.

Тогда офицер спросил меня, известно ли мне, что

Н1480 – 0041

А 081089

большевики той же весной 1940 года, вскоре после прибытия польских офицеров, всех их расстреляли в Катынском лесу.

Я ответил, что об этом мне ничего неизвестно и что этого не может быть потому, что прибывших весной 1940 года на станцию Гнездово военнопленных польских офицеров я встречал на протяжении 1940—1941 г.г., вплоть до занятия немцами Смоленска, на дорожно-строительных работах.

Офицер тогда заявил мне, что если германский офицер утверждает, что поляки были расстреляны большевиками, то значит так было на самом деле. «Поэтому», продолжал офицер, «вам нечего бояться, и вы можете со спокойной совестью подписать протокол, что военнопленные польские офицеры были расстреляны большевиками и что вы являлись очевидцем этого».

Я ответил ему, что я старик, мне уже 61 год и на старости лет я не хочу брать греха на душу. Я могу только показать, что военнопленные поляки действительно прибыли на станцию Гнездово весной 1940 года.

Тогда германский офицер стал уговаривать меня дать требуемые показания, обещая в положительном случае перевести меня с должности сторожа на переезде и назначить на должность начальника станции Гнездово, которую я занимал при советской власти, и обеспечить меня материально.

Переводчик подчеркнул, что мои показания, как бывшего железнодорожного служащего станции Гнездово, расположенной ближе всего к Катынскому лесу, чрезвычайно важны для германского командования и что я жалеть не буду, если дам такие показания.

Я понял, что попал в чрезвычайно тяжёлое положение и что меня ожидает печальная участь, но тем не менее я вновь отказался дать германскому офицеру вымышленные показания.

H1480 – 0042

A 08109

После этого офицер стал на меня кричать, угрожать избиением и расстрелом, заявляя, что я не понимаю собственной выгоды. Однако, я твёрдо стоял на своём.

Тогда переводчик составил короткий протокол на немецком языке на одной странице и рассказал своими словами его содержание.

В этом протоколе был записан, как мне рассказал переводчик, только факт прибытия польских военнопленных на станцию Гнездово. Когда я стал просить, чтобы мои показания были записаны не только на немецком, но и на русском языке, то офицер окончательно вышел из себя, избил меня резиновой палкой и выгнал из помещения...»

Савватеев И. В., 1880 года рождения, показал:

«...В гестапо я показал, что действительно весной 1940 года на ст. Гнездово в нескольких поездах прибывали военнопленные поляки и что они на машинах проследовали дальше, а куда — мне неизвестно. Я также добавил, что этих поляков я позднее встречал неоднократно на шоссе Москва — Минск, производивших небольшими партиями ремонтные работы.

Офицер заявил мне, что я путаю, что я не мог встречать поляков на шоссе, так как они расстреляны большевиками, и требовал, чтобы я именно об этом и показал. Я отказался.

После длительных угроз и уговариваний офицер посоветовался о чём-то с переводчиком на немецком языке, и переводчик тогда написал короткий протокол и дал мне его на подпись, объяснив, что здесь изложено содержание моих показаний. Я попросил переводчика дать мне возможность самому прочесть протокол, но тот оборвал меня бранью и приказал немедленно же подписать его и убираться вон. Я помедлил минуту, переводчик схватил висевшую на стене резиновую дубинку и замахнулся на меня. После этого я подписал

А 081091
Н1480 – 0043

подсунутый мне протокол. Переводчик сказал, чтобы я убирался домой и никому не болтал, иначе меня расстреляют...»

Поиски «свидетелей» не ограничились названными лицами. Немцы настойчиво старались разыскать бывших сотрудников НКВД и заставить их дать нужные для них ложные показания.

Случайно арестовав бывшего рабочего гаража УНКВД Смоленской области **Игнатюк Е. Л.**, немцы упорно путём угроз и избиений добивались от него дать показания о том, что он, якобы, являлся не рабочим гаража, а шофёром и лично возил на расстрел военнопленных поляков.

По этому вопросу **Игнатюк Е. Л.**, 1903 года рождения, показал:

«Когда я был в первый раз на допросе у начальника полиции **Алферчика**, он, обвиняя меня в агитации против немецких властей, спросил, кем я работал в НКВД. Я ему ответил, что я работал в гараже Управления НКВД Смоленской области в качестве рабочего. **Алферчик** на этом же допросе стал от меня добиваться, чтобы я ему дал показания о том, что я работал в Управлении НКВД не рабочим гаража, а шофёром.

Алферчик, не получив от меня нужных показаний, был сильно раздражён и вместе со своим адъютантом, которого он называл Жорж, завязали мне голову и рот какой-то тряпкой, сняли с меня брюки, положили на стол и начали бить резиновыми палками.

После этого меня опять вызвали на допрос, и **Алферчик** требовал от меня, чтобы я дал ему ложные показания о том, что польских офицеров в Катынском лесу расстреляли органы НКВД в 1940 году, о чём мне, якобы, как шофёру, участвовавшему в перевозке польских офицеров в Катынский лес и присутствовавшему при их расстреле, известно. При моём согласии

H1480 – 0044

A 081092

дать такие показания, **Алферчик** обещал освободить меня из тюрьмы и устроить на работу в полицию, где мне будут созданы хорошие условия жизни, в противном же случае они меня расстреляют...

Последний раз меня в полиции допрашивал следователь **Александров,** который требовал от меня таких же ложных показаний о расстреле польских офицеров, как и **Алферчик,** но и у него на допросе я отказался давать вымышленные показания.

После этого допроса меня опять избили и отправили в гестапо...

...В гестапо от меня требовали так же, как и в полиции, ложных показаний о расстреле польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году советскими властями, о чём мне, как шофёру, якобы, известно».

В изданной германским Министерством иностранных дел книге, в которой были помещены сфабрикованные немцами материалы по «Катынскому делу», кроме упомянутого выше **Киселёва П. Г.,** были названы в качестве «свидетелей» **Годезов** (он же **Годунов**), 1877 года рождения, **Сильверстов** Григорий, 1891 года рождения, **Андреев** Иван, 1917 года рождения, **Жигулёв** Михаил, 1915 года рождения, **Кривозерцев** Иван, 1915 года рождения, и **Захаров** Матвей, 1893 года рождения.

Проверкой установлено, что первые двое из перечисленных выше **(Годезов** и **Сильверстов)** умерли в 1943 г. до освобождения Смоленской области Красной Армией; следующие трое **(Андреев, Жигулёв** и **Кривозерцев)** ушли с немцами, а может быть, были ими увезены насильно, а последний — **Захаров** Матвей — бывший сцепщик на станции Смоленск, работавший при немцах старостой в дер. Новые Батеки, был разыскан и допрошен Специальной Комиссией.

Захаров рассказал, каким способом немцы получили у

H1480 – 0045

A 081093

него нужные им ложные показания по «Катынскому делу»:

«В начале марта 1943 года, — показал **Захаров**, — ко мне на квартиру пришёл сотрудник Гнездовского гестапо, фамилии его я не знаю, и сказал, что меня вызывает офицер.

Когда я пришёл в гестапо, немецкий офицер через переводчика заявил мне: «Нам известно, что вы работали сцепщиком на ст. Смоленск-центральная и должны показать, что в 1940 году через Смоленск направлялись вагоны с военнопленными поляками на станцию Гнездово, после чего поляки были расстреляны в лесу у «Козьих Гор».

В ответ на это я заявил, что вагоны с поляками в 1940 году действительно проходили через Смоленск по направлению на запад, но где была станция назначения — я не знаю...

Офицер сказал мне, что если я по-хорошему не желаю дать показания, то он заставит сделать это по принуждению. После этих слов он взял резиновую дубинку и начал меня избивать. Затем меня положили на скамейку, и офицер вместе с переводчиком били меня. Сколько было нанесено ударов, я не помню, т. к. вскоре потерял сознание.

Когда я пришёл в себя, офицер потребовал от меня подписать протокол допроса, и я, смалодушничав, под воздействием побоев и угроз расстрела, дал ложные показания и подписал протокол. После подписания протокола я был из гестапо отпущен...

Через несколько дней после моего вызова в гестапо, примерно в середине марта 1943 года, ко мне на квартиру пришёл переводчик и сказал, что я должен пойти к немецкому генералу и подтвердить там свои показания.

Когда мы пришли к генералу, он спросил у меня —

H1480 – 0046
А 081094

подтверждаю ли я свои показания. Я сказал, что подтверждаю, т. к. ещё в пути был предупреждён переводчиком, что если я откажусь подтвердить показания, то испытаю ещё гораздо худшее, чем испытал в первый раз в гестапо.

Боясь повторения пыток, я ответил, что свои показания подтверждаю. Потом переводчик приказал мне поднять вверх правую руку и сказал мне, что я принял присягу и могу итти домой».

Установлено, что немцы пытались получить нужные им показания, применяя уговоры, угрозы и истязания, и от других лиц, в частности от бывшего помощника начальника Смоленской тюрьмы **Каверзнева Н. С.**, бывшего работника той же тюрьмы **Ковалёва В. Г.** и других.

Так как поиски нужного количества свидетелей не увенчались успехом, немцы расклеили в г. Смоленске и окрестных деревнях следующую листовку, подлинный экземпляр которой имеется в материалах Специальной Комиссии:

Обращение к населению

Кто может дать данные про массовое убийство, совершённое большевиками в 1940 году над пленными польскими офицерами и священниками в лесу Козьи горы около шоссе Гнездово — Катын?

Кто наблюдал автотранспорты от Гнездова в Козьи горы или

кто видел или слышал расстрелы? Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом?

Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщения направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица 6, в Гнездово, в немецкую полицию дом № 105 у вокзала.

Фосс
лейтенант полевой полиции

3 май 1943 г.

H1480 – 0047
А 081095

Такое же объявление было помещено в издававшейся немцами в Смоленске газете «Новый путь» (№ 35 (157) от 6 мая 1943 г.).

О том, что немцы сулили награду за дачу нужных им показаний по «Катынскому делу», заявили опрошенные Специальной Комиссией свидетели — жители гор. Смоленска: **Соколова О. Е., Пущина Е. А., Бычков И. И., Бондарёв Г. Т., Устинов Е. П.** и многие др.

ОБРАБОТКА КАТЫНСКИХ МОГИЛ

Наряду с поисками «свидетелей», немцы приступили к соответствующей подготовке могил в Катынском лесу: к изъятию из одежды убитых ими польских военнопленных всех документов, помеченных датами позднее апреля 1940 года, т. е. времени, когда, согласно немецкой провокационной версии, поляки были расстреляны большевиками; к удалению всех вещественных доказательств, могущих опровергнуть ту же провокационную версию.

Расследованием Специальной Комиссии установлено, что для этой цели немцами были использованы русские военнопленные числом до 500 человек, специально отобранные из лагеря военнопленных № 126.

Специальная Комиссия располагает многочисленными свидетельскими показаниями по этому вопросу.

Из них особого внимания заслуживают показания врачебного персонала упомянутого лагеря.

Врач **Чижов А. Т.**, работавший в лагере № 126 в дни оккупации немцами Смоленска, показал:

«...Примерно в начале марта месяца 1943 года из Смоленского лагеря военнопленных № 126, из числа более физически крепких пленных, отобрано было несколько партий, общим количеством до 500 человек, для направления, якобы, на окопные работы. Впоследствии никто из этих пленных в лагерь не вернулся».

H1480 – 0048

А 081096

Врач **Хмыров В. А.**, также работавший при немцах в том же лагере, показал:

«Мне известно, что примерно во второй половине февраля месяца или начале марта 1943 г. из нашего лагеря было отправлено в неизвестном мне направлении около 500 человек военнопленных красноармейцев. Отправка этих пленных производилась, якобы, на окопные работы, почему и отбирались физически полноценные люди...»

Тождественные показания дали: медсестра **Леньковская О. Г.**, медсестра **Тимофеева А. И.**, свидетельницы **Орлова П. М.**, **Добросердова Е. Г.** и свидетель **Кочетков В. С.**

Куда на самом деле были направлены 500 советских военнопленных из лагеря № 126, явствует из показаний свидетельницы **Московской А. М.**

Гр-ка **Московская** Александра Михайловна, проживавшая на окраине гор. Смоленска и работавшая в период оккупации на кухне в одной из немецких воинских частей, подала 5 октября 1943 г. заявление в Чрезвычайную Комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов с просьбой вызвать её для дачи важных показаний.

Будучи вызвана, она рассказала Специальной Комиссии, что в марте месяце 1943 года перед уходом на работу, зайдя за дровами в свой сарай, находившийся во дворе у берега Днепра, она нашла в нём неизвестного человека, который оказался русским военнопленным.

Московская А. М., 1922 года рождения, показала:

«...Из разговора с ним я узнала следующее:

Его фамилия **Егоров**, зовут Николай, ленинградец. С конца 1941 года он всё время содержался в немецком лагере для военнопленных № 126 в городе Смоленске. В начале марта 1943 года он с колонной военнопленных в несколько сот человек был направлен

H1480 – 0049

А 081097

из лагеря в Катынский лес. Там их, в том числе и **Егорова**, заставляли раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров, вытаскивать эти трупы из ям и выбирать из их карманов документы, письма, фотокарточки и все другие вещи. Со стороны немцев был строжайший приказ, чтобы в карманах трупов ничего не оставлять. Два военнопленных были расстреляны за то, что после того, как они обыскали трупы, немецкий офицер у этих трупов обнаружил какие-то бумаги.

Извлекаемые из одежды, в которую были одеты трупы, вещи, документы и письма просматривали немецкие офицеры, затем заставляли пленных часть бумаг класть обратно в карманы трупов, остальные бросали в кучу изъятых таким образом вещей и документов, которые потом сжигались.

Кроме того, в карманы трупов польских офицеров немцы заставляли вкладывать какие-то бумаги, которые они доставали из привезённых с собой ящиков или чемоданов (точно не помню).

Все военнопленные жили на территории Катынского леса в ужасных условиях, под открытым небом и усиленно охранялись...

В начале апреля месяца 1943 года все работы, намеченные немцами, видимо, были закончены, так как 3 дня никого из военнопленных не заставляли работать...

Вдруг ночью их всех без исключения подняли и куда-то повели. Охрана была усилена. **Егоров** заподозрил что-то неладное и стал с особым вниманием следить за всем тем, что происходило. Шли они часа 3—4 в неизвестном направлении. Остановились в лесу на какой-то полянке у ямы. Он увидел, как группу военнопленных отделили от общей массы, погнали к яме, а затем стали расстреливать.

H1480 – 0050

А 081098

Военнопленные заволновались, зашумели, задвигались. Недалеко от **Егорова** несколько человек военнопленных набросились на охрану, другие охранники побежали к этому месту. **Егоров** воспользовался этим моментом замешательства и бросился бежать в темноту леса, слыша за собой крики и выстрелы.

После этого страшного рассказа, который врезался в мою память на всю жизнь, мне **Егорова** стало очень жаль и я просила его зайти ко мне в комнату отогреться и скрываться у меня до тех пор, пока он не наберётся сил. Но **Егоров** не согласился... Он сказал, что во что бы то ни стало сегодня ночью уйдёт и постарается пробраться через линию фронта к частям Красной Армии.

Но в этот вечер **Егоров** не ушёл. Наутро, когда я пошла проверить, он оказался в сарае. Как выяснилось, ночью он пытался уйти, но после того, как прошёл шагов пятьдесят, почувствовал такую слабость, что вынужден был возвратиться. Видимо, сказалось длительное истощение в лагере и голод последних дней. Мы решили, что он ещё день — два побудет у меня с тем, чтобы окрепнуть. Накормив **Егорова**, я ушла на работу.

Когда вечером я возвратилась домой, мои соседки — **Баранова** Мария Ивановна и **Кабановская** Екатерина Викторовна сообщили мне, что днём во время облавы немецкими полицейскими в моём сарае был обнаружен пленный красноармеец, которого они увели с собой».

В связи с обнаружением в сарае **Московской** военнопленного **Егорова** она вызывалась в гестапо, где её обвиняли в укрывательстве военнопленного.

Московская на допросах в гестапо упорно отрицала какое-либо отношение к этому военнопленному, утверждая, что о нахождении его в сарае, принадлежавшем ей, она ничего не знает. Не добившись признания от **Московской**, а также и потому, что военнопленный **Егоров**,

А 081099
H1480 – 0051

видимо, Московскую не выдал, она была выпущена из гестапо.

Тот же **Егоров** рассказал **Московской**, что часть военнопленных, работавших в Катынском лесу, помимо выкапывания трупов, занималась привозом в Катынский лес трупов из других мест. Привезённые трупы сваливались в ямы вместе с выкопанными ранее трупами.

Факт доставки в катынские могилы в большом количестве трупов расстрелянных немцами в других местах подтверждается также показаниями инженера-механика **Сухачёва П. Ф.**

Сухачёв П. Ф., 1912 года рождения, инженер-механик системы «Росглавхлеб», работавший при немцах машинистом на Смоленской городской мельнице, подал 8 октября 1943 года заявление с просьбой о вызове.

Будучи вызван Специальной Комиссией, он показал:

«...Как-то раз на мельнице во второй половине марта месяца 1943 года я заговорил с немецким шофёром, немного владевшим русским языком. Выяснив у него, что он везёт муку в деревню Савенки для воинской части и на другой день возвращается в Смоленск, я попросил его захватить меня с собой, дабы иметь возможность купить в деревне жировые продукты. При этом я учитывал, что проезд на немецкой машине для меня исключал риск быть задержанным на пропускном пункте. Немецкий шофёр согласился за плату. В тот же день, в десятом часу вечера, мы выехали на шоссе Смоленск — Витебск. Нас в машине было двое — я и немец-шофёр. Ночь была светлая, лунная, однако устилавший дорогу туман несколько снижал видимость. Примерно на 22—23 километре от Смоленска, у разрушенного мостика на шоссе, был устроен объезд с довольно крутым спуском. Мы стали уже спускаться с шоссе на объезд, как нам навстречу из тумана внезапно показалась грузовая машина. То ли от того, что

H1480 – 0052

А 081100

тормоза у нашей машины были не в порядке, то ли от неопытности шофёра, но мы не сумели затормозить нашу машину и вследствие того, что объезд был довольно узкий, столкнулись с шедшей навстречу машиной. Столкновение было не сильным, так как шофёр встречной машины успел взять в сторону, вследствие чего произошёл скользящий удар боковых сторон машин. Однако, встречная машина, попав правым колесом в канаву, свалилась одним боком на косогор. Наша машина осталась на колёсах. Я и шофёр немедленно выскочили из кабинки и подошли к свалившейся машине. Меня поразил сильный трупный запах, очевидно, шедший от машины. Подойдя ближе, я увидел, что машина была заполнена грузом, покрытым сверху брезентом, затянутым верёвками. От удара верёвки лопнули, и часть груза вывалилась на косогор. Это был страшный груз. Это были трупы людей, одетых в военную форму.

Около машины находилось, насколько я помню, человек 6—7, из них один немец-шофёр, два вооружённых автоматами немца, а остальные были русскими военнопленными, так как говорили по-русски и одеты были соответствующим образом.

Немцы с руганью набросились на моего шофёра, затем предприняли попытки поставить машину на колёса. Минуты через две к месту аварии подъехали ещё две грузовых машины и остановились. С этих машин к нам подошла группа немцев и русских военнопленных, всего человек 10. Общими усилиями все стали поднимать машину. Воспользовавшись удобным моментом, я тихо спросил одного из русских военнопленных: «Что это такое?» Тот также тихо мне ответил: «Которую уж ночь возим трупы в Катынский лес».

Свалившаяся машина ещё не была поднята, как ко мне и моему шофёру подошёл немецкий унтер-офицер и отдал приказание нам немедленно ехать дальше. Так

H1480 – 0053
А 081101

как на нашей машине никаких серьёзных повреждений не было, то шофёр, отведя её немного в сторону, выбрался на шоссе, и мы поехали дальше.

Проезжая мимо подошедших позднее двух машин, крытых брезентом, я также почувствовал страшный трупный запах».

Показания **Сухачёва** подтверждаются показаниями **Егорова** Владимира Афанасьевича, состоявшего в период оккупации на службе в полиции в качестве полицейского.

Егоров показал, что, неся по роду своей службы охрану моста на перекрёстке шоссейных дорог Москва — Минск и Смоленск — Витебск, он несколько раз ночью в конце марта и в первые дни апреля 1943 года наблюдал, как по направлению к Смоленску проезжали большие грузовые машины, крытые брезентом, от которых щёл сильный трупный запах. В кабинках машин и сзади поверх брезента сидело по нескольку человек, из которых некоторые были вооружены и, несомненно, являлись немцами.

О своих наблюдениях **Егоров** доложил начальнику полицейского участка в деревне Архиповка **Головневу** Кузьме Демьяновичу, который посоветовал ему «держать язык за зубами» и добавил: «Это нас не касается, нечего нам путаться в немецкие дела».

О том, что немцы перевозили трупы на грузовых машинах в Катынский лес, дал также показания **Яковлев-Соколов** Флор Максимович, 1896 года рождения, бывш. агент по снабжению столовых Смоленского треста столовых, а при немцах — начальник полиции Катынского участка.

Он показал, что лично видел один раз в начале апреля 1943 года, как с шоссе в Катынский лес прошли четыре крытых брезентом грузовых автомашины, в которых си-

H1480 – 0054
А 081102

дело несколько человек, вооружённых автоматами и винтовками. От этих машин шёл резкий трупный запах.

Из приведённых свидетельских показаний со всей ясностью можно заключить, что немцы расстреливали поляков и в других местах. Свозя их трупы в Катынский лес, они преследовали троякую цель: во-первых, уничтожить следы своих собственных злодеяний; во-вторых, свалить свои преступления на Советскую власть; в-третьих, увеличить количество «большевистских жертв» в могилах Катынского леса.

«ЭКСКУРСИИ» НА КАТЫНСКИЕ МОГИЛЫ

В апреле месяце 1943 года, закончив все подготовительные работы на могилах в Катынском лесу, немецкие оккупанты приступили к широкой агитации в печати и по радио, пытаясь приписать Советской власти зверства, совершённые ими самими над военнопленными поляками. В качестве одного из методов этой провокационной агитации немцы организовали посещения катынских могил жителями Смоленска и его окрестностей, а также и «делегациями» из стран, оккупированных немецкими захватчиками, или находящихся в вассальной зависимости от них.

Специальная Комиссия опросила ряд свидетелей, участвовавших в «экскурсиях» на катынские могилы.

Свидетель **Зубков К. П.**, врач патологоанатом, работавший в качестве судебно-медицинского эксперта в Смоленске, показал Специальной Комиссии:

«...Одежда трупов, особенно шинели, сапоги и ремни, была довольно хорошо сохранившейся. Металлические части одежды — пряжки ремней, пуговицы, крючки, шипы на ботинках и прочее имели не резко выраженную ржавчину и в некоторых случаях местами сохраняли блеск металла. Доступные осмотру ткани тела трупов — лица, шеи, руки имели преимущественно грязный зеленоватый цвет, в отдельных случаях

H1480 – 0055

A 081103

грязнокоричневый, но полного разрушения тканей, гниения не было. В отдельных случаях были видны обнажённые сухожилия белесоватого цвета и часть мышц. Во время моего пребывания на раскопках на дне большой ямы работали люди по разборке и извлечению трупов. Для этого они применяли лопаты и другие инструменты, а также брали трупы руками, перетаскивали их за руки, за ноги и одежду с места на место. Ни в одном случае не приходилось наблюдать, чтобы трупы распадались, или чтобы отрывались у них отдельные части.

Учитывая всё вышеизложенное, я пришёл к выводу, что давность пребывания трупов в земле — не три года, как утверждали немцы, а значительно меньше. Зная, что в массовых могилах гниение трупов протекает быстрее, чем в одиночных и тем более без гробов, я пришёл к выводу, что массовый расстрел поляков был произведён около полутора лет тому назад и может относиться к осени 1941 г. или весне 1942 г. В результате посещения раскопок, я твёрдо убедился, что совершённое чудовищное злодеяние — дело рук немцев».

Показания о том, что одежда трупов, её металлические части, обувь, а также сами трупы хорошо сохранились, дали допрошенные Специальной Комиссией многочисленные свидетели, участвовавшие в «экскурсиях» на катынские могилы, в том числе: заведующий Смоленской водопроводной сетью **Куцев И. З.**, учительница катынской школы **Ветрова Е. Н.**, телефонистка Смоленского отделения связи **Щедрова Н. Г.**, житель дер. Борок **Алексеев М. А.**, житель дер. Новые Батеки **Кривозерцев Н. Г.**, дежурный по ст. Гнездово **Савватеев И. В.**, гражданка Смоленска **Пущина Е. А.**, врач 2-й Смоленской больницы **Сидорук Т. А.**, врач той же больницы **Кесарев П. М.**, и др.

H1480 – 0056

А 081104

ПОПЫТКИ НЕМЦЕВ ЗАМЕСТИ СЛЕДЫ СВОИХ ЗЛОДЕЯНИЙ

Организованные немцами «экскурсии» не достигали своей цели. Все побывавшие на могилах убеждались в том, что перед ними налицо самая грубая и явная немецко-фашистская провокация. Поэтому со стороны немецких властей принимались меры к тому, чтобы заставить сомневающихся молчать.

Специальная Комиссия располагает показаниями целого ряда свидетелей, которые рассказали о том, как преследовали немецкие власти тех, кто сомневался, или не верил в провокацию. Их увольняли со службы, арестовывали, угрожали расстрелом. Комиссия установила два случая расстрела за неумение «держать язык на привязи»: такая расправа была учинена над бывшим немецким полицейским **Загайновым** и над **Егоровым А. М.**, работавшим на раскопках могил в Катынском лесу.

Показания о преследовании немцами людей, выражавших свои сомнения после посещения могил в Катынском лесу, дали: уборщица аптеки № 1 Смоленска **Зубарёва М. С.**, помощник санитарного врача Сталинского райздравотдела Смоленска **Козлова В. Ф.** и другие.

Быв. нач. полиции катынского участка **Яковлев-Соколов Ф. М.** показал:

«Создалась обстановка, вызывавшая серьёзную тревогу в немецкой комендатуре, и на места полицейским аппаратам срочно были даны указания, во что бы то ни стало пресечь все вредные разговоры и арестовать всех лиц, высказывающих неверие в «катынское дело».

Мне лично, как нач. участковой полиции, такие указания дали: в конце мая 1943 г. немецкий комендант с. Катынь обер-лейтенант **Браунг** и в начале июня — нач. Смоленской районной полиции **Каменецкий.**

Я созвал инструктивное совещание полицейских своего участка, на котором предложил задерживать и до-

А 081105
H1480 – 0057

H1480 – 0058

ставлять в полицию каждого высказывающего неверие и сомневающегося в правдоподобии сообщений немцев о расстреле большевиками польских военнопленных.

Выполняя эти указания немецких властей, я явно кривил душой, так как сам был уверен, что «катынское дело» — немецкая провокация. Полностью я убедился в этом, когда лично побывал на «экскурсии» в Катынском лесу».

Видя, что «экскурсии» местного населения на катынские могилы не достигают цели, немецкие оккупационные власти летом 1943 г. распорядились зарыть эти могилы.

Перед своим отступлением из Смоленска немецкие оккупационные власти стали наспех заметать следы своих злодеяний. Дача, которую занимал «штаб 537 строительного батальона», была сожжена до тла. Трёх девушек — **Алексееву, Михайлову** и **Конаховскую** немцы разыскивали в дер. Борок, чтобы увезти с собой, а может быть, и уничтожить. Разыскивали немцы и своего главного «свидетеля» — **Киселёва П. Г.**, но тот вместе со своей семьёй успел скрыться. Немцы сожгли его дом.

Немцы старались схватить и других «свидетелей» — б. начальника станции Гнездово **Иванова С. В.** и б. дежурного по этой станции **Савватеева И. В.**, а также б. сцепщика ст. Смоленск **Захарова М. Д.**

В самые последние дни перед отступлением из Смоленска немецко-фашистские оккупанты искали профессоров **Базилевского** и **Ефимова.** Обоим удалось избегнуть увода или смерти лишь потому, что они заблаговременно скрылись.

Однако, замести следы и скрыть свои преступления немецко-фашистским захватчикам не удалось.

Произведённая судебно-медицинская экспертиза эксгумированных трупов с неопровержимой ясностью доказы-

А 081106

вает, что расстрел военнопленных поляков был произведён самими немцами.

Ниже приводится акт судебно-медицинской экспертизы.

АКТ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

По указанию Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ гор. Смоленска) военнопленных польских офицеров, судебно-медицинская экспертная комиссия в составе:

Главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, директора Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР — **В. И. Прозоровского;**

Профессора судебной медицины 2-го Московского Государственного медицинского института, доктора медицинских наук — **В. М. Смольянинова;**

Профессора патологической анатомии, доктора медицинских наук — **Д. Н. Выропаева;**

Старшего научного сотрудника Танатологического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доктора **П. С. Семеновского;**

Старшего научного сотрудника Судебно-Химического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доцента **М. Д. Швайковой;**

при участии:

Главного судебно-медицинского эксперта Западного фронта, майора медицинской службы **Никольского;**

Судебно-медицинского эксперта Н... армии, капитана медицинской службы **Бусоедова;**

Начальника Патолого-анатомической лаборатории 92, майора медицинской службы — **Субботина;**

H1480 – 0059
А 081107

Майора медицинской службы **Оглоблина;**

Врача-специалиста, старшего лейтенанта медицинской службы **Садыкова;**

Старшего лейтенанта медицинской службы **Пушкарёвой;**

в период с 16-го по 23-е января 1944 г. произвела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов польских военнопленных, погребённых в могилах на территории «Козьи Горы» в Катынском лесу, в 15-ти километрах от гор. Смоленска. Трупы польских военнопленных были погребены в общей могиле размером около $60 \times 60 \times 3$ метра и, кроме того, в отдельной могиле размером около $7 \times 6 \times 3{,}5$ метра. Из могил эксгумировано и исследовано 925 трупов.

Эксгумация и судебно-медицинское исследование трупов произведены для установления:

а) личности покойных;

б) причины смерти;

в) давности погребения.

Обстоятельства дела: см. материалы Специальной Комиссии.

Объективные данные: см. протоколы судебно-медицинских исследований трупов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебно-медицинская экспертная комиссия, основываясь на результатах судебно-медицинских исследований трупов, приходит к следующему заключению:

По раскрытии могил и извлечении трупов из них установлено:

а) среди массы трупов польских военнопленных находятся трупы в гражданской одежде, количество их по отношению к общему числу исследованных трупов незначительно (всего 2 на 925 извлечённых трупов); на трупах были надеты ботинки военного образца;

H1480 – 0060

А 081108

б) одежда на трупах военнопленных свидетельствует об их принадлежности к офицерскому и частично к рядовому составу польской армии;

в) обнаруженные при осмотре одежды разрезы карманов и сапог, вывороченные карманы и разрывы их показывают, что вся одежда на каждом трупе (шинель, брюки и др.), как правило, носит на себе следы обыска, произведённого на трупах;

г) в некоторых случаях при осмотре одежды отмечена целость карманов. В этих карманах, а также в разрезанных и разорванных карманах, под подкладкой мундиров, в поясах брюк, в портянках и носках найдены обрывки газет, брошюры, молитвенники, почтовые марки, открытые и закрытые письма, квитанции, записки и другие документы, а также ценности (слиток золота, золотые доллары), трубки, перочинные ножи, курительная бумага, носовые платки и др.;

д) на части документов (даже без специальных исследований) при осмотре их констатированы даты, относящиеся к периоду от 12 ноября 1940 г. до 20 июня 1941 г.;

е) ткань одежды, особенно шинелей, мундиров, брюк и верхних рубашек, хорошо сохранилась и с очень большим трудом поддаётся разрыву руками;

ж) у очень небольшой части трупов (20 из 925) руки оказались связанными позади туловища с помощью белых плетёных шнуров.

Состояние одежды на трупах, именно тот факт, что мундиры, рубашки, поясные ремни, брюки и кальсоны застёгнуты; сапоги или ботинки надеты; шарфы и галстуки повязаны вокруг шеи, помочи пристёгнуты, рубашки заправлены в брюки — свидетельствует, что наружного осмотра туловища и конечностей трупов ранее не производилось.

Сохранность кожных покровов на голове и отсутствие

Н1480 – 0061

А 081109

на них, а также на покровах груди и живота (кроме трёх случаев из 925) каких бы то ни было надрезов, разрезов и других признаков экспертной деятельности указывает, что судебно-медицинского исследования трупов не производилось, судя по эксгумированным судебно-медицинской экспертной комиссией трупам.

Наружный и внутренний осмотры 925 трупов дают основания утверждать наличие огнестрельных ранений головы и шеи, в четырёх случаях сочетавшихся с повреждением костей свода черепа тупым, твёрдым, тяжёлым предметом. Кроме того, в незначительном количестве случаев обнаружено повреждение живота при одновременном ранении головы.

Входные отверстия огнестрельных ранений, как правило, единичные, реже — двойные, расположены в затылочной области головы вблизи от затылочного бугра, большого затылочного отверстия или на его краю. В небольшом числе случаев входные огнестрельные отверстия найдены на задней поверхности шеи, соответственно 1, 2, 3 шейным позвонкам.

Выходные отверстия обнаружены чаще всего в лобной области, реже — в теменных и височных областях, а также на лице и шее. В 27 случаях огнестрельные ранения оказались слепыми (без выходных отверстий) и в конце пулевых каналов под мягкими покровами черепа, в его костях, в оболочках и веществе мозга найдены деформированные, слабодеформированные и вовсе недеформированные оболочечные пули, применяемые при стрельбе из автоматических пистолетов, преимущественно калибра 7,65 мм.

Размеры входных отверстий на затылочной кости допускают вывод, что при расстрелах было употреблено огнестрельное оружие двух калибров: в подавляющем большинстве случаев — менее 8 мм, т. е. 7,65 мм и менее; в меньшем числе — свыше 8 мм, т. е. 9 мм.

H1480 – 0062

А 081110

Характер трещин костей черепа и обнаружение в некоторых случаях пороховых остатков у входного отверстия говорит о том, что выстрелы были произведены в упор или почти в упор.

Взаиморасположение входных и выходных отверстий показывает, что выстрелы производились сзади, при наклонённой вперёд голове. При этом пулевой канал проходил через жизненно важные отделы головного мозга или вблизи от них и разрушение ткани мозга являлось причиной смерти.

Обнаруженные на костях свода черепа повреждения тупым, твёрдым, тяжёлым предметом сопутствовали огнестрельным ранениям головы и сами по себе причиной смерти не служили.

Судебно-медицинские исследования трупов, произведённые в период с 16 по 23 января 1944 г., свидетельствуют о том, что совершенно не имеется трупов в состоянии гнилостного распада или разрушения и что все 925 трупов находятся в сохранности — в начальной стадии потери трупом влаги (что наиболее часто и резко было выражено в области груди и живота, иногда и на конечностях; в начальной стадии жировоска; в резкой степени жировоска у трупов, извлечённых со дна могил); в сочетании обезвоживания тканей трупа и образования жировоска.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что мышцы туловища и конечностей совершенно сохранили свою макроскопическую структуру и свой почти обычный цвет; внутренние органы грудной и брюшной полости сохранили свою конфигурацию, в целом ряде случаев мышца сердца на разрезах имела ясно различимое строение и присущую ей окраску, а головной мозг представлял характерные структурные особенности с отчётливо выраженной границей серого и белого вещества. Кроме макроскопического исследования тканей и органов тру-

H1480 – 0063

А-081111

H1480 – 0064

па, судебно-медицинской экспертизой изъят соответствующий материал для последующих микроскопических и химических исследований в лабораторных условиях.

В сохранении тканей и органов трупов имели известное значение свойства почвы на месте обнаружения.

По раскрытии могил и изъятии трупов и пребывании их на воздухе они подвергались действию тепла и влаги в весенне-летнее время 1943 г. Это могло оказать влияние на резкое развитие процесса разложения трупов.

Однако степень обезвоживания трупов и образования в них жировоска, особо хорошая сохранность мышц и внутренних органов, а также и одежды дают основания утверждать, что трупы находились в почве недолгое время.

Сопоставляя же состояние трупов в могилах на территории «Козьи Горы» с состоянием трупов в других местах захоронения в г. Смоленске и его ближайших окрестностях — в Гедеоновке, Магаленщине, Реадовке, лагере № 126, Красном бору и т. д. (см. акт суд. мед. экспертизы от 22-го октября 1943 г.), надлежит признать, что погребение трупов польских военнопленных на территории «Козьи Горы» произведено около 2-х лет тому назад. Это находит своё полное подтверждение в обнаружении в одежде на трупах документов, исключающих более ранние сроки погребения (см. пункт «д» ст. 36 и опись документов).

Судебно-медицинская экспертная комиссия на основе данных и результатов исследований —

считает установленным акт умерщвления путём расстрела военнопленных офицерского и частично рядового состава польской армии;

утверждает, что этот расстрел относится к периоду около 2-х лет тому назад, т. е. между сентябрём — декабрём 1941 г.;

усматривает в факте обнаружения судебно-медицинской экспертной комиссией в одежде трупов ценностей и

081112

H1480 – 0065

документов, имеющих дату 1941 г. — доказательство того, что немецко-фашистские власти, предпринявшие в весенне-летнее время 1943 г. обыск трупов, произвели его не тщательно, а обнаруженные документы свидетельствуют о том, что расстрел произведён после июня 1941 г.;

констатирует, что в 1943 г. немцами произведено крайне ничтожное число вскрытий трупов расстрелянных польских военнопленных;

отмечает полную идентичность метода расстрела польских военнопленных со способом расстрелов мирных советских граждан и советских военнопленных, широко практиковавшимся немецко-фашистскими властями на временно оккупированной территории СССР, в том числе в городах — Смоленске, Орле, Харькове, Краснодаре, Воронеже.

Главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР, директор Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР — В. И. ПРОЗОРОВСКИЙ.
Профессор судебной медицины 2-го Московского государственного медицинского института, доктор медицинских наук — В. М. СМОЛЬЯНИНОВ.
Профессор патологической анатомии, доктор медицинских наук — Д. Н. ВЫРОПАЕВ.
Старший научный сотрудник танатологического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР, доктор—П. С. СЕМЕНОВСКИЙ.
Старший научный сотрудник судебно-химического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР, доцент — М. Д. ШВАЙКОВА.

Смоленск. 24 января 1944 г.

081113

H1480 – 0066

ДОКУМЕНТЫ, НАЙДЕННЫЕ НА ТРУПАХ

Кроме данных, зафиксированных в акте судебно-медицинской экспертизы, время расстрела немцами военнопленных польских офицеров (осень 1941 г., а не весна 1940 г., как утверждают немцы) устанавливается также и обнаруженными при вскрытии могил документами, относящимися не только ко второй половине 1940 г., но и к весне и лету (март — июнь) 1941 г.

Из обнаруженных судебно-медицинскими экспертами документов заслуживают особого внимания следующие:

1. На трупе № 92:

Письмо из Варшавы, адресованное Красному Кресту в Центральное Бюро военнопленных — Москва, ул. Куйбышева, 12. Письмо написано на русском языке. В этом письме Софья **Зигонь** просит сообщить местопребывание её мужа Томаша **Зигоня**. Письмо датировано **12.IX—40 г.** На конверте имеется немецкий почтовый штамп — «Варшава, IX—40» и штамп — «Москва, почтамт 9 экспедиция, 28.IX—40 года» и резолюция красными чернилами на русском языке: «Уч. установить лагерь и направить для вручения. 15.XI—40 г.» (подпись неразборчива).

2. На трупе № 4:

Почтовая открытка, заказная № 0112 из Тарнополя с почтовым штемпелем «Тарнополь **12.XI—40 г.**»

Рукописный текст и адрес обесцвечены.

3. На трупе № 101:

Квитанция № 10293 от 19.XII—1939 г., выданная Козельским лагерем о приёме от Левандовского Эдуарда Адамовича золотых часов. На обороте квитанции имеется запись **от 14 марта 1941 г. о** продаже этих часов Ювелирторгу.

081114

H1480 – 0067

4. **На трупе № 46:**

Квитанция (№ неразборчив), выданная 16.XII—1939 г. Старобельским лагерем о приёме от **Арашкевича** Владимира Рудольфовича золотых часов. На обороте квитанции имеется отметка **от 25 марта 1941 г.** о том, что часы проданы Ювелирторгу.

5. **На трупе № 71:**

Бумажная иконка с изображением Христа, обнаруженная между 144 и 145 страницами католического молитвенника. На обороте иконки имеется надпись, из которой разборчива подпись — «Ядвиня» и дата **«4 апреля 1941 г.»**

6. **На трупе № 46:**

Квитанция от **6 апреля 1941 г.**, выданная лагерем № 1-ОН о приёме от **Арашкевича** денег в сумме 225 рублей.

7. **На том же трупе № 46:**

Квитанция от **5 мая 1941 г.**, выданная лагерем № 1-ОН о приёме от **Арашкевича** денег в сумме 102 рубля.

8. **На трупе № 101:**

Квитанция от **18 мая 1941 г.**, выданная лагерем № 1-ОН о приёме от **Левандовского Э.** денег в сумме 175 рублей.

9. **На трупе № 53:**

Неотправленная почтовая открытка на польском языке в адрес: Варшава, Багателя 15 кв. 47 Ирене **Кучинской.** Датирована **20 июня 1941 г.** Отправитель **Станислав Кучинский.**

А 081115

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Из всех материалов, находящихся в распоряжении Специальной Комиссии, а именно — показаний свыше 100 опрошенных ею свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы, документов и вещественных доказательств, извлечённых из могил Катынского леса, с неопровержимой ясностью вытекают нижеследующие выводы:

1. Военнопленные поляки, находившиеся в трёх лагерях западнее Смоленска и занятые на дорожно-строительных работах до начала войны, оставались там и после вторжения немецких оккупантов в Смоленск до сентября 1941 г. включительно;

2. В Катынском лесу осенью 1941 г. производились немецкими оккупационными властями массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей;

3. Массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу производило немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием «штаб 537 строительного батальона», во главе которого стояли обер-лейтенант **Арнес** и его сотрудники — обер-лейтенант **Рекст,** лейтенант **Хотт;**

4. В связи с ухудшением для Германии общей военно-политической обстановки к началу 1943 г. немецкие оккупационные власти в провокационных целях предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные злодеяния органам советской власти в расчёте поссорить русских с поляками;

5. В этих целях:

а) немецко-фашистские захватчики, путём уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний, старались найти «свидетелей» из числа советских граждан, от которых добивались ложных показаний о том,

H1480 – 0068

А 081116

что военнопленные поляки якобы были расстреляны органами советской власти весной 1940 г.;

б) немецкие оккупационные власти весной 1943 г. свозили из других мест трупы расстрелянных ими военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катынского леса с расчётом скрыть следы своих собственных злодеяний и увеличить число «жертв большевистских зверств» в Катынском лесу;

в) готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти для работ по разрытию могил в Катынском лесу, извлечению оттуда изобличающих их документов и вещественных доказательств использовали до 500 русских военнопленных, которые по выполнении этой работы были немцами расстреляны.

6. Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливаются:

а) время расстрела — осень 1941 г.;

б) применение немецкими палачами при расстреле польских военнопленных того же способа пистолетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан в других городах, в частности, в Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске.

7. Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 г. полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлечёнными из катынских могил;

8. Расстреливая польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику физического уничтожения славянских народов.

Председатель Специальной Комиссии, член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик Н. Н. БУРДЕНКО.

H1480 – 0069

Р081117

ЧЛЕНЫ: Член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик Алексей ТОЛСТОЙ.

Член Чрезвычайной Государственной Комиссии — Митрополит НИКОЛАЙ.

Председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант А. С. ГУНДОРОВ.

Председатель Исполкома Союза Обществ «Красного Креста» и «Красного Полумесяца» С. А. КОЛЕСНИКОВ.

Народный Комиссар Просвещения РСФСР, академик В. П. ПОТЕМКИН.

Начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии, генерал-полковник Е. И. СМИРНОВ.

Председатель Смоленского облисполкома Р. Е. МЕЛЬНИКОВ.

24 января 1944 года, гор. Смоленск.

А 081118

Настоящим удостоверяю, что это сообщение аутентично подлиннику. Подлинник хранится в делах Чрезвычайной Государственной Комиссии в гор. Москве

Уполномоченный Чрезвычайной Государственной Комиссии

14/I-1946 г.

H1480 – 0070

H1480 – 0071

СОДЕРЖАНИЕ

СООБЩЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ РАССТРЕЛА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В КАТЫНСКОМ ЛЕСУ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬСКИХ ОФИЦЕРОВ 3
Катынский лес 5
Военнопленные поляки в районе Смоленска 6
Облавы на польских военнопленных 9
Расстрелы военнопленных поляков 10
Возникновение немецкой провокации 20
Обработка катынских могил 33
«Экскурсии» на катынские могилы 40
Попытки немцев замести следы своих злодеяний . . . 42
Акт судебно-медицинской экспертизы 44
Заключение 45
Документы, найденные на трупах 51
Общие выводы 53

Подписано в печать 25 февраля 1944 г.
А4631. Объём 3½ печ. л. Тираж 25.000 экз. Цена 30 коп. Зак. 255.

Типогр. газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

А 081119

30 коп.

H1480 – 0072

Filed Feb. 13, 1946
Int. Mil. Trib.
Secy.

Международный военный трибунал

H-1480a

ДОКУМЕНТЫ ОБВИНЕНИЯ

ПО ДЕЛУ №

Главный обвинитель
от СССР

СССР № 52

H1480 – 0073

A 081051

H1480-0073A

10, Page

СССР-52

ДОКУМЕНТЫ

Чрезвычайной Государственной Комиссии

по установлению и расследованию
злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их
сообщников и причинённого ими ущерба гражданам,
колхозам, общественным организациям
и государственным предприятиям
и учреждениям СССР

ЛАГЕРЬ ОСВЕНЦИМ

СССР—52

INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL
NURNBERG, GERMANY
USSR Exhibit 52
Filed Feb 13, 1946

H1480 – 0074

A 081052

H1480 – 0075

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Показания Ван-Дер-Годена Эдмонда из Гарлема, голландского подданного	3
Письмо в Чрезвычайную Государственную Комиссию профессора Клермон-Ферранского университета Анри Лимузена	—
Письмо в Чрезвычайную Государственную Комиссию доктора медицины профессора Пражского университета Бертольда Эпштейна	4
Телеграмма СС-оберштурмфюрера Зоммера	5
Письмо в Чрезвычайную Государственную Комиссию доктора Бруно Фишера	—
Заявление голландского подданного Э. де-Винда о гинекологических опытах, проводимых немцами в концлагере Освенцим	6
Письмо в Чрезвычайную Государственную Комиссию профессора университета в г. Пейч (Венгрия) Мансфельда Геза	7
Директива фюрера бригады СС Глюкса о казни русских военнопленных	8
Директива руководителя 2-го отдела от 17 ноября 1941 года	—
Собственноручные показания военнопленного Пауля-Людвига-Готлиба Вальдманна	—

A 081053

H1480 – 0076

ПОКАЗАНИЯ ВАН-ДЕР-ГОДЕНА ЭДМОНДА ИЗ ГАРЛЕМА, ГОЛЛАНДСКОГО ПОДДАННОГО

Я родился в Гарлеме 14 января 1921 года. Из всего времени (26 месяцев), проведенного мною в немецких концентрационных лагерях, самое ужасное воспоминание осталось от 9-месячного пребывания в угольных шахтах концлагеря Янина, куда я был отправлен из Биркенау в августе 1943 года.

Моя работа заключалась в перевозке брёвен, балок и дров. Надо было бревно 5 метров длины и 35 сантиметров ширины тянуть в буровую скважину. Мы были разделены на группы в 40 человек, и каждая группа охранялась двумя эсэсовцами, которые били нас палками со стальными наконечниками. От побоев часто появлялись флегмоны.

Мой товарищ Анри Поляк, голландский еврей из Амстердама, был убит таким образом оберштайгером Яуном из Бреславля. Молодые эсэсовцы нас избивали прикладами винтовок и часто бросали ручные гранаты. Для «развлечения» они натравливали на нас собак. Тот, кто не мог погрузить в течение 7 часов 35 вагонеток с углём, не получал горячей пищи.

Во время взрывов динамитом, которые происходили 5—6 раз в день, евреев заставляли находиться близко от места взрыва, так что ежедневно среди нас было 3—4 мёртвых. Число евреев-шахтёров пополнялось еженедельно из числа вновь прибывавших.

После 9-месячной каторжной работы я заболел и был отправлен в госпиталь в Биркенау.

ПИСЬМО В ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ КОМИССИЮ ПРОФЕССОРА КЛЕРМОН-ФЕРРАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА АНРИ ЛИМУЗЕНА

Освенцим, 4 марта 1945 года

Господину представителю
Чрезвычайной Государственной Комиссии
по расследованию нацистских зверств
в лагере Освенцим

В интересах человечества, чтобы весь мир знал о невероятных способах, которые применяли немецкие нацисты в концентрационном лагере, я считаю своим долгом доложить вам моё личное мнение, а также всё виденное мною и всё, что я узнал с тех пор, как был арестован и заключён в немецкие концлагери.

После моего ареста 6 марта 1944 года в Клермон-Ферране (Франция) я был заключён в немецкую военную тюрьму, где просидел три месяца. Режим, применяемый к заключённым, был отвратительный. Пища безусловно недостаточная, камера без воздуха и без всяких гигиенических условий. Отсутствовала элементарная медицинская помощь заключённым. За больными ухода не было, по людям ползали паразиты: вши, блохи, клопы. Допросы гестапо проводились всегда с сатанински утончённой жестокостью. Собственными глазами я видел тех моих сотоварищей, которым удавалось возвратиться с допроса живыми. Они были покрыты ранами, полученными во время допроса. Многие из них вообще не возвращались и умирали на допросе. Чтобы заставить свои жертвы говорить, полицейские били их до потери сознания. Я видел молодую женщину, которая была не только избита, но на груди у неё остались на много недель следы ожогов от папирос, которые полицейские прикладывали к телу во время допроса.

В лагере Компьен, где я провёл впоследствии три недели, заключённым была оказана помощь французского Красного Креста, которая была разрешена врачом. Это дало возможность кормить нас немного лучше, но условия гигиены и здесь были плохие; мы были покрыты паразитами.

При отправке в Германию по железной дороге эшелона в 2400 человек нас погрузили по 100 человек в каждый вагон. Двери вагонов заперли, для проветривания оставили открытым единственное решётчатое окно. Это было в июле. Поезд стоял целый день на солнцепёке, и многие из нас заболели. Несмотря на наши крики и зов на помощь, стражники отказывали нам открыть двери. В результате, когда мы прибыли после четырёхдневной езды в Дахау (Бавария), в эшелоне оказалось 960 мёртвых; в частности в одном вагоне было 96 мёртвых, и только четверо остались жить, из них один был болен. О больном предупредили стражника. Тот пошёл и принёс ящик, отмеченный красным крестом. Товарищи думали, что он идёт его лечить. Случилось обратное: стражник вынул револьвер и пристрелил больного. Я пробыл в Дахау с июля до ноября. Карантинные блоки были переполнены заключёнными, которые целый день находились на солнце и не имели шапок. Пищи было недостаточно. Все мы исхудали. Впоследствии я работал в лагерном госпитале как рабочий в мертвецкой. Моя работа заключалась в том, чтобы переносить мёртвых, чистить помещение и инструменты. Я мог, таким образом, наблюдать причину смерти заключённых, умерших в госпитале, вне госпиталя или привезённых из других лагерей.

В ноябре 1944 года меня отправили в Освенцим как специалиста по патологии. Здесь я пробыл приблизительно месяц в карантинном блоке, где должен был чистить уборные, полы и носить обеды тем заключённым, которые находились в тюрьме (бункере). Пища приготовлялась грязно и по количеству была мизерной. К концу декабря я, будучи страшно истощённым, заболел эдемом, поносом и диарреей, после чего был принят в госпиталь, где и находился вплоть до освобождения Красной Армией.

Для тех, кто имел диэту, пища здесь была чище, но явно в мизерном количестве.

Ниже даю показания, основанные на том, что я лично видел и что слышал от моих товарищей, заслуживающих полного доверия.

A 081054

1. Нацисты очень часто производили над заключёнными гнусные опыты, которые влекли за собой смерть или, в лучшем случае, увечья и инвалидность. Сотням заключённых, людям, которых я знал, сделали прививки заразных болезней. Другие служили для опытов, насколько человеческий организм может выдержать усталость, холод или жажду. Это говорит за то, что опыты эти не были делом личной инициативы. Совсем недавно прибыл циркуляр из Берлина (один из моих товарищей его сам читал), предписывавший, что опыты могут быть сделаны только над людьми, дающими на это своё согласие. Я подчёркиваю, что до этого циркуляра опыты предписывались или просто разрешались немецким правительством и что заключённые были искалечены этими опытами против их воли. Я освидетельствовал здесь двух заключённых, которые были подвергнуты опытам стерилизации, а затем и кастрации.

2. Систематическое умерщвление больных, которые не могли быстро поправиться и стать на работу (стариков, детей, слабоумных, туберкулёзных, калек) производилось в газовой камере или ядовитыми уколами. Уколы делались внутривенные воздухом или бензолом, или прямо в сердце феноловой кислотой.

3. Массовые умерщвления целых эшелонов или огромной части из них происходили в газовых камерах; жертвы часто выбирались немецким врачом; это были преимущественно дети, женщины, пожилые люди и инвалиды.

4. Смертная казнь присуждалась заключённым за попытку к бегству, по политическим мотивам или за нарушение дисциплины. Обвинение часто ни на чём не обосновывалось; казнь производилась путём повешения или расстрела, выстрелом в голову из револьвера. Трупы из концлагеря всегда сжигались, и пепел уничтожался, чтобы замести следы.

5. Принудительная работа на фабриках, заводах, постройках, где надсмотрщики («капо») назначались из числа заключённых по признаку наибольшей жестокости или же старые криминальные преступники, большей частью немцы. Я имел случай видеть массу заключённых, смертельно или опасно раненных от полученных побоев, без всякого основания, только вследствие садистских наклонностей надсмотрщиков.

6. Телесные наказания, официальные и публичные, заключались в том, что заключённому давали 25 ударов палкой или плёткой. Зачастую палачи удваивали число ударов, приговаривая при этом: «25 ударов за восточный фронт и 25 за западный фронт». Я лично видел заключённых со следами на теле от этих ударов.

7. Нарушение постановлений Гаагской конференции относительно военнопленных. Многие из них, будь то русские или французы, были отправлены в концлагери за попытку к бегству или якобы за проступок во время работы. Существовали исправительные лагери для военнопленных, где с ними обращались с неслыханной жестокостью.

Все эти данные я считаю своим долгом сообщить комиссии, представителем которой Вы являетесь.

С совершенным почтением
доктор *Лимузен*

Профессор *Лимузен Анри* Клермон-Ферранского университета (Франция), профессор анатомии, патологии и экспериментальной медицины.

ПИСЬМО В ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ КОМИССИЮ ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ ПРОФЕССОРА ПРАЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА БЕРТОЛЬДА ЭПШТЕЙНА

Представителю Чрезвычайной Государственной Комиссии

В связи с работой Государственной Комиссии я считаю нужным сообщить всё мною пережитое.

В течение двух лет я наблюдал в лагерях Освенцим, Буна-Моновиц и Биркенау, как заключённые всякого возраста и разной национальности, при скверном питании, плохо одетые и обутые, в плохих гигиенических условиях, зимою на морозе, летом при непогоде, исполняли тяжёлую работу. Я видел много тысяч прибывавших в лагерь крайне истощённых людей.

После трёх месяцев работы в лагере Буна-Моновиц я у большинства заключённых наблюдал резкий упадок сил; люди становились нетрудоспособными и умирали. От острых заболеваний воспалением лёгких, от недостатка медикаментов умирало до 60 процентов. Бóльшая часть умирала от флегмоны, септических заболеваний, от туберкулёза и поноса. Многие заболевали алиментарной дистрофией и вследствие крайнего истощения — эденой. В таком состоянии их переправляли в Освенцим, а оттуда, по мнению многих заключённых, в Биркенау, где умерщвляли в газовых камерах, а затем сжигали в крематории. Несмотря на это, многие заключённые хотели, чтобы их направили в Биркенау, где они избавились бы от всех мук. Надсмотрщики обращались с заключёнными зверски, и мне, как врачу, почти ежедневно приходилось видеть следы такого обращения, а затем лечить этих людей. Заключённые, чтобы покончить жизнь самоубийством, нередко бросались на проволочные заграждения, через которые проходил электрический ток, чтобы быть убитыми током или застреленными стражей. Нередко они во время работы подходили с поднятыми руками к часовым, чтобы они в них стреляли.

Мне известно, что в Буна с целью проведения опытов заражали здоровых людей сыпным тифом. Эти опыты проводились главным врачом лагеря доктором Феттером, в большинстве случаев над евреями из восточных стран. Болезнь проходила сперва так легко, что можно было почти-что делать вывод о каком-то новом роде заболевания сыпным тифом. Но после вторичной прививки заражённые вскоре умирали (было два таких случая) от сыпного тифа.

Когда я в августе 1943 года был на рентгеновской станции лагеря для заключённых женщин в Биркенау, то видел перед блоком примерно 20 молодых людей, большинство евреи из Греции, которых только что стерилизовали рентгеновскими лучами. Я видел и руководителя рентгеновской станции; мне сказали, что его фамилия профессор Шуманн.

В конце лета 1943 года я был в так называемом цыганском лагере в Биркенау, расположенном вблизи четырёх крематориев. Цыганский лагерь, предназначенный для общежития целых семейств, первоначально вмещал около 17 000 цыган (мужчин, женщин и детей). Гигиенические условия этого лагеря были плохие. К моменту моего прибытия оставалось всего около 9000 цыган, остальные умерли от всевозможных заболеваний, главным образом от сыпного тифа. Сыпной тиф в то время распространялся весьма быстро, число заболевших доходило ежедневно до 600—700 человек. Болезнь протекала в весьма тяжёлой форме, особенно у мужчин. Я сам тяжело заболел через три недели после прибытия в лагерь и шесть недель боролся со смертью. Лишь в октябре 1943 года началась дезинфекция лагеря, благодаря которой в конце года заболевания тифом прекратились.

За это время заболело около 80—90 процентов цыган.

Питание цыган было скверное, истощение заключённых небывалое, вследствие чего многие заболевали алиментарной дистрофией, а также эденой. В то время в лагере распространились эпидемические заболевания с воспалением полости, в 40 случаях полости рта. Установлены случаи заболевания «нома». Это заболевание есть некроз, который приводит к гнойному распаду щеки, так что ротовая полость и челюсть обнажаются. Во многих случаях больные умирали в страшных мучениях. Болезнь эта проявляется у сильно истощённых людей, и известна она врачам нашего поколения лишь по учебникам. Упомянутые 40 случаев заболеваний «нома» показывают, в каком плохом физическом состоянии находились заключённые. После моего выздоровления я обстоятельно занялся изучением этой эндемической болезни и сумел заключить, что она появляется вследствие недостатка

A 081055
H1480 – 0077

витаминов, главным образом из-за недостатка антипелагрического фактора витамина «В». Благодаря правильному лечению удалось воспрепятствовать дальнейшему течению заболевания и вылечить больных.

Много цыган страдало от туберкулёза, флегмоны и от накожных язв. Даже лёгкие заразные болезни протекали в тяжёлой форме, с высоким процентом смертности.

Когда из лагеря отправили 2000 трудоспособных цыган, то там осталось примерно 4000 цыган, большей частью женщины, дети и старики. 31 июля 1944 года их всех уничтожили газом в крематориях Биркенау.

В это время прибывали большие эшелоны заключённых из «гетто» Лодзь, из Терезиенштадта и позже эшелоны из Словакии и из Варшавы. Повторялась обычная сцена после прибытия эшелонов: отбирали людей преклонных лет, матерей с детьми, больных, слабых и нетрудоспособных. Это проводилось произвольно, без всякого врачебного осмотра; люди не раздевались. Отобранных заключённых направляли в газовые камеры для умерщвления. В течение нескольких месяцев мы видели длинные вереницы людей, идущих на смерть в крематорий. Особенно большие группы уничтожались в период прибывания венгерских транспортов, т. е. в мае, июне и июле 1944 года. В это время в крематориях сжигали днём и ночью, что было видно по вылетавшему из труб крематориев пламени. Нередко мы чувствовали запах сгорающих волос или ногтей. В это время мы, кроме огня из труб крематориев, видели два больших костра, которые ночью горели огромным пламенем. Всю ночь в лагере были слышны вопли и крики, а также лай караульных собак эсэсовцев. Несчастные жертвы, которых вследствие переполнения крематориев «по очереди» вели к кострам на смерть, при виде костров догадывались, какая участь их ожидала. Требовалась большая сила воли, чтобы пережить всё это и всё же продолжать работу в качестве врача. Я знал, что и моих близких родственников постигла такая же участь и что мне её также не избежать.

Осенью из нашего лагеря трудоспособных заключённых эвакуировали, а нетрудоспособных и детей оставили в лагере. Примерно каждые две недели главным врачом лагеря доктором Менгеле проводился отбор, после чего отобранные жертвы отправлялись в крематорий. Так уничтожили в один день 500 детей. При отправке этих детей разыгрались потрясающие сцены, так как все уже знали, куда их ведут. Эсэсовцы и их помощники при этом отличались особенной жестокостью.

В октябре отборы кончились: распространились слухи, что будто бы умерщвление газом прекратилось. И действительно, в это время в госпиталь лагеря для заключённых мужчин в Биркенау, где я работал врачом, прибыли больные и инвалиды. Стали принимать в этот госпиталь и евреев, предназначенных для сожжения.

18 января я получил приказ покинуть с эшелоном лагерь. Я направился в Освенцим, где остался, ожидая Красную Армию. Я буду всегда благодарить Красную Армию за моё освобождение.

Хочу добавить несколько личных примечаний.

12 марта 1940 года я эмигрировал в Норвегию из Праги, где был профессором на медицинском факультете. Через три недели немцы вторглись в Норвегию. В конце октября 1942 года меня с женой, как евреев, арестовали и отправили из Осло в Освенцим. Когда мы прибыли в Освенцим, нас с женой разлучили. Я её уже больше не видел. Впоследствии я узнал, что её в лагерь не приняли. Нет сомнения, что мою жену убили обычным способом.

В марте 1944 года эсэсовцы уничтожили также мою свояченицу с двумя детьми и моего племянника 38 лет.

В июле 1944 года погибла также моя сестра.

Профессор доктор медицины Пражского университета

Бертольд Эпштейн

ТЕЛЕГРАММА СС-ОБЕРШТУРМФЮРЕРА ЗОММЕРА

КОНЦЛАГЕРЬ ОСВЕНЦИМ

Телеграфная служба

Принято день – месяц – год – время 28 апреля 1943 г. 16.48 от через 21	Место для приёмной печати	Отправлено день – месяц – год – час 28 апреля 1943 г. IIIа.
	Телеграмма № 2678	

Ораниенбург № 2678 28 — 4 — 43 1743 — ват —

Комендатура — трудовая контора — концлагерь Освенцим

Из вашего обзора я заключаю, что под примечанием «А Рем 2, 8» 128 заключённых женщин были проведены под «блок 10» (государственный врач). Я полагаю, что в данном случае это касается женщин, предназначенных для опытов. В таком случае заключённые должны быть занесены непосредственно в отдел «лагерное хозяйство», под графу «Заключенные для опытов».

Начальник Управления Д. *Рем 2*
СС-оберштурмфюрер (подполковник) *ЗОММЕР*

Концентрационный лагерь Освенцим Отделение 3а	
Дневник № 1387	28-4-1943 г.
Знак	Го

ПИСЬМО В ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ КОМИССИЮ ДОКТОРА БРУНО ФИШЕРА

Представителю Чрезвычайной Государственной Комиссии для расследования злодеяний

В связи с работой Чрезвычайной Государственной Комиссии я считаю нужным сообщить следующее.

1. За 1942—1944 годы в газовых камерах в Биркенау уничтожено около 4 миллионов поляков, русских и главным образом евреев. Я отчасти сам свидетель этого факта, так как с 17 декабря 1943 года до 30 июня 1944 года находился в Биркенау, в лагере Б. 2б, который расположен в непосредственной близости к крематорию. Таким образом, я мог лично убедиться в том, что первый эшелон чехословаков, насчитывавший примерно 3400 человек, среди которых были моя жена и сын, 9 марта 1944 года полностью был уничтожен газом.

Также уничтожено было газом в апреле и мае 1944 года из 650000 венгров-евреев, прибывших по железной дороге к нашему лагерю, примерно 400000 человек. Ввиду того, что в этот период ежедневно прибывало примерно 15000 человек и крематории «не справлялись со своей работой», трупы сжигали в открытых ямах, причём детей и старых людей живыми бросали в костры. Об этом свидетельствовали страшные крики несчастных, а также показания надёжных свидетелей, т. е. людей из числа так называемых «зондеркоманд» (рабочие группы особого назначения). Эти группы назначались по приказу. Их впоследствии также уничтожали. Далее умерщвляли большое число молодых людей интракардиальными уколами фенола, так называемых «мусульман», истощённых тяжёлой работой.

2. Над людьми, находившимися в здешнем лагере, производились под «научным» управлением некоего майора Шмидта всевозможные «научные» опыты. Так, например, химический трест И. Г. Фарбен (Гехст-на-Майне) закупил у гестапо 500 молодых женщин, которых для проведения опытов поместили в «блоке 10» лагеря Освенцим. В этом блоке про-

A 081056
H1480 – 0078

фессор Глаубер и его ассистент доктор Гебель впрыскивали этим женщинам в матку и под кожу разные медикаменты, причиняли им боли. У женщин являлась лихорадка, они страдали разными заболеваниями. Кроме того, производилась массовая стерилизация женщин рентгеновскими лучами. Гинеколог из Кельна доктор Самуэль изучал собственный метод фотографирования матки и яичников. Когда эта «научная» работа была закончена и готова для опубликования, доктора Самуэля убили газом. СС-штурмбанфюрер врач гарнизона доктор Эдуард Вирц намеревался опубликовать «научную» работу доктора Самуэля под своим именем или под именем его родственника.

Также проводилась массовая стерилизация мужчин, отчасти рентгеновскими лучами, отчасти хирургическим удалением яичек. Яички употреблялись для имплантационных целей. Обершарфюрер медик Кашуб делал юношам в «блоке 28» впрыскивания бензином и керосином для изучения местной гангрены, очевидно для своей докторской медицинской «работы». Десять юношей заставили принять какую-то жидкость фабрики И. Г. Фарбен, объясняя, что это совершенно безвредный препарат. Этот опыт повлёк за собой немедленную смерть двух молодых людей. Унтершарфюрер медик доктор Кениг проводил в лагере Моновице опыты с электротоком, от чего умирало много молодых людей.

3. Истощённых и плохо одетых заключённых (у них зимой не было ни пальто, ни белья) посылали на тяжёлую рабскую работу. Их подымали в 4 часа утра, заставляли работать на каменоломнях по 13 часов в день, в болотах, на постройке улиц и т. д., не выдавая за это время обеда. Лишь вечером, когда они возвращались в лагерь, им выдавался плохой, безвкусный суп и недостаточный паёк хлеба. Многие поэтому умерли от холода или от заболеваний воспалением легких, или скончались от алиментарной дистрофии. На фабриках заключённые работали без всякой зарплаты по 14 часов в день и по воскресеньям. Отдыха не давали. На работе «капо» (надсмотрщики) или эсэсовцы избивали заключённых до крови из-за каждого пустяка. Нередко «капо» утром при выходе с заключёнными на работу получали приказание вернуться вечером с работы с половиной людей. Несчастных в таких случаях на работе избивали до смерти. Так как роль «капо» была возложена на уголовных преступников, то эти изверги всегда выполняли такие приказы.

4. Гестаповцев и эсэсовцев на курсах обучали разным методам жестокого обращения: в них систематически развивали садизм. Заключённых постоянно били по лицу или заставляли одного заключённого бить другого. Часто заключённым приходилось на перекличке зимой стоять почти голыми по 3—6 часов, так что многие падали в обморок и впоследствии умирали. При телесных наказаниях заключённых били палкой по 25—50 раз, вследствие чего у многих заболевали почки или образовывались кровотёки. Это являлось у многих причиной смерти. Многие гестаповцы и эсэсовцы, с которыми я имел дело или которых я видел, были пьяницами, садистами и бесчувственными людьми, а с точки зрения психиатра — уголовными психопатами и асоциальными типами, которые и могли играть какую-то роль только лишь в гитлеровской Германии.

Доктор *Бруно Фишер*

Лагерь Освенцим, 4 марта 1945 года.

ЗАЯВЛЕНИЕ
ГОЛЛАНДСКОГО ПОДДАННОГО Э. ДЕ-ВИНДА О ГИНЕКОЛОГИЧЕСКИХ ОПЫТАХ, ПРОВОДИМЫХ С МАРТА 1943 ГОДА ДО АВГУСТА 1944 ГОДА В БЫВШЕМ КОНЦЛАГЕРЕ ОСВЕНЦИМ

«Блок 10» был в концлагере единственным блоком для заключённых мужчин, в котором находились женщины.

Эти женщины подразделялись на следующие группы и национальности.

1. Примерно 50 женщин разных национальностей прибыло в марте 1943 года в «блок 10» из лагеря Биркенау. Среди них находились: Мишель Ирна из Эссо, дочь врача, проживавшего в Эссо; прибыла она из Амстердама (Голландия); затем Нейман Маргит и Фридман Сильвия, обе из Чехословакии.

Последние две женщины вошли в состав рабочего персонала в «блоке 10», Нейман Маргит — в качестве старшины блока, а Фридман Сильвия — ассистенткой у профессора Глаубера, главного исследователя (экспериментатора). Об этом сообщу позднее больше.

2. 100 гречанок, прибывших в марте 1943 года.

3. 110 бельгиек, прибывших в апреле 1943 года; среди них — Майзель Соня, жена врача Майзеля (прибыла в лагерь из Брюсселя вместе с мужем).

4. 50 француженок, прибывших в июле 1943 года.

5. 50 француженок, прибывших в августе 1943 года.

6. 40 голландских женщин, прибывших в августе 1943 года.

7. 100 голландских женщин, прибывших 15 сентября 1943 года; среди них Фридландер Марго, художница-ваятель из Амстердама.

8. 100 голландских женщин, прибывших одной неделей позднее.

Кроме того, прибыло 12 женщин-полек из района г. Освенцим, из местечка Бендиен. Порой прибывали маленькие группы женщин из лагеря Биркенау на курсы по воздушной обороне и пожарной части. Кроме перечисленных, прибыли проститутки, которых поместили также в «блоке 10» (карантин), где они находились вплоть до приступления к «деятельности» в «блоке 24».

«Блок 24» днём находился под надзором двух эсэсовок-надсмотрщиц, ночью запирался, чтобы мужчины не могли посещать женщин.

Опыты, которые проводились над женщинами, подразделялись на четыре группы:

1) опыты для исследования рака;

2) опыты для производства искусственного бесплодия (стерильности);

3) опыты для открытия рентгеновских съёмочных средств;

4) гематологические и серологические опыты.

Все женщины были еврейского происхождения, многие женщины подвергались частым опытам, другие реже. Лишь над немногими женщинами опытов не делалось, так:

врач Клейн Слава, из Праги, француженка,

Бревда Алина, из Варшавы, полька,

и еще над некоторыми другими, например, жёнами врачей, за которых ходатайствовали их мужья или которые пользовались протекцией. Когда к Освенциму приближалась Красная Армия, то из этих женщин ни одна в лагере не осталась. Их эсэсовцы отправили неизвестно куда.

Описание деталей опытов

1. Профессор Самуэль, преподаватель на гинекологическом факультете университета в Кельне, еврей, из Германии.

По распоряжению главного врача гарнизона Вирца (СС-гауптштурмфюрер, капитан) была вырезана под общим наркозом часть шейки матки; затем рану зашивали. С целью микроскопического исследования вырезанные части ткани были заморожены. Цель этого исследования заключалась в том, чтобы установить изменения тканей, вызывающих предрасположение к заболеванию раком. По сообщению профессора Самуэля, он извлёк из шейки матки лишь часть слизистой оболочки. Но он сказал неправду, так как:

а) необходимо было зашить рану,

б) при последующих опытах над теми же женщинами часто случалось, что зонды не проходили сквозь шейку матки; таким образом, нижняя слизистая оболочка ткани была повреждена.

«Работа» профессора Самуэля разоблачается фактом, что врача доктора Оваль, француженку, заставили сначала проводить такие опыты, но она саботировала распоряжение и делала всего лишь одну-две операции в неделю. Самуэль же с садизмом сам проводил операции, лично подводил женщин к операционному столу и ежедневно трём-четырём женщинам делал операции.

A081057

H1480 – 0079

У многих женщин после операции появлялись различные недуги, как то: многодневная повышенная температура (горячка), кровотечение и истощение. Не подвергавшихся дальнейшим опытам женщин по истечении шести недель после операции отправляли в санчасть в Биркенау, что фактически означало уничтожение в газовой камере. Ведь эти женщины являлись нетрудоспособными. Так погибла Казман Ирена, 1908 года рождения, из Франции. В живых осталась Гартман Мина (родилась 27 декабря 1902 года в Амстердаме, Голландия). Над ней была проведена масса опытов (показания с её слов прилагаются в конце этого доклада). Впоследствии профессора Самуэля будто бы направили в Биркенау, на самом деле его застрелили, так как он «слишком много знал».

Макс Иппе, электротехник, инженер из Праги, сообща с Самуэлем сконструировали аппарат для внутривлагалищных снимков. Съёмки плохо отзывались на здоровье женщин: они длились целый час и часто повторялись. Иппе был крещёный еврей, католического вероисповедания, мужчина, примерно 30 лет. Жена его, «арийка», находилась дома. Сотрудничество всех вышеупомянутых типов при проведении опытов объясняется лишь извращенностью их половых чувств (садисты).

2. Профессор Шуман (немец). Таким опытам были подвергнуты 15 девушек от 17 до 18 лет, между прочим: Шимши Белла, из Салоники (Греция), Буэна Дора, из Салоники (Греция). Из 15 девушек осталось в живых лишь несколько; они находятся, к сожалению, во власти немцев, вследствие чего об этих зверских опытах у нас нет объективных данных. Несомненно следующее. Девушек ставили между двумя плитами с ультракоротковолновым полем, один электрод ставили на живот, а другой помещали на ягодицах. Фокус лучей направлялся на яичники, вследствие чего яичники сгорали. Вследствие неправильной дозировки на животе и ягодицах появлялись серьёзные ожоги. Одна девушка от таких страшных поражений умерла; других девушек отправили в Биркенау в санчасть или в рабочие группы. Через месяц они вернулись в Освенцим. В Освенциме им сделали две контрольные операции: один разрез в длину, другой поперёк, причём удалили половые органы для исследования их состояния. Девушки совершенно изменились внешне вследствие выпадения гормональных проявлений и походили на старух. От операционных септических ран девушки нередко месяцами страдали, затем умирали.

3. Чаще всех других опытов применялся опыт профессора Глауберга, немца-гинеколога из Каттовиц, работавшего вместе с химиком доктором Гебелем из Берлина. Оба работали в пользу гестапо. Цель их опытов состояла в открытии рентгеновских съёмочных средств — суррогатов иодипина и др., ввиду недостатка иода в Германии. Дело носило тут и коммерческий (торговый) характер: Глауберг работал в пользу германской химической промышленности, платил за каждую использованную им для опытов женщину деньги на содержание, пропитание и т. д. этих жертв. Следовательно, эти женщины считались наёмными предметами для опытов. Непосредственной сотрудницей Глауберга была Сильвия Фридман, вышеупомянутая 21-летняя словачка, достигшая протекции Глауберга ценой своего тела.

Женщин клали на рентгеновский стол. Посредством насоса, который электрическим током приводился в движение, в вагину вводилась похожая на цемент густая белая жидкость под контроль рентгеновских лучей. Когда эта масса заполняла вагину, делался рентгеновский снимок. При этих опытах женщины сильно страдали: у них появлялось чувство, будто живот разрывается. Когда женщины сходили с рентгеновского стола, то они спешили в уборную: жидкость с большой болью и часто с кровью выступала наружу. Опыты проводились от 3 до 6 раз, с перерывами от трёх до четырёх недель. Тех женщин, у которых отверстие матки было слишком узко или над которыми опыты были закончены, отправляли в Биркенау, что означало верную смерть. Этим опытам подвергались почти все женщины. Из них следует упомянуть: Ватерман Фетье, из Амстердама, родившуюся в 1924 году (Голландия), Либер Гита, по рождению из Польши (Франция), и, кроме того, примерно 400 других еврейских женщин из всех стран, занятых немцами. Целью этих опытов не было достижение стерильности, однако многие женщины все-таки сделались бесплодными вследствие реактивного воспаления.

Вследствие того, что вышеупомянутую жидкость вводили с большой силой (под большим давлением) до брюшной полости, то часто возникали воспаления не только матки и фаллопиевой трубы, но и брюшины.

4. Последние опыты гематосерологического характера проводились СС-оберштурмфюрером (старшим лейтенантом) Вебером сообща с СС-обершарфюрером (старшина) Мюнхом. Эти опыты незначительны. Вебер и Мюнх делали опыты разного рода; нам известны следующие:

а) опыты посредством тетсерум (стандартной сывороткой) для определения кровяных групп;

б) опыты по определению наличия в крови сульфоамидных и салицильных препаратов;

в) реакция организма на впрыскивание крови, зараженной малярией.

Об этом опыте Рабинович Розна, родившаяся в Амстердаме (Голландия) 17 марта 1899 года, даёт подробные указания.

Ещё многие другие мелкие опыты проводились над женщинами. Так, например, снимали с помощью гипса отпечатки (модели) всех частей тела. 20 женщин для дальнейших исследований отправили в Берлин. Если какая-нибудь женщина в «блоке 10» была беременна, то ей производили аборт, но не на третьем, а на седьмом месяце, причём плод предварительно умерщвлялся. Вследствие этого женщины подвергались лишним страданиям. Цель такого метода неизвестна.

Э. де-Винд.

Эдуард де-Винд родился 6 февраля 1916 года в Ден-Гааг, отца звали Луи, по национальности голландец. Де-Винд со дня прибытия в лагерь Освенцим — полтора года работал врачом в «блоке 9», находившемся рядом с «блоком 10», в котором был госпиталь для мужчин.

В настоящее время он в «блоке 19».

(Печать) Подпись.

ПИСЬМО В ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ КОМИССИЮ ПРОФЕССОРА УНИВЕРСИТЕТА В ГОР. ПЕЙЧ (ВЕНГРИЯ) МАНСФЕЛЬДА ГЕЗА

Государственной Чрезвычайной Комиссии по расследованию зверств

Во время расследования немецких зверств в Освенциме я считаю своим долгом доложить, что видел и слышал. Для меня, врача, который производил над животными опыты с большими предосторожностями, чтобы не заставить их страдать, самое ужасное было узнать, как нацисты, экспериментируя над людьми, оставляли их на всю жизнь калеками. Если селекционная комиссия находила, что больной в течение ближайших 15 дней не может быть вылечен, он без всякой жалости отправлялся для сжигания.

Я лично видел палату на 40 коек. Там доктор-эсэсовец делал уколы 40 юношам керосином и бензином для изучения реакции. Такие случаи заболевания часто бывали в немецкой армии. Но самыми гнусными были опыты, которые производились над женщинами, в особенности над молодыми девушками. Немецкий врач-гинеколог производил опыты стерилизации и искусственного оплодотворения.

Для уничтожения людей в Освенциме существовало много методов. Не без основания называли этот лагерь лагерем смерти. Одним из методов было уничтожение людей по прибытии эшелона. Поезд останавливался в поле, и люди, измученные длинной поездкой, должны были продефилировать

A 081058

H1480 – 0080

H1480 – 0081

перед лагерным доктором, который отделял одних налево, других направо, насвистывая при этом веселый мотив. Те, которые стояли слева, уходили в баню, но на самом деле в газовую камеру (их было пять, в каждой помещалось до 2000—2500 человек). Умерщвляли их газом циангидроген. Затем трупы сжигали в крематориях, которые своим пламенем днём и ночью предвещали «разрешение европейской проблемы». По документам, найденным после освобождения русскими, этим способом были уничтожены 500000 венгерских евреев из 600000 отправленных в Освенцим. Те, которые по прибытии избегали уничтожения, вскоре знакомились с методами более суровыми.

Немалое значение играло также питание: оно было недостаточное для людей неработающих и тем более для рабочих физического труда. В результате этого заключённый через два месяца настолько слабел и худел, что не был в состоянии работать. На работе слабых часто избивали до такой степени, что они умирали на месте или через несколько дней в госпитале.

Другим способом уничтожения была «селекция». Селекции проводились регулярно. Отбор заключался в том, что заключённые, совершенно голые, проходили мимо немецкого врача. Если кто-нибудь ему казался больным или был худым, то его без жалости отправляли в крематорий. Я также попал в эту группу и только благодаря ходатайству гигиенического института, в котором я работал, меня вывели из газовой камеры.

Хотя врачи, а также опытные санитары делали всё возможное, чтобы вылечить людей, но если при селекции врач находил, что больной в течение 15 дней не может быть вылечен, его безжалостно отправляли в газовую камеру.

Таким образом немцы умертвили миллионы безвинных людей, а оставшихся подвергали нечеловеческим страданиям. Все это было сделано той нацией, которая считалась культурной. Своими варварскими методами уничтожения и зверствами германский народ исключил себя навеки из общества культурных народов.

Освенцим, 4 марта 1945 года.

Профессор университета в г. Пейч (Венгрия)
Доктор *Мансфельд Геза*

[Печать] [Подпись]

ДИРЕКТИВА ФЮРЕРА БРИГАДЫ СС ГЛЮКСА О КАЗНИ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Рейхсфюрер СС
Инспектор концлагерей
Полиция Освенцим: 14 ф 14 (Л) ОТ.
Секретный журнал № 217/41. **Оранienбург, 15 ноября 1941 года.**

СЕКРЕТНО

Касается казни русских военнопленных
Лагерным комендантам
концентрационных лагерей.
ДА., Сах., Бу., Май., Фло., Неу.,
Ау., Гр., Ро.

Копии: лагерным врачам, лагерфюреру заключённых под надзором, управлениям.

Рейхсфюрер СС и шеф германской полиции дал своё принципиальное согласие откладывать казнь для тех из общего количества русских военнопленных, направленных для казни в концлагери (особенно комиссаров), которые по своему физическому состоянию способны работать на каменоломне.

Для этого мероприятия необходимо получить согласие начальника полиции безопасности и полиции СД.

Поэтому приказываю:

По прибытии эшелонов для казни в лагери физически здоровые русские, годные для работы на каменоломни, отбираются начальником лагеря (Е) и главным лагерным врачом. Именной список отобранных русских в двух экземплярах должен быть направлен нам. На этом списке лагерный врач должен отметить, что не возражает с медицинской точки зрения против привлечения этих людей на работы.

После получения согласия со стороны начальника полиции безопасности и полиции СД пересылка соответствующих русских в каменоломню будет отсюда оформлена приказом.

Фюрер бригады СС и генерал-майор
Глюкс

Освенцим, 17 ноября 1941 года
СС унтерштурмфюрер и криминальный секретарь
(подпись неразборчива)

ДИРЕКТИВА РУКОВОДИТЕЛЯ 2-ГО ОТДЕЛА ОТ 17 НОЯБРЯ 1941 ГОДА

Концентрационный лагерь Освенцим, отдел 2 — Освенцим, 17 ноября 1941 года

Руководству лагеря заключенных под надзором концлагеря Освенцим

Лагерфюреру «Е»
Освенцим

На основании вышеупомянутого указа русские, не подвергающиеся казни, должны быть заявлены поименно нам.

Одновременно просим сообщить сюда, какие из военнопленных относятся к приказу на обороте, т. е. их списки должны быть представлены концлагерю I и начальнику полиции безопасности.

В этом отношении необходимо согласие местного лагерного врача.

Вышесказанное относится к русским, поименованным в приложенном списке, а также к тем русским военнопленным, которые были отобраны «зондеркомандой» на прошлой неделе для казни.

Руководитель отдела 2
СС унтерштурмфюрер (лейтенант)

[Печать] [Подпись неразборчива].

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ВОЕННОПЛЕННОГО ПАУЛЯ-ЛЮДВИГА-ГОТТЛИБА ВАЛЬДМАННА

Я, Пауль Людвиг Готтлиб Вальдманн, родился 17 октября 1914 года в Берлине, в семье торговца Людвига Вальдманна и его жены Марии, урождённой Кеттер. В 1920 году мои родители переехали в Брауншвейг. С этого времени я проживал в г. Брауншвейг. Отец мой умер в мае 1944 года. Моя мать проживала и проживает теперь в г. Брауншвейг, Доннербурвег, 60. С 1920 года по 1928 год я учился в народной школе в г. Брауншвейг. С 1928 по 1932 год был учеником-автослесарем при фирме «Бюссинг» в Брауншвейге, одновременно учился в ремесленной школе автослесарей. Дальнейшего обучения я не проходил. Окончив учение, я поступил работать в фирме «Менкемеллер» — транспортное общество в Берлине — в качестве шофёра, где работал до 1934 года. В январе 1934 года, по совету своего отца, я вступил в СС и получил № 71353. Какой-либо постоянной службы в СС я не мог исполнять, так как мне постоянно приходилось разъезжать от фирмы «Менкемеллер», и я лишь только иногда находился на службе в СС. В августе 1934 года меня произвели в войсковое СС, и я был направлен в местечко Остфризланд, где я до 1936 года служил при концентрационном лагере Эстервеге. Сначала при войсковом СС я 14 дней обучался, а именно: изучал пистолет 08, ружьё 98, автомат, пулемёт 0815. После обучения меня по специальности как шофёра направили в лагерь Эстервеге. В 1936 году я был направлен

A 081059

H1480 – 0082

в местечко Ораниенбург и опять как шофёр в концентрационный лагерь Саксенхаузен. В Саксенхаузене я был до декабря 1941 года. Меня зачислили во фронтовую часть: полк «Фальне», дивизия «Мертвая голова». Участвовал сначала в боях на Западном фронте, а позже на Восточном, где и находился до пленения 2 мая 1945 года. Пленён я был в городе Берлин в землянке у зоопарка. Состоя в СС, я перешёл механически в НСДАП, где я был простым членом партии и не занимал никакой должности. В партию я был принят в августе 1934 года. 1 февраля 1939 года я женился на Герде, урождённой Хейнрихс. Мы имели четырёх детей в возрасте 2, 3, 4, 5 лет — три мальчика и одна девочка. Моя жена последнее время проживала в Берлине, Биркенвердер, Хавельштрассе, 97. Родители моей жены: Вильгельм Хейнрихс и Мария, урождённая Неуманн. Они проживают в Берлине, Биркенвердер, Хауптштрассе 15.

Указываю лиц, которые могут дать сведения обо мне:

1. Семья Мюльбах — Берлин, Биркенвердер, Хавельштрассе, 97.

2. Дантист Меллер — Берлин Са, Клостерштрассе, 27.

Как я уже говорил выше, сначала я был шофёром в концлагере Эстервеге. Я работал по транспортировке людей на грузовой машине, на которой я должен был, в случае если совершится побег из лагеря, привозить людей для усиления охраны. В мои задачи входила также и доставка продовольствия. На этой же машине мне приходилось и отвозить тела. Часто я был свидетелем того, как охранники по приказу коменданта лагеря оберфюрера Лоритца гнали арестованных за зону охраны и на-ходу расстреливали их. Помоему, этот приказ исходил от начальника лагеря Лоритца, так как он хотел избавиться от заключённых. За время моей двухгодичной работы в Эстервеге таким путём было расстреляно около 350—400 человек. Мне самому часто приходилось участвовать в расстрелах таких заключённых. Приказа хотя для этого я не получал, но как только я видел стрелявших солдат, то добровольно принимал в этом участие. Таким образом, за два года я уничтожил около 50 человек.

Как я узнал от охранников, заключённых часто выгоняли за зону охраны и расстреливали. Так как мне часто приходилось быть в разъездах со своей автомашиной, то в расстреле заключённых я не всегда мог принимать участия. Умерщвлённые таким образом заключённые частично отвозились мною на автомашине в трясину болота (куда также сбрасывались нечистоты из очищенных каналов). Каждое тело находилось в ящике, с которым мертвеца бросали в болото. Через несколько секунд ящик с телом исчезал. В качестве помощников этим были заняты некоторые заключённые и 5—6 человек конвоя. Так как я со своей автомашиной отвозил тела, то был свидетелем и исполняющим лицом этих действий. О каждом погибшем таким образом заключённом сейчас же составлялся протокол политическим отделением лагеря. Протокол большею частью гласил: «Застрелян при бегстве» или «За сопротивление». Кроме этого, в лагере ежедневно умирало от 10—15 человек от истощения. И эти тела я таким же образом, как уже описывал, топил в болоте. По распоряжению коменданта лагеря заключённые должны были работать усиленными темпами. Их посылали на земляные работы, на работы по осушению болот, в мастерские, смотря по их специальности. Мне известно и я даже видел два-три случая, когда заключённые при работах на болоте сами покушались на свою жизнь: прыгали в болото и сейчас же исчезали. Это они делали потому, что больше не могли выдержать каторжного темпа работы. От охранников я слышал, что именно это заставляло арестованных кончать с собой, и таким образом они погибали.

В лагере Эстервеге при выполнении работ заключённых избивали охранники прикладами и угрожали направленным дулом оружия. Это продолжалось до тех пор, пока заключённые не были в состоянии снова продолжать свою работу. В лагере Эстервеге содержались только немецкие заключённые, как последователи библии, гомосексуалисты, евреи, духовные, политические заключённые.

За время моей работы иностранцев в лагере Эстервеге не было. Мне известны следующие евреи, которые были выгнаны за зону охраны и расстреляны: братья Кон, Барон, Агранов.

Принимал ли я участие в этих расстрелах? Я сейчас не помню. Но могу сказать, что присутствовал при этих расстрелах и даже 1—3 расстрелял сам. Других лиц, которые таким же образом были расстреляны мною и охранниками, назвать по фамилии не могу.

В августе 1936 года я из лагеря Эстервеге был направлен в концентрационный лагерь Саксенхаузен. Здесь я опять работал шофёром. Так как я принадлежал к комендатуре, то моим заданием было осуществлять перевозку тел, поездки по снабжению и хозяйству. Перевозки заключённых производились на сортировочные вокзалы и по вызову на суд в Гросс-Берлин. В лагере Саксенхаузен ежедневно умирало 10—12 человек, которых я на машине возил из барака лагеря (где складывались трупы) в крематорий Трептов, здесь тела сжигались. Заключённые погибали от расстрелов, от общего истощения, от обмораживания. Точно так же, как и в лагере Эстервеге, заключённых в лагере Саксенхаузен насильно выгоняли за зону охраны, и в это время в них стреляли охранники. Я лично участвовал в таких расстрелах и из пистолета расстрелял около 25 человек. На это задания я никакого не имел. Я добровольно принимал участие в этой стрельбе. При всех расстрелах я не мог присутствовать, так как в лагере Саксенхаузен я часто ездил на грузовой машине, особенно часто мне приходилось ездить в Берлин. Здесь мне приходилось возить продовольствие и материалы для лагеря. Иногда я делал большие поездки, а именно в другие концентрационные лагери, например в концлагерь Бухенвальд, Веймар, концлагерь Неуен-Гамме у Гамбурга и концлагерь Дахау. Я доставлял бельё и предметы для оборудования камер заключённых, которые выменивались в вышеуказанных лагерях. Содержание заключённых в этих лагерях было таким же, как и в лагере Саксенхаузен. Но подробностей я узнать не мог.

В конце лета 1941 года зондеркомандой полиции безопасности, которая подчинялась непосредственно государственной канцелярии фюрера Адольфа Гитлера, в лагере Саксенхаузен было уничтожено 840000 военнопленных русских. Об этой зондеракции я сообщу следующее.

Русские военнопленные прибыли на вокзал Саксенхаузен в переполненных товарных поездах. Ежедневно приходило 8—10 составов, в каждом из них было 2800 человек. Итак, ежедневно поступало 28000 русских военнопленных. Экзекуция продолжалась 30 дней. Была прервана потому, что разразился сыпной тиф. Лагерь был закрыт. Экзекуционная команда со своими устройствами покинула лагерь Саксенхаузен. Продолжалось ли уничтожение в каком-либо другом месте, я не слышал, так как я был посажен на карантин — подозрение на сыпной тиф.

Исполнение экзекуции

От вокзала до лагеря русские военнопленные шли около одного километра. В лагере они оставались на одну ночь без питания. На следующий вечер их уводили на экзекуцию.

Заключенных беспрерывно возили из внутреннего лагеря на трех грузовых машинах, одну из которых водил я. Внутренний лагерь от двора экзекуции был удален приблизительно на $1^3/_4$ километра. Сама экзекуция происходила в бараке, который незадолго до этого был оборудован для этой цели. Одно помещение предназначалось для раздевания, а другое — для ожидания, в помещениях играло радио с довольно громкой силой, это делалось для того, чтобы заключенные не могли заранее догадаться, что их ожидает смерть. Из второго помещения они поодиночке шли через проход в маленькое отгороженное помещение, на полу которого была железная решётка; под решеткой был сделан сток. Как только военнопленного убивали, труп уносили двое немецких заключенных, а решетка очищалась от крови. В этом небольшом помещении имелся прорез приблизительно в 50 сан-

A 081060

H1480 – 0083

тиметров. Военнопленный становился затылком к щели, и стрелок, находящийся за щелью, стрелял в него. Такое устройство практически не удовлетворяло, так как часто стрелок не попадал в пленного. Через 8 дней было произведено новое устройство. Военнопленного, так же как и раньше, ставили к стене, потом на его голову медленно спускали железную плиту. У военнопленного было впечатление будто хотят измерить его рост. В железной плите имелся ударник, который спускался и бил заключенного в затылок. Он падал замертво.

Железная плита управлялась при помощи ножного рычага, который находился в углу этого помещения. Обслуживающий персонал был из упомянутой зондеркоманды. По просьбе чиновников экзекуционной команды мне тоже приходилось обслуживать этот аппарат. Об этом я буду говорить ниже. Умерщвлённые таким образом военнопленные сжигались в 4 передвижных крематориях, которые перевозились на прицепе автомашины.

Мне приходилось беспрерывно ездить из внутреннего лагеря в экзекуционный двор. За ночь я должен был сделать 10 поездок с перерывом минут на десять. В этот перерыв я и был свидетелем исполнения экзекуции. Один из служащих экзекуционной команды, фамилию которого я никогда не знал, предложил мне обслуживать аппарат. Я согласился. В перерыве я каждый раз убивал 8—10 человек. Итак, в одну ночь мною уничтожалось 80—100 человек. За время экзекуции мною лично уничтожено 2400—3000 русских военнопленных, часть из которых убил выстрелом из пистолета и часть — при помощи описанного аппарата. Я повторяю еще раз, что из общего числа 840000 русских военнопленных мною лично уничтожено 2400—3000 человек. Я сам изъявлял желание обслуживать этот аппарат. Чиновник экзекуционной комиссии не мог меня принудить к этому делу, так как он не являлся моим начальником. Кроме этих методов экзекуции, других не было.

В лагере находились только немецкие заключенные — политические и криминальные. Кроме этого, было большое количество евреев. Сколько их там было, точно я не знаю.

После 1939 года в лагере были помещены также гражданские поляки и другие иностранцы.

Политические заключенные были арестованы за государственную измену, содержание их было такое же, как и немецких заключенных.

На случай, если один заключенный что-либо украл у другого, не хотел выходить на работу, имел намерение медленно работать, в лагере Саксенхаузен были установлены следующие методы наказания.

1. Избиение. Заключённому наносили до 20 ударов палкой или его пристёгивали к козлам и избивали большой плетью.

2. Наказание у столба. Заключённого подвешивали к столбу, и так он висел 1—5 часов.

3. Наказание в камере. Заключённого в тёмной камере клали на живот, связывали руки и ноги и закрывали. В таком положении он оставался на одну ночь.

Структура концентрационного лагеря Саксенхаузен

Комендант концентрационного лагеря Саксенхаузен вместе с охраной концлагеря подчиняется главному руководящему министерству, а хозяйственные части с комендатурами — главному хозяйственному министерству в Берлине. Штабом коменданта лагеря является комендатура. Она служит для обеспечения и снабжения лагеря и подразделяется на:

а) секретариат — учётный отдел, адъютанты коменданта, политотдел, опознавательная служба;

б) управление — начальник штаба, счетовод штаба, ведение книги продовольствия и кухни, управление кухни, управление буфета;

в) отдел лагеря предварительного ареста — начальник лагеря предварительного ареста, начальник рапорта, начальник по распределению работы, начальник бараков для заключённых, надсмотрщики за арестом, надзиратель камер, повар, начальник фонда;

г) автотранспорт — начальник автотранспорта и 18 шофёров.

Кроме этих органов, коменданту лагеря из охранных войск, находящихся в распоряжении главного управления в Берлине, был выделен охранный батальон, который ежемесячно сменялся. Этот батальон выделял охрану для лагеря и конвой для рабочих команд.

Охрана лагеря состояла из начальника службы, дневной казарменной службы для помощи начальнику службы и ответственного по охране с заместителем, 24 пулемётных постов и 24 пехотных. Конвой состоял из начальника конвоя, его людей и приданного охранного батальона.

До 1939 года комендантом лагеря и СС-оберфюрером был Лоритц. До этого он находился в лагере Эстервеге. В 1939 году Лоритц, как СС и полицайфюрер, выехал в Норвегию. Его сменил СС-оберфюрер Барановский. Он был начальником лагеря до 1941 года. С 1941 по 1945 год комендантом лагеря Саксенхаузен был СС-оберштурмбаннфюрер Кейнтль. Его адъютантом был СС-оберштурмфюрер Весельс.

Начальником управления был СС-гауптштурмфюрер Лауер. Начальником лагеря предварительного ареста был СС-гауптштурмфюрер Эйсфельд. Начальником политотдела был криминобер-инспектор Даннель. Политотдел являлся пунктом учёта и наказания заключённых. Описать вышеуказанных лиц я не могу, так как выбыл из лагеря Саксенхаузен в начале 1942 года. В случае, если я их увижу, я определенно узнаю. Больше описать ничего не могу. Я описал всё, что видел в концентрационном лагере Эстервеге и Саксенхаузен. Если что вспомню дополнительно, сообщу.

Данный протокол я написал и составил сам, что и подписываю.

Пауль Вальдманн
Познань, 10 июня 1945 года.

Дополнение к протоколу военнопленного Пауля Вальдманна

Как я уже писал, чиновники экзекуционной команды, которые уничтожали русских военнопленных, по фамилии мне неизвестны. Они всегда ходили в гражданской одежде. Управление этой команды находилось в Берлине, Тиргартенштрассе, 4. Оно прикрывалось названием «Общее немецкое общество транспорта по перевозке больных». Эта вывеска фирмы была установлена на Тиргартенштрассе, 4. Я это знаю потому, что относил туда запечатанное письмо из комендатуры лагеря Саксенхаузен. Письмо принял швейцар. Чиновников экзекуционной команды всегда привозили в лагерь в вечерние часы на автобусе. Шофёра, обслуживающего этот автобус, я знал, фамилия его Хакенольд Вилли, остальное неизвестно. Я предполагаю, что он проживал на Тиргартенштрассе, 4. Как он мне сам сообщил, он возил чиновников экзекуционной команды. Как он рассказал мне ещё, эта экзекуционная команда уничтожала душевнобольных со всей Германии таким же методом, как были уничтожены описанные мною 840000 русских военнопленных. Умерщвлённые душевнобольные сжигались также в четырёх подвижных крематориях. Речь идёт о четырёх грузовых машинах, оборудованных под крематории. Сколько душевнобольных было уничтожено таким методом, Хакенольд мне не сказал. Я мог только узнать, что все душевнобольные в Германии были уничтожены этой командой.

Описание Хакенольда: около 25 лет, рост около 165 сантиметров, лицо круглое, волосы чёрные, фигура коренастая. Особых примет нет. По специальности шофёр.

Дальнейших показаний я сейчас дать не могу. Я описал всё. Если позже вспомню ещё что-либо, то сообщу добровольно.

Данное дополнение я составил и написал сам, что утверждаю своей подписью.

Пауль Вальдманн
Познань, 10 июня 1945 года.

Настоящим удостоверяю, что эти документы аутентичны подлинникам, которые хранятся в Чрезвычайной Государственной Комиссии в гор. Москве.

Уполномоченный Чрезвычайной Государственной Комиссии

7/I-1946 г.

А 081061

H1480 – 0084

Г 124005. Зак. № 158/40943/Бр. Изд. № 956/Л.

А 081062

Filed Feb. 1946

Международный военный трибунал

H-1480-c

ДОКУМЕНТЫ ОБВИНЕНИЯ

ПО ДЕЛУ № 1

55

Главный обвинитель
от СССР

10

СССР № 55

H1480 – 0085

081120

H1480-0085A

9 Pages

СССР. 55

П Р И Г О В О Р

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

14-17 июля 1943 года Военный Трибунал Северо-Кавказского фронта в составе председательствующего - председателя Военного Трибунала Северо-Кавказского фронта полковника юстиции МАЙОРОВА Н.Я., членов: заместителя председателя Военного Трибунала того же фронта - полковника юстиции ЗАХАРЬЯЩ Г.А. и члена Военного Трибунала фронта - майора юстиции КОСТРОВА Н.Н., при секретаре майоре юстиции ГОРЕВЕ Л.А. с участием государственного обвинения в лице военного прокурора, генерал-майора юстиции ЯЧЕНИНА Л.И. и защиты по назначению суда, в лице членов адвокатуры КАЗНАЧЕЕВА С.К., ЯКУНЕНКО В.И. и НАЗАРЕВСКОГО А.М., в открытом судебном заседании в гор.Краснодаре, рассмотрел дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории г.Краснодара и Краснодарского края, по которому обвиняются:

1. ТИЩЕНКО Василий Петрович, 1914 года рождения, уроженец хутора Бичевая Балка, Павловского района, Краснодарского края.

2. РЕЧКАЛОВ Иван Анисимович, 1911 года рождения, уроженец деревни Пичевки, Юргамышского района, Челябинской области, дважды судим за хищение и осужден каждый раз к пяти годам лишения свободы, наказания отбыл.

3. ЛАСТОВИНА Михаила Павловича, 1883 года рождения, уроженец станицы Ново-Титаровской, Краснодарского района, Краснодарского края, кулак.

H1480 – 0086

А 081121

H1480 – 0087

A 081122

INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL
NURNBERG, GERMANY
USSR Exhibit 55
Filed Feb 19, 1946

4. ТУЧКОВ Григорий Петрович, 1909 года рождения, уроженец станицы Ново-Дмитриевской, Советского района, Краснодарского края.

Все четверо - в совершении преступлений, предусмотренных ст.58-1 "а" УК РСФСР.

5. ПУШКАРЕВ Николай Семенович - 1915 года рождения, уроженец гор.Днепропетровска.

6. МИСАН Григорий Никитович - 1916 года рождения, уроженец станицы Суздальской, Горяче-Ключевского района, Краснодарского края.

7. НАПЦОК Юнус Мицухович - 1914 года рождения, уроженец аула Лекшукай, Тахтамукаевского района, Краснодарского края.

8. КОТОМЦЕВ Иван Федорович - 1918 года рождения, уроженец деревни Полонец, Зуевского района, Кировской области. Судим в 1937 году за хулиганство и осужден на 2 года лишения свободы. Наказание отбыл.

9. ПАВЛОВ Василий Степанович - 1914 года рождения, уроженец гор.Ташкента.

10. ПАРАМОНОВ Иван Иванович - 1923 года рождения, уроженец гор.Ростова на Дону.

11. КЛАДОВ Игнатий Федорович - 1911 года рождения, уроженец деревни Сизикова, Невьянского района, Свердловской области.

Все семь - в совершении преступлений, предусмотренных ст.58-1 "б" УК РСФСР.

Материалами предварительного и судебного следствия Военный Трибунал фронта у с т а н о в и л:

H1480 - 0088

А 081123

H1480 – 0089

9 августа 1942 года немецко-фашистские войска, временно захватив гор.Краснодар и территорию Краснодарского края,по прямому указанию гитлеровского правительства и приказанию командующего 17-й германской армией генерал-полковника Руоф, при самом активном участии гестапо - немецкой тайной полиции, действовавшей под руководством шефа гестапо - полковника Кристман, его заместителя капитана Раббе, офицеров-гестаповцев - Пашен, Босс, Сарго, Сальге, Ган, Винц, Эрих Мейер, Ганс Мюнстер, немецких военных врачей тюрьмы и гестапо Герц и Шустер, сотрудников гестапо - переводчиков Якоб Эйкс и Шертерлан, совместно со своими пособниками - изменниками и предателями нашей социалистической родины - Тищенко В., Речкаловым И., Мисан Г., Ластовина М., Пушкаревым Н., Тучковым Г., Парамоновым И., Напцок Ю., Котомцевым И., Павловым В. и Кладовым И., в течение более полугода различными зверскими методами истребляли мирное население гор.Краснодара и Краснодарского края. Гитлеровскими извергами и поименованными выше их пособниками расстреляно, повешено, удушено посредством отравляющих газов окиси углерода и замучено много тысяч ни в чем неповинных советских людей, в том числе женщин, стариков и детей.

Немецкие захватчики и их сообщники сожгли все промышленные предприятия, лучшие здания и дома мирных жителей гор.Краснодара, разграбили и уничтожилм имущество государственных, хозяйственных, культурных и общественных организаций гор.Краснодара и Краснодарского края, забрали у населения все продовольствие и другие материальные ценности и угнали в немецкое рабство большое количество советских граждан. В феврале месяце 1943 года после изгнания

А 081124

H1480 – 0090

Красной Армией германских оккупантов с территории Краснодарского края все вышепоименованные чудовищные злодеяния были советскими органами вскрыты во всей их полноте.

Судебным следствием также установлены факты систематического истязания и сожжения гитлеровскими разбойниками многих арестованных советских граждан, находившихся в подвалах гестапо, и истребления путем отравления газами окиси углерода в специально оборудованных автомашинах "душегубках" около семи тысяч невинных советских людей, в том числе свыше 700 человек больных, находившихся в лечебных заведениях гор.Краснодара и Краснодарского края, из них 42 человека детей в возрасте от 5 до 16 лет.

Выслушав об"яснения обвиняемых, показания свидетелей, заключение судебно-медицинской экспертизы, а также речи государственного обвинения и защиты, Военный Трибунал установил виновность каждого из подсудимых, заключающуюся в том, что:

I. ТИЩЕНКО в августе месяце 1942 года добровольно поступил на службу в немецкую полицию, в сентябре месяце 1942 года был переведен в порядке поощрения сначала на должность старшины карательного органа гестапо "Зондеркоманды СС-10-А", а затем - следователя гестапо, одновременно являясь тайным агентом последнего.

Занимая у немецких захватчиков названные выше должности, Тищенко вместе с офицерами гестапо Боссом и др. часто выезжал на облавы и аресты партизан, коммунистов и других советских активистов. Под руководством офицеров - гестаповцев Сарго и Сальге вел на них следственные дела, избивал их плетьми, по его инициативе было задушено не-

А 081125

H1480 – 0091

сколько человек, числившихся за ним заключенных советских граждан путем отравления окисью углерода в специально оборудованных для этой цели автомашинах - "душегубках".

2. ПУШКАРЕВ в августе месяце 1942 года добровольно поступил на службу к гитлеровцам в полицию, затем вскоре был переведен на должность группенфюрера, командира отделения в вышеуказанной "Зондеркоманде".

Пушкарев совместно с гитлеровцами - офицерами Штейн, Герц, Ган и др., под руководством шефа гестапо полковника Кристман, неоднократно выезжал с провокаторскими и карательными целями в станицы Гладковскую, Красный Псебебс, гор.Анапу и другие пункты, где участвовал в розысках, арестах и расстрелах партизан и других советских активистов.

Будучи начальником караула гестапо, Пушкарев охранял арестованных советских граждан, участвовал в их истязаниях и избиениях, присутствовал при погрузке их в автомашины "душегубки", в которых немецко-фашистские палачи умерщвляли людей путем отравления окисью углерода.

В начале февраля 1943 года перед изгнанием немцев из гор.Краснодара принимал участие в поджоге гестаповцами и взрыве здания, где помещалось гестапо, с находившимися в нем арестованными советскими гражданами, в результате чего последние погибли.

3. РЕЧКАЛОВ, будучи досрочно освобожден из места заключения, где он отбывал наказание за кражу, и укло-

А 081126

H1480 – 0092

нившись от мобилизации в Красную Армию, перебежал на сторону немецко-фашистских захватчиков в августе месяце 1942 года, добровольно поступил на службу в немецкую полицию, откуда через несколько дней за ревностное отношение к службе был переведен в "Зондеркоманду СС-10-А".

Выполняя обязанности полицейского и тайного агента гестапо, Речкалов нес охрану арестованных, неоднократно выезжал в составе карательного отряда гестапо в станицы Гладковскую, Ново-Покровскую, Гастогаевскую и гор. Анапу для выявления, арестов и убийств советских граждан.

В декабре месяце 1942 года сопровождал автомашину с отравленными окисью углерода людьми к противотанковому рву и участвовал в их разгрузке и закапывании.

4. МИСАН в августе месяце 1942 года добровольно поступил на службу в немецкую полицию, а через 12 дней был переведен в "Зондеркоманду СС-10-А", где он систематически нес охрану арестованных советских граждан, которые на его глазах подвергались истязаниям.

Мисан неоднократно принимал участие в погрузке арестованных советских людей в автомашины - "душегубки", в которых гестаповцы умерщвляли их окисью углерода.

Мисан из"явил желание участвовать в расстреле гражданина Губского, проводившего антифашистскую деятельность. Мисан расстрелял Губского, чем заслужил доверие немецких оккупантов, и был после этого назначен тайным агентом гестапо.

5. КОТОМЦЕВ в сентябре месяце 1942 года добровольно поступил на службу в полицию при лагере для военноплен-

A 081127

H1480 – 0093

ных, а в ноябре месяце 1942 года перешел добровольно на службу в "Зондеркоманду СС-10-А", в составе которой активно помогал гестапо в истреблении советских граждан, участвуя в карательных экспедициях по борьбе с партизанами.

В январе месяце 1943 года Котомцев с карательным отрядом участвовал в вылавливании и арестах партизан в хуторе Курундупе и в станице Крымской. При активном участии Котомцева в Курундупе была повешена девушка за связь с партизанами и в станице Крымской было повешено 16 человек советских людей.

6. НАЩОК добровольно поступил на службу в "Зондеркоманду СС-10-А" гестапо, где систематически нес охрану находившихся в ее застенках советских граждан. Много раз выезжал с карательной экспедицией по выявлению и истреблению партизан и других советских граждан. В январе с.г. при активном участии Нащок в станице Гастогаевской и на хуторе Курундупе были повешены несколько советских людей.

7. КЛАДОВ в период временной оккупации немцами гор.Краснодара в сентябре 1942 года добровольно поступил на службу в "Зондеркоманду СС-10-А" гемтаро, где охранял арестованных и одновременно был назначен тайным агентом по вылавливанию партизан и других лиц, помогавших Красной Армии.

8. ЛАСТОВИНА, скрывшись от репрессии в 1932 году, как кулак, прибыл в гор.Краснодар, где устроился в больнице на службу в качестве санитара. В декабре

A 081128

H1480 – 0094

1942 года в период временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками гор.Краснодара участвовал с гестаповцами в расстреле шестидесяти человек больных советских граждан.

9. ТУЧКОВ в период временной оккупации немецкими захватчиками гор.Краснодара добровольно поступил на службу в немецкую полицию, а затем перешел в "Зондеркоманду СС-10-А", в составе которой три раза участвовал в облавах и арестах сочувствующих советской власти людей.

10 и 11. ПАРАМОНОВ и ПАВЛОВ добровольно поступили на службу в "Зондеркоманду СС-10-А" гестапо и находились в ней до изгнания фашистов из гор.Краснодара,неся в этой команде охрану арестованных и здания гестапо, участвуя в облавах и арестах партизан.

Таким образом, виновность всех перечисленных выше подсудимых в измене Родине доказана их собственными признаниями и показаниями свидетелей.

На основании ст.ст.319-320 Угол.-Процесс.Кодекса РСФСР и, руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года об изменниках Родины, Военный Трибунал п р и г о в о р и л:

Тищенко Василия Петровича, Речкалова Ивана Анисимовича, Ластовина Михаила Павловича, Пушкарева Николая Семеновича, Мисана Григория Никитовича, Нащок Юнуса Мицуховича, Котомцева Ивана Федоровича, Кладова Игнатия Федоровича

- К СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ.

А 081129

H1480 – 0095

Тучкова Григория Петровича, Павлова Василия Степановича и Парамонова Ивана Ивановича, - как менее активных пособников, уличенных в оказании содействия немецко-фашистским злодеям, совершавшим зверские расправы с советским гражданским населением и военными красноармейцами -

К ССЫЛКЕ В КАТОРЖНЫЕ РАБОТЫ СРОКОМ НА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ КАЖДОГО.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ - полковник юстиции Н.МАЙОРОВ.
Ч Л Е Н Ы: полковник юстиции Г.ЗАХАРЬЯЩЦ.
майор юстиции Н.КОСТРОВ.

С подлинным верно: Секретарь Верховного Суда Союза ССР - Радионова.

6/X-1945г.

А 081130

Лист 13, 1946

H1480 – 0096

Международный военный трибунал

H-14802

ДОКУМЕНТЫ ОБВИНЕНИЯ

ПО ДЕЛУ №

Главный обвинитель
от СССР

СССР № 56

A 081131

H1480-0096A

16. Pages

H1480 – 0097

СООБЩЕНИЕ

Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР

О РАЗРУШЕНИИ гор. СМОЛЕНСКА И ЗЛОДЕЯНИЯХ, СОВЕРШЁННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ НАД СОВЕТСКИМИ ГРАЖДАНАМИ

INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL
NURNBERG, GERMANY
USSR Exhibit 56
Filed Feb 13, 1946

ОГИЗ ГОСПОЛИТИЗДАТ 1943

A 081132

H1480 – 0098

Древнейший русский город Смоленск, богатый событиями в своём развитии, из века в век отражал в истории нашей Родины рост её могущества и славы. Небывалого расцвета достиг он за годы советской власти. С необычайной быстротой увеличивалось количество промышленных предприятий, культурно-просветительных учреждений.

15 июля 1941 года в Смоленск ворвались гитлеровские орды. 26 месяцев и 10 дней длилось их кошмарное хозяйничанье, сопровождавшееся неслыханными злодеяниями и насилиями. С чудовищной жестокостью и коварством изо дня в день разрушали они фабрики и заводы, больницы и поликлиники, институты и техникумы, школы и музеи, парки и сады — весь древнейший город, превращая его в пепел и развалины.

После освобождения города лишь за 10 дней минёрами было извлечено из различных зданий более 100 тысяч килограммов авиабомб и мин замедленного действия.

На основании актов, составленных представителями государственных предприятий и учреждений, общественных организаций, показаний очевидцев и свидетелей, а также на основании произведённого членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Н. Н. Бурденко расследования фактов разрушений и злодеяний, учинённых в г. Смоленске немецко-фашистскими варварами, установлено:

РАЗРУШЕНИЕ КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Специальные команды поджигателей взрывали и сжигали новые большие дома, целые кварталы и улицы. В каменных зданиях автогеном вырезали железные балки и увозили в Германию. Из 8.000 домов с полезной площадью более 650 тыс. кв. метров разрушено и сожжено 7.300 домов. Разрушены: железобетонный 3-пролётный арочный мост с двух-

1
А 081133

H1480 – 0099

колейными трамвайными путями, выстроенный в 1930—1931 году, соединявший Заднепровье с центром города; 3-пролётный железный мост с каменными, облицованными гранитом быками, два виадука через полотно железной дороги у станции Смоленск; все помещения бань и подсобные предприятия банно-прачечного комбината.

Немецкими оккупантами приведено в негодность всё трамвайное хозяйство, состоявшее из 27 километров пути, воздушной линии и трамвайного парка. Выведен из строя водопровод. Население города осталось без воды. Взорваны и сожжены: водонапорные башни с железобетонными баками, главная насосная станция с оборудованием, насосами, моторами, камерой управления и трубопроводом, насосная станция с подсобными сооружениями, станции 1-го и 3-го подъёма с железобетонными резервуарами и камерой управления; разрушены оборудование и строения над шахтами артезианских скважин.

При отступлении из Смоленска немецкие мерзавцы разрушили электрическую станцию и город оставили без света и электроэнергии. Турбины, котлы и трансформаторы привели в негодность: уничтожили 67 трансформаторных киосков, сняли около 90 километров воздушной сети высокого и низкого напряжения; контрольно-измерительные приборы вывезли в Германию. Фашистские захватчики полностью разрушили и сожгли в Смоленске 170 магазинов, 260 ларьков, 85 столовых и ресторанов, 2 фабрики-кухни и другие подсобные постройки торговых организаций.

Большой ущерб немецко-фашистские захватчики нанесли хозяйству Управления связи. Они уничтожили здание телеграфа, автоматической телефонной станции, почтамта, радиостанций, радиоприёмного пункта. Привели в негодность / уничтожили оборудование телеграфа и блок-станции, автоматической телефонной станции, междугородной телефонной станции. Имущество, материалы и хозяйственный инвентарь Управления связи вывезли в Германию.

По далеко не полным данным, общий ущерб, причинённый немецко-фашистскими захватчиками коммунальному хозяйству, связи и торговле, составляет свыше 700 миллионов рублей.

РАЗРУШЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Немецкие захватчики уничтожили в Смоленске все 96 фабрик и заводов. Они разрушили Смоленский льнокомбинат имени А. А. Андреева, пущенный в эксплоатацию в 1937 году, а оставшиеся станки, котлы, рельсы и различное обору-

А 081134

H1480 – 0100

дование увезли в Германию. Завод «Метиз», музыкальную фабрику, завод № 35, механический завод, 30 предприятий промысловой кооперации, трикотажную фабрику, завод им. Калинина, выпускавший дорожные машины, битумные котлы и цистерны, гитлеровцы разрушили до основания. На фабрике «Красный швейник» оккупанты взорвали и уничтожили производственный корпус, здание школы ФЗУ и складские помещения.

В последние дни перед бегством немецких оккупантов из Смоленска подверглись разрушениям предприятия и жилые помещения Областного Управления промышленности стройматериалов.

На кирпичном заводе № 1 они взорвали и разрушили обжигательную печь, здания двух формовочных цехов, механическую мастерскую, электроподстанцию, на втором кирпичном заводе взорвали и сожгли все производственные здания и сооружения и вывезли в Германию трансформаторные подстанции и моторы; 8,5 километра узкоколейных путей; полностью сожгли жилые дома и постройки рабочего посёлка. От кирпичного завода № 5 остались лишь груды развалин. Керамический завод разрушен, а оборудование вывезено в Германию. Оборудование и инструмент механического завода немецко-фашистские захватчики вывезли в Германию, здание частично разрушили; 4-этажное здание Смоленской контрольной научно-исследовательской станции стройматериалов сожгли.

Общий размер ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками промышленным предприятиям, исчисляется более чем в 300 миллионов рублей.

РАЗРУШЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО УЗЛА

Смоленский железнодорожный узел, связывавший столицу Советского Союза с важнейшими экономическими и промышленными центрами страны, через который ежедневно проходили десятки товарных и пассажирских поездов на Москву, Минск, Брянск, Витебск, Сухиничи, оккупантами разрушен полностью. Паровозное и вагонное хозяйство, оборудование мастерских, силовых станций, аппаратура связи и автоблокировки, в том числе и подвижной состав, увезены в Германию.

При своём отступлении из Смоленска немецкие оккупанты взорвали 194 километра железнодорожных станционных путей, 700 стрелочных переводов, 5 депо, 3 поворотных круга, 7 пунктов набора воды; уничтожили 3 тысячи погонных метров погрузочно-разгрузочных площадок, 18.300 кв. метров

А 081135

H1480-0101

служебных зданий, 9 бань; разрушили и сожгли 228 жилых зданий общей площадью 38 тысяч кв. метров.

Размер ущерба по железнодорожному узлу исчисляется в 60,5 миллиона рублей.

РАЗРУШЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Ворвавшись в город, немецкие захватчики разрушили большинство лечебных учреждений, больных, находившихся в больницах, выбросили на улицу, а ценное медицинское оборудование вывезли в Германию. Жители города были лишены медицинской помощи.

Отступая от Смоленска, гитлеровские мерзавцы сожгли и взорвали здания лечебных учреждений. Они разрушили терапевтическое, хирургическое, инфекционное, гинекологическое и родильное отделения 1-й советской клинической больницы, размещавшейся в 20 корпусах. Полностью уничтожили рабочую поликлинику, третью, четвёртую и пятую амбулатории и шестую амбулаторию при льнокомбинате, три тубдиспансера, пункт скорой помощи, три женско-детских консультации, санаторий для подростков, 25 детских яслей на 1.800 мест, дезостанцию, молочно-контрольную станцию, санитарно-бактериологическую лабораторию, акушерскую клинику, инфекционную больницу, дом ребёнка, детскую и зубоврачебную поликлиники; разграбили кожно-венерический диспансер, институт физических методов лечения, детскую больницу, детскую физио-терапевтическую больницу, зубоврачебную школу, дом санитарного просвещения и др.

Ущерб, причинённый немецко-фашистскими оккупантами лечебным учреждениям города Смоленска, исчисляется более чем в 70 миллионов рублей.

РАЗРУШЕНИЯ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, МУЗЕЕВ И ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ

Немецко-фашистские захватчики уничтожили в Смоленске институты, техникумы, школы; разграбили ценнейшие коллекции музеев, осквернили и сожгли памятники старины. Учебники и литературу, наглядные пособия и приборы, экспонаты и музейные коллекции, представлявшие огромную ценность, фашисты вывезли в Германию. Богатейшая библиотека педагогического института, насчитывавшая сотни тысяч книг, была замурована в подвале для сохранения от пожара во время бомбардировок. Немецкие выродки разыскали эту библиотеку

081136

и все книги сожгли. Ценную литературу, учебники, приборы и инструменты медицинского института и института иностранных языков вывезли в Германию.

В апреле 1943 года немецко-фашистским мерзавцам понадобился щебень. Они взорвали для этой цели среднюю школу № 23 и добытый таким путём щебень использовали на исправление дороги.

При отступлении из Смоленска немецко-фашистские захватчики разрушили почти все учебные заведения. Они сожгли здания педагогического, стоматологического и сельскохозяйственного институтов; разрушили финансовый, кооперативный, железнодорожный техникумы и электротехникум связи; сожгли и взорвали 22 школы, восемь детских садов, областную центральную, детскую городскую, Заднепровскую библиотеки, библиотеку им. Горького и Рачевскую библиотеку им. Первого Мая. В этих библиотеках погибло 646 тысяч книг.

Ущерб, нанесённый немецко-фашистскими оккупантами школам и учреждениям Смоленского городского отдела народного образования, исчисляется в 74 миллиона рублей.

В 1939 году в Смоленске был открыт драматический театр в новом, прекрасно оборудованном здании. Немецкие захватчики разграбили костюмерную театра, насчитывавшую до 5.000 предметов. Электрооборудование привели в негодность; осветительную аппаратуру и антикварную мебель вывезли в Германию, декорации уничтожили. Они сожгли Государственный цирк на 2.500 мест со всем оборудованием, здание филармонии и музыкальной школы им. Глинки. Немецкие оккупанты разрушили кинотеатры им. «Пятнадцать лет Октября» на 1.000 мест, «Палас» на 700 мест, «Деткино» и др.

Древнейший город Смоленск сохранял ценнейшие памятники истории и культурного прошлого. В нём имелись храмы начального периода каменного строительства XII века, Кремль, представляющий одно из крупнейших в мире крепостных сооружений, а также и ряд других памятников, характеризующих дальнейшее развитие русской национальной культуры и искусства вплоть до нашего времени.

В Смоленске до немецкой оккупации было 4 музея, располагавших ценными коллекциями.

Художественный музей, собиравшийся с 1898 года, имел богатейшие собрания преимущественно русских историко-художественных, историко-бытовых, этнографических и других ценностей: картин, икон, бронзы, фарфора, литья, тканей. Эти собрания представляли мировую ценность — экспонировались на выставке во Франции. Оккупанты разрушили музей,

H1480-0102

А 081137

ценнейшие экспонаты вывезли в Германию. В музее сохранились только бронзовая скульптура Никиты Панина и большой гипсовый барельеф. Вне музея, на Соборной горе, в одной из комнат бывшего архиерейского дома, обнаружено небольшое количество беспорядочно сваленного поломанного и побитого имущества.

Исторический музей, помещавшийся в здании Богословской церкви XII века, полностью разграблен, помещение музея частично взорвано. В музее хранились подлинные экспонаты, характеризующие историю города, и как единственное в этом отношении собрание оно являлось исключительно ценным.

Музей природы в Громовой башне Кремля состоял из собрания, характеризовавшего природу Смоленской области. Музейные ценности фашистские мерзавцы разрушили, а здание приспособили под казарму.

В Петропавловской церкви, построенной в 1146 году, с пристройками XVII и XVIII веков, они сожгли междуэтажные перекрытия и все деревянные части здания. Архангельская (Свирская) церковь постройки 1194 года сожжена фашистами 28 июня 1942 года. Сгорели полностью покрытия главы колокольни и вся внутренность постройки 1833 года. Во время оккупации Смоленска немецкие военные власти использовали здание церкви под склад. Ивано-Богословская церковь 1180 года с пристройкой 1770 года взорвана при отступлении из Смоленска.

В крепостных башнях и стенах Кремля постройки 1567—1602 годов произведены разрушения. Немецко-фашистские захватчики сняли кровлю с 9 башен Кремля: Волкова, Веселухи, Раговки, Орла, Авраамиевской, Заалтарной, Воронина, Долгочевской и Зимбулки; сожгли Днепровские ворота с надвратной церковью; разобрали междуэтажные перекрытия башни Бублейки. В Гуркиной башне они устроили склад взрывчатых веществ. В восточной стене Кремля сделали несколько проломов. Немецкие оккупанты сожгли Троицкий монастырь. В соборе монастыря постройки 1674 года сгорели крыши над всеми зданиями. В колокольне XVII века сгорела глава, в церкви Зачатья постройки 1767 г. сгорела крыша, перекрытия и все деревянные части здания. Деревянный дом наместника архиепископа постройки XVII века уничтожен пожаром. Сохранились только каменные сводчатые подвалы.

Немецкие захватчики полностью сожгли церкви: Спасскую постройки XVIII века, Духовскую—XVIII века, Покровскую—XIX века. Сожгли все деревянные части в церквах: Нижне-Никольской за Днепром постройки XVIII века, Георгиевской—начала XVIII века, Нижне-Благовещенской—1779 года,

H1480-0103

081138

в Богоявленском соборе — 1781 года; взорвали Верхне-Никольскую церковь и Введенскую церковь Авраамиева монастыря; увезли в Германию бронзовый памятник Кутузову и пушки с памятника 1812 года.

Главный штаб Розенберга по изъятию и вывозу ценностей из оккупированных районов востока имел в Смоленске специальное отделение, возглавляемое доктором Нерлингом, — организатором разграбления музеев и исторических памятников.

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает приведённые данные об ущербе, причинённом немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям города Смоленска, только предварительными. Точные размеры ущерба будут установлены после окончательной расчистки территории города и тщательной экспертизы разрушения жилых зданий, фабрик, заводов, культурно-просветительных учреждений, музеев, исторических памятников и других сооружений.

МАССОВОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ И МИРНЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

Чрезвычайная Государственная Комиссия на основании заявлений советских граждан, показаний свидетелей, актов и специального расследования установила, что немецко-фашистские захватчики в городе Смоленске и его окрестностях истязали и истребляли мирных советских граждан и военнопленных.

24 апреля 1942 года, близ деревни Александровка, карательный отряд гестапо в 400 человек зверски расстрелял 176 советских граждан. В районе посёлка Гедеоновка, близ разрушенного здания радиостанции они расстреляли не менее 5.000 советских граждан. На опушке Вязовеньской лесной рощи, в одном километре от деревни Магаленщина, в июле месяце 1942 года немецкие власти расстреляли три с половиной тысячи советских граждан. Чрезвычайной Государственной Комиссией установлены личности 1.327 расстрелянных. Свидетели по делу зверского истребления советских граждан в Вязовеньской роще — Варфоломеев И. Е., Покладова В. К., Субботина А. В., Новожилов А. С. и другие показали:

«В июле месяце 1942 года немецкие захватчики в одном километре от нашей деревни Магаленщина, на опушке Вязовеньской лесной рощи, в течение целого дня расстреливали население города Смоленска, которое до этого было согнано

H1480-0104
А 081139

в лагерь, располагавшийся в посёлке «Садки». В этот день было расстреляно более 2.000 человек — стариков, женщин и детей».

Немецко-фашистские захватчики планомерно истребляли раненых и военнопленных советских граждан. Врачи Смирнов А. Н., Лазунов А. Н., Демидов А. М., Погребнов А. С. и другие, бывшие в лагере военнопленных, сообщили, что по дороге от Вязьмы в Смоленск гитлеровцы расстреляли несколько тысяч человек.

Осенью 1941 года оккупанты пригнали из Вязьмы в Смоленск партию военнопленных. Многие из них от побоев и истощения не в состоянии были держаться на ногах. При попытке населения дать кому-либо из пленных кусок хлеба немецкие солдаты отгоняли советских людей, били их палками, прикладами и расстреливали. На Большой Советской улице, Рославльском и Киевском шоссе фашистские мерзавцы открыли беспорядочную стрельбу в колонну военнопленных. Пленные пытались бежать, но солдаты настигали их и пристреливали. Так было расстреляно около 5.000 советских граждан. Трупы расстрелянных несколько дней валялись на улицах.

Это подтверждают жители города Смоленска — Соловьёва П. С., Егоров В. М., Егорова Г. Н., Лунченова Ф. Т., Агафонова П. Л. и другие.

Немецкие военные власти истязали военнопленных. По пути в Смоленск, и особенно в лагере, военнопленные погибали десятками и сотнями. В лагере военнопленных № 126 советские люди подвергались истязаниям, больных посылали на тяжёлые работы, не оказывали медицинской помощи. Пленные в лагере подвергались истязаниям, посылались на непосильную работу, расстреливались. От истощения на почве голода, от эпидемии тифа и дизентерии, замерзания, изнурительных работ и кровавого террора ежедневно погибали 150—200 человек. Немецко-фашистские захватчики истребили в лагере свыше 60 тысяч мирных граждан и военнопленных. Факты истребления пленных бойцов и командиров Красной Армии, а также мирных граждан подтверждены показаниями пленных врачей, содержавшихся в этом лагере: Смирнова А. Н., Хмырова В. А., Погребнова А. С., Ерпылова П. П., Демидова А. М., медицинскими сёстрами Шубиной Т. С., Ленковской А. Г., а также красноармейцами и жителями города Смоленска.

Под руководством зондер-фюрера Эдуарда Гисс в лагере были расстреляны тысячи военнопленных.

Унтер-офицер Гатлин зверски расправлялся с пленными.

А 081140
H1480-0105

Зная об этом, они старались не попадаться ему на глаза. Гатлин же переодевался в костюм красноармейца, замешивался в толпу и, избрав себе жертву, избивал её до полусмерти.

Рядовой Рудольф Радтке, бывший борец одного из цирков Германии, специально изготовил себе плётку из алюминиевой проволоки, которой избивал содержавшихся в лагере. По воскресным дням он приходил в лагерь пьяным, набрасывался на первого попавшегося пленного, мучил его и убивал.

На Смоленской городской электростанции фашисты заставляли работать истощённых и выбившихся из сил, больных советских людей. Нередко наблюдались случаи, когда пленные, изнурённые голодом, падали от непосильной работы и тут же расстреливались зондер-фюрером Сцепальским, зондер-фюрером Брам, Гофманом Маузером, зондер-фюрером Вагнером.

В Смоленске существовал госпиталь для военнопленных; советские врачи, работавшие в этом госпитале, сообщили: «До июля 1942 года больные лежали на полу, без перевязок. Одежда и подстилка у них была покрыта не только грязью, но и гноем. Помещение не отапливалось, в коридорах пол покрывался ледяной коркой».

Отношение к раненым точно соответствовало программе поголовного истребления русского народа. Никаких ни общечеловеческих, ни юридических норм не признавалось. Раненые военнопленные подвергались мучениям и физическим и моральным.

В своё время в печати сообщалось, как гитлеровские палачи инсценировали «обследование» своей же кровавой расправы над польскими офицерами в Катынском лесу (в районе Смоленска), чтобы мошеннически выдать это злодеяние за «преступление большевиков». Эти гнусные измышления матёрых фальсификаторов ещё характернее выступают теперь в свете новых чудовищных преступлений, совершённых ими в г. Смоленске.

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что в городе Смоленске и его окрестностях немецко-фашистские изверги расстреляли и замучили свыше 135 тысяч мирных советских граждан и военнопленных.

Чрезвычайная Государственная Комиссия поручила специальной судебно-медицинской экспертной комиссии произвести исследование трупов расстрелянных и замученных советских граждан в Смоленске.

Ниже публикуется акт судебно-медицинской экспертизы:

H1480-0106

А 081141

«АКТ
СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Согласно указанию Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённ ими ущерба гражданам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР — от 28-го сентября 1943 года, Судебно-медицинская Экспертная Комиссия в составе:

Члена Чрезвычайной Государственной Комиссии, академика **Н. Н. Бурденко;**

Главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, доктора **В. И. Прозоровского;**

профессора кафедры судебной медицины 2-го Московского Медицинского института, доктора медицинских наук **В. М. Смольянинова;**

старшего научного сотрудника танатологического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доктора **П. С. Семеновского;**

старшего научного сотрудника судебно-химического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доцента **М. Д. Швайковой** — в период с 1-го по 16-е октября 1943 года произвела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов в местах погребения в гор. Смоленске и его окрестностях для:

1) установления личности покойных,
2) диагностики причины смерти,
3) определения количества погребённых и срока давности погребения.

Обстоятельства дела изложены в документах следстви

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебно-медицинская комиссия, основываясь на результатах судебно-медицинских, судебно-химических и спектроскопических исследований, а также на изучении следственных документов, приходит к заключению:

Материалы следствия, количественная характеристика трупов в раскрытых ямах-могилах и изучение участков территории массовых погребений — делают возможным вывод, что в обследованных пунктах гор. Смоленска и его окрестностей количество трупов советских граждан, умерщвлённых и по-

H1480-0107
081142

гибших в период временной оккупации немцами, превышает 135000, распределяясь следующим образом:

1.	На территории	бывш. Смоленской Радиостанции у сел. Гедеоновка	до	5 000 трупов
2.	»	селений Магаленщина-Вязовенька	»	3 500 »
3.	»	плодово-овощного хозяйства у сел. Реадовка	»	3 000 »
4.	»	Пионерского (соснового) сада	»	500 »
5.	»	Дома Красной Армии	»	1 500 »
6.	»	большого концентрационного лагеря № 126	»	45 000 »
7.	»	малого концентрационного лагеря № 126	»	15 000 »
8.	»	Медгородка Западной железной дороги	»	1 500 »
9.	»	деревни Ясенная	»	1 000 »
10.	»	бывш. немецкого госпиталя для военнопленных и общежития студентов Мединститута по Рославльскому шоссе	»	30 000 »
11.	»	Лесопильного и Ликёро-водочного заводов	»	500 »
12.	»	концентрационного лагеря у дер. Печорской	»	16 000 »
13.	»	селения Ракитня	»	2 500 »
14.	»	авиазавода № 35 в районе станции Красный Бор, совхоза Пасово, дер. Александровской, ГЭС, пос. Серебрянка и Дубровенька	»	12 000 »

В период с 1-го по 16-е октября 1943 года на территории гор. Смоленска и его окрестностей были произведены эксгумация и судебно-медицинское исследование трупов в следующих пунктах:

1. На территории быв. Смоленской радиостанции;
2. » селений Магаленщина-Вязовенька;
3. » Пионерского сада;
4. » Плодово-овощного хозяйства (у дер. Реадовка);
5. » Большого концентрационного лагеря (№ 126);
6. » Малого концентрационного лагеря (№ 126);
7. » Железнодорожной больницы (Медгородок Западной железной дороги);
8. » дер. Ясенная;
9. » Дома Красной Армии;
10. » Авиазавода № 35;
11. » бывш. немецкого госпиталя для военнопленных и общежития студентов Медицинского института по Рославльскому шоссе;
12. » Лесопильного и Ликёро-водочного заводов;
13. » концентрационного лагеря у дер. Печорская;
14. » дер. Ракитня.

H1480-0108

А 081143

В указанных пунктах было раскрыто 87 мест захоронений (ям и могил), эксгумировано и исследовано 1.173 трупа, из которых было 1.033 трупа мужчин, 122 женщины и 18 детей и подростков.

При исследовании трупов было констатировано наличие:

18 детей и подростков в возрасте до 16 лет.

835 мужчин в возрасте от 20 до 40 лет.

103 женщины в возрасте от 20 до 40 лет.

217 мужчин и женщин в возрасте свыше 40 лет.

В процессе раскрытия могил-ям установлено, что в них не производилось погребения трупов в обычном смысле слова, а имело место хаотическое сбрасывание и закапывание трупов мужчин, женщин и детей, в некоторых случаях вместе с частями трупов животных (собака, лошадь), при этом закапывание трупов совершалось на различной глубине от 0,3 метра до 3,0 метра. Трупы в ямах большею частью были или вовсе без одежды, или в поношенном нижнем белье, в меньшей же части — трупы обнаружены в одежде или воинском обмундировании. На нижнем белье некоторой части трупов, эксгумированных из могил на территории Большого и Малого концентрационного лагеря, отмечается множество мёртвых вшей.

Вместе с трупами в ямах или в карманах одежды находились различные предметы бытового обихода: плетёные и клеёнчатые сумки с картофелем или кусками хлеба, эмалированные кружки и фляги, бритвы и перочинные ножи, почтовые карточки, карандаши, зеркальца, мундштуки, мелкие деньги и проч. Документы, удостоверяющие личность, были найдены лишь в 16 случаях (три паспорта, одна красноармейская книжка и 12 воинских медальонов). В некоторых случаях в качестве материала для опознавания личности покойного могли быть использованы только частично сохранившиеся предметы одежды и татуировки.

Давность погребения эксгумированных трупов, судя по результатам судебно-медицинских исследований, должна быть отнесена, преимущественно, ко второй половине 1941 года, 1942 году и только в 4-х местах захоронения — к 1943 году.

При судебно-медицинском исследовании в отношении 567 трупов получены данные, свидетельствующие о том, что причиной смерти были огнестрельные ранения головы и грудной клетки — 538 случаев; множественные переломы костей черепа от удара тупым, твёрдым предметом — 29 случаев.

Огнестрельные ранения были констатированы у 431 мужчины, 100 женщин и у 7 детей и подростков. Входные от-

H1480-0109

081144

H1480-0110

верстия ранения, как правило, располагались в затылочной области головы или на задней поверхности шеи; в некоторых отдельных случаях — в теменных, височных и лобной областях, а также на передней поверхности грудной клетки и на спине. Повреждения головы тупым, твёрдым, тяжёлым предметом были у 24 мужчин, 4-х женщин и 1 подростка.

При исследовании 606 трупов не обнаружено причин смерти травматического характера, при этом в одной части случаев, основываясь на судебно-медицинских данных, следует считать, что причиной смерти послужило голодание или острые инфекционные болезни. В отношении другой части трупов далеко зашедшие гнилостные изменения лишают возможности с определённостью судить о причине смерти.

Эксгумация и исследование трупов показали, что в могилах на территории бывш. Смоленской Радиостанции, Пионерского сада, Железнодорожной больницы, деревни Ясенной и Дома Красной Армии находятся лишь трупы, имеющие огнестрельные ранения с ясно выраженными их признаками. В могилах на территории у селений Магаленщина-Вязовенька и плодово-овощного хозяйства у деревни Реадовка обнаружены трупы, имеющие огнестрельные ранения, повреждения тупыми, твёрдыми, тяжёлыми предметами, а также трупы без следов механической травмы. В отношении этой части трупов, принимая во внимание показания ряда свидетелей и другие данные, можно утверждать, что причиной смерти могло явиться отравление окисью углерода в специальных автомашинах.

Исследование трупов, извлечённых из могил на территории Большого и Малого концентрационных лагерей, завода № 35, бывшего немецкого госпиталя для военнопленных, лесопильного завода, концентрационного лагеря у деревни Печорская и деревни Ракитня, показало, что в подавляющем большинстве случаев в качестве причины смерти, при учёте следственных данных, могут быть признаны голодание или острые инфекционные болезни. Объективным доказательством смерти от голодания является, помимо установленного при исследовании трупов полного отсутствия подкожно-жировой клетчатки, обнаружение в ряде случаев в полости желудка травянистых масс, кусков грубых листьев и стеблей растений.

Материалы экспертизы, при учёте показаний многочисленных свидетелей, дают судебно-медицинской экспертной комиссии основание притти к следующему заключению.

Расположение мест погребения показывает, что захоронение трупов умерщвлённых или погибших советских граждан

А081145

H1480-0111

происходило в одних случаях в специально для этого избранных немцами окрестностях города Смоленска (у бывшей Радиостанции, сел. Реадовка, сел. Магаленщина-Вязовенька), в других — в непосредственной близости от мест гибели (территории концентрационных лагерей), в третьих — на месте умерщвления в центре города Смоленска (у Дома Красной Армии, в Пионерском саду).

Значительное количество раскрытых ям-могил (87) с массами трупов в них, при учёте установления разновременности погребения, относящегося ко 2-й половине 1941 года, 1942 году и 1943 году, свидетельствует о систематическом уничтожении советских граждан.

Этому уничтожению подвергались в подавляющем большинстве случаев мужчины и, главным образом, в наиболее цветущем возрасте от 20 до 40 лет. Это не представляет случайности, так как максимальное число умерщвлённых (расстрелянных) женщин также падает на возраст от 20 до 40 лет.

Обращает на себя особое внимание регулярно отмечаемое обстоятельство, что на эксгумированных трупах обувь отсутствует (за крайне редкими исключениями), одежда также, как правило, отсутствует или состоит из поношенного нижнего белья или из отдельных предметов ветхого верхнего платья. Отсюда естественным является вывод, что снятие обуви и одежды, представляющей ценность, постоянно, в обязательном, узаконенном порядке предшествовало уничтожению советского населения. В тех случаях, когда на трупах была одежда, документов, удостоверяющих личность покойного, в карманах одежды, за весьма редким исключением, не обнаруживалось. Это говорит о намеренном обезличении убиваемых и погибших для сокрытия совершённых злодеяний.

Экспертными данными и свидетельскими показаниями с бесспорностью констатируются широко практиковавшиеся немецким командованием следующие способы истребления мирного советского населения и военнопленных в городе Смоленске:

а) Массовые расстрелы, а также раздробление костей черепа тупым, твёрдым предметом у мужчин, женщин, подростков и детей;

б) В качестве другой формы насильственного умерщвления, применённой в отношении военнопленных и арестованных, содержавшихся в концентрационных лагерях, следует признать установленным такой режим питания, который вызывал голодание и в кратчайший срок приводил к смерти от истощения;

А 081146

H1480-0112

в) Недопустимая антисанитарная обстановка и намеренное создание огромной скученности в лагерных помещениях, при фактическом отсутствии медицинской помощи — приводили к возникновению эпидемий, инфекционных болезней с неизбежным смертельным исходом. Это должно быть расценено как специально организованное мероприятие по уничтожению военнопленных и арестованных советских людей.

Указываемые свидетелями иные способы умерщвления советских граждан, практиковавшиеся в городе Смоленске, как-то: отравление окисью углерода в специально приспособленных для убийства советских людей автомашинах, содержание военнопленных и арестованных при низкой температуре в неотапливаемых помещениях — имеют своё полное обоснование в сообщаемых свидетелями фактических данных.

Вся совокупность применявшихся способов умерщвления, его систематичность и массовость доказывают, что в городе Смоленске немецко-фашистскими властями в течение всего периода оккупации проводилось планово организованное истребление мирного советского населения и военнопленных.

22 октября 1943 года».

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что за разрушение города Смоленска, за массовое истязание и убийство мирных советских граждан и военнопленных ответственны германское правительство и следующие непосредственные исполнители злодеяний: генерал-майор Науман, шеф гестапо обер-лейтенант Торман, руководитель полиции обер-лейтенант Шит, старший следователь гестапо капитан Майер, зондер-фюрер гестапо при лагере военнопленных № 126 Эдуард Гисс, военный комендант гор. Смоленска фон Швец, унтер-офицер Гатлин, рядовой Рудольф Радтке, шеф комендатуры по медицинским учреждениям Гампель, шеф жандармерии № 907 лейтенант Кельм, руководитель полиции по линии жандармерии лейтенант Опец, дежурный начальник тюрьмы штабс-фельдфебель Лемхен, дежурный начальник тюрьмы обер-фельдфебель Немке, шеф штаба Розенберга доктор Нерлинг, начальник отдела пропаганды капитан доктор Думф, заместитель начальника отдела пропаганды Миллер и профессор Еше.

Все они должны понести суровую ответственность за злодейские преступления, совершённые против советского народа.

А 081147

H1480-0113

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Разрушение коммунального хозяйства	1
Разрушение промышленности	2
Разрушение железнодорожного узла	3
Разрушения учреждений здравоохранения	4
Разрушения учебных заведений, культурно-просветительных учреждений, музеев и памятников старины	4
Массовое истребление военнопленных и мирных советских граждан	7

Настоящим удостоверяю, что это сообщение аутентично подлиннику, который хранится в делах Чрезвычайной Государственной Комиссии в г. Москве.

Уполномоченный Чрезвычайной Государственной Комиссии
11/I-1946 г. [illegible]

Чрезвычайная Государственная Комиссия

Подписано к печати 23 ноября 1943 г. А4505. Объем 1 п. л. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 6194. Цена 20 коп.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

А 081148

H1480-0114

20 коп.

Filed Oct. 26, 1946

Международный военный трибунал

atro USA
487

H-1480-e

ДОКУМЕНТЫ ОБВИНЕНИЯ

ПО ДЕЛУ № 1

57

Главный обвинитель
от СССР

СССР № 57

A 081149

H1480-0115

H1480-0116

Geheime Reichssache

Einsatzgruppe A

A 081150

H1480-0117

III.

J u d e n

Die systematische Säuberungsarbeit im Ostland umfasste gemäss den grundsätzlichen Befehlen die möglichst restlose Beseitigung des Judentums. Dieses Ziel ist mit Ausnahme von Weissruthenien im wesentlichen durch die Exekutionen von bislang 229052 Juden (s. Anlage) erreicht. Der in den baltischen Provinzen verbleibende Rest wird dringend zur Arbeit benötigt und ist in Ghettos untergebracht.

Anlage

Zur Erreichung dieses Zieles waren in den verschiedenen Gebieten des Ostlandes verschiedenartige Massnahmen erforderlich.

In den 3 baltischen Staaten Estland, Lettland und Litauen kam das Judentum erst nach der Machtübernahme durch den Bolschewismus entscheidend zur Geltung. Aber auch schon vorher waren der Einfluss der Juden einerseits und die antijüdischen Regungen der Bevölkerung andererseits sehr stark.

Im Nachstehenden werden die verschiedenen Gebiete des Ostlandes getrennt behandelt:

1.) Estland:

Da bis in die Mitte des vorigen Jahrhunderts Estland zu einer Sperrzone des russischen Reiches gehörte, in die der Zuzug jüdischer Elemente von auswärts verboten war, ist das Judentum im Lande zahlenmässig stets unbedeutend gewesen.

A 08115

H1480-0118

Zu Beginn des Jahres 1940 lebten in Estland rund 4.500 Juden bei einer Gesamtbevölkerung von 1.2 Mill. Wesentlich stärker als der Anteil der Juden an der Gesamtbevölkerung war ihr Einfluss auf das Wirtschaftsleben des Landes. Die estnische Industrie war z.B. zu 11 % in jüdischen Händen. Zur bolschewistischen Zeit wurde zwar das jüdische Privateigentum auch nationalisiert, die Juden selbst jedoch fast überall in ihren früheren Unternehmungen als Leiter belassen. Durch Verbindungen zur NKWD. schafften sich die Juden eine sehr starke Position. Sie beherrschten die Presse, die Kulturinstitute, drängten sich in die freien Berufe, und hatten als einzige völkische Minderheit, neben den Deutschen, das Recht einer eigenen Kulturselbstverwaltung.

Mit dem Vormarsch der deutschen Truppen verliess die Mehrzahl der Juden, zusammen mit den sowjetrussischen Behörden, das Land. Etwa 2.000 Juden verblieben im Lande zurück. Davon wohnten in Reval allein fast 1000.

Der mit dem Anrücken der Wehrmacht gebildete estnische Selbstschutz begann zwar sofort Juden festzunehmen, doch unterblieben spontane Progrome. Erst von Sicherheitspolizei und SD. wurden die Juden nach und nach, sowie sie im Arbeitsprozess entbehrlich wurden, exekutiert.

Heute gibt es in Estland keine Juden mehr.

2.) Lettland:

Die Gesamtzahl der Juden in Lettland betrug im Jahre 1935: 93 479 oder 4.79 % der Gesamtbevölkerung.

Bei der bolschewistischen Machtübernahme in Lettland im Juni 1940 gelang es den sowjet-

A 081152

H1480-0119

russischen Rassegenossen den lettischen Juden, die vordem überwiegend zionistisch eingestellt waren, massgebenden Einfluss zu verschaffen. Während es vor 1940 in Lettland keine Juden als Staatsbeamte gab und überhaupt kein Jude in der Staatsverwaltung tätig war, waren in der sowjetrussischen Republik schnell alle einflussreichen Staatsstellungen in den Händen der Juden. Die Hälfte aller Richter war jüdisch. In den höheren Instanzen, insbesondere im Tribunal, betrug die Zahl bis zu 80 %. Ebenso stark war der Einfluss der Juden auf die Wirtschaft und im kulturellen Leben.

Beim Einmarsch der deutschen Truppen gab es in Lettland noch 70.000 Juden. Der Rest war mit den Bolschewisten geflüchtet. Die verbliebenen Juden betätigten sich lebhaft als Saboteure und Brandstifter. So wurden in Dünaburg von den Juden derart viele Brände angelegt, dass ein grosser Teil der Stadt vernichtet wurde.

Nach dem Terror der jüdisch-bolschewistischen Herrschaft -- es wurden insgesamt 33 038 Letten verschleppt, verhaftet oder ermordet -- wäre ein umfassendes Progrom der Bevölkerung zu erwarten gewesen. Tatsächlich wurden jedoch durch einheimische Kräfte nur einige tausend Juden aus eigenem Antriebe beseitigt. Es war notwendig, in Lettland durch Sonderkommandos, unter Mithilfe ausgesuchter Kräfte der lettischen Hilfspolizei (meist Angehörige verschleppter oder ermordeter Letten) umfangreiche Säuberungsaktionen durchzuführen.

Bis zum Oktober 1941 wurden durch diese Sonderkommandos rund 30 000 Juden exekutiert. Die restlichen, noch mit Rücksicht auf Wirtschafts-

A 081153

H1480-0120

belange unentbehrlichen Juden, wurden in Gehttos zusammengefasst, die in Riga, Dünaburg und Libau errichtet wurden.

Im Zuge der Bearbeitung von Strafsachen wegen Nichttragens des Judensterns, Schleichhandels, Diebstahls, Betruges, aber auch um der Sachengefahr in den Ghettos vorzubeugen, wurden in der Folgezeit weiter Exekutionen durchgeführt. So wurden am 9.11.1941 in Dünaburg 11 034, Anfang Dezember 1941 durch eine vom Höheren SS- und Polizeiführer angeordnete und durchgeführte Aktion in Riga 27 800 und Mitte Dezember 1941 in Libau 2 350 Juden exekutiert. Zurzeit befinden sich in den Ghettos (ausser den Juden aus dem Reich) lettische Juden in

Riga	rund	2 500
Dünaburg	"	950
Libau	"	300.

Diese sind als gute Fachkräfte für die Aufrechterhaltung der Wirtschaft z.Zt. noch unentbehrlich.

Litauen:

Bis zum Einmarsch der Bolschewisten lebten nach einer Zählung im Jahre 1923 in Litauen 153 743 Juden, die damit 7.58 % der Gesamtbevölkerung darstellten. Während ihr Einfluss bis dahin im wesentlichen auf die Wirtschaft beschränkt war, nahmen die litauischen Juden, die auch vorher schon illegal für den Boschewismus gearbeitet hatten, jetzt schnell einen beherrschenden Einfluss im öffentlichen Leben. Juden beiderlei Geschlechts unterstützten insbesondere die Tätigkeit der NKWD. Die Verschickung von 40 000 Litauern nach Sibirien ist auf die Vorarbeit

A 081154

H1480-0121

[illegible] zurückzuführen.

Beim Einmarsch der deutschen Truppen führte der Hass der Litauer gegen die Juden zu wirksamen Progromen, zumal die jüdisch-kommunistische Jugend noch viele Städte, die von den deutschen Panzertruppen in wenig beschädigtem Zustande durchfahren worden waren, mit vorher bereitgestellten Benzinkanistern in Brand gesteckt hatte.

Bei den allerdings unter wesentlicher Mithilfe von Sipo und SD. durchgeführten Progromen von Litauern wurden in Kauen 3 800, in den kleineren Städten rund 1 200 Juden beseitigt.

Soweit es Juden gelungen war, zu fliehen, wurden sie nicht selten von den Bauern den Behörden ausgeliefert.

Diese spontanen Reinigungsaktionen reichten aber nicht aus, um den rückwärtigen Frontabschnitt zu stabilisieren, zumal der Eifer der einheimischen Bevölkerung auch alsbald nachliess.

Daher wurden durch ausgewählte Kommandos -- meist in der Stärke 1:8 - zunächst die Gefängnisse, dann systematisch Kreis für Kreis des litauischen Gebietes von Juden beiderlei Geschlechts gesäubert. In vielen Einzelaktionen wurden insgesamt 136 421 Personen liquidiert. Bemerkenswert ist, dass dabei mehrere Juden tätlich gegen die eingesetzten Beamten und litauischen Hilfskräfte vorgingen und vor der Exekution noch ihre bolschewistische Einstellung kundtaten, indem sie Hochrufe auf Stalin ausbrachten und Deutschland schmähten.

Da die restlose Liquidierung der Juden aus Gründen des Arbeitseinsatzes nicht durchzuführen war, wurden Ghettos gebildet, die zurzeit wie folgt belegt sind:

H1480-0121A

691

H1480-0122

Kauen rund	15 000	Juden
Wilna "	15 000	"
Schaulen "	4 500	"

Diese Juden werden im wesentlichen für wehrwichtige Arbeiten verwandt. So sind z.B. bis zu 5 000 Juden in 3 Schichten auf dem Flugplatz bei Kauen zu Erdarbeiten und dergleichen eingesetzt.

4.) Weissruthenien:

Der weissruthenische Raum ist von allen Ländern im Ostland am dichtesten mit Juden besetzt. Im Jahre 1926 wurden in der damaligen BSSR. weit über 400 000 Juden gezählt. Die letzte polnische Volkszählung ergab in den damals noch zu Polen gehörenden Wojewoydschaften Bialystock, Nowo Grodlok, Polesien und Wilna mehr als 500 000 Juden. Diese Zahlen sind jedoch ungenau und sicherlich zu niedrig gegriffen, was daraus hervorgeht, dass weit mehr Personen " jiddisch" als ihre Muttersprache angegeben haben, als im gleichen Zählbezirk angeblich Juden vorhanden waren. Weitaus die Hälfte der Juden im weissruthenischen Siedlungsraum lebte bei Kriegsbeginn in den größeren Städten. In ganz besonderem Masse war Minsk mit Juden besetzt, wo es 1939 bei einer Einwohnerzahl von 238 000 rund 100 000 Juden gab.

Die soziologische Struktur des Judentums zeigte sowohl im ehem. polnischen Gebiet, wie auch in dem schon vor dem russisch-polnischen Kriege bolschewistischen Gebiet Weissruthenians eine breite Unterschicht ausgesprochen armer Juden.

Die verhältnismässig dünne Oberschicht beherrschte im ehem. polnischen Gebiet, insbesondere

A 081156

H1480-0122A

6854

H1480-0123

auf Grund ihrer starken wirtschaftlichen Position und im altrussischen Gebiet auf Grund ihres Einflusses in den führenden Parteistellen, schlechthin alle Lebensgebiete. Der Jude im ehemals polnischen Gebiet ist wegen seiner Intelligenz und Aktivität ein besonders gefährliches Element. Aber auch der sowjetrussische Jude hat in den 25 Jahren bolschewistischer Herrschaft ein sehr selbstbewusstes und arrogantes Wesen angenommen, das er sogar noch bei dem Einzug der deutschen Truppen beibehielt.

Die endgültige und grundlegende Beseitigung der nach dem Einmarsch der Deutschen im weissruthenischen Raum verbliebenen Juden stösst auf gewisse Schwierigkeiten. Das Judentum bildet gerade hier einen ausserordentlich hohen Prozentsatz der Facharbeiter, die mangels anderweitiger Reserven im dortigen Gebiet unentbehrlich sind. Ferner hat die Einsatzgruppe A das Gebiet erst nach Eintritt des starken Frostes übernommen, die Massenexekutionen stark erschwerten. Eine weitere Schwierigkeit besteht darin, dass die Juden über das ganze Land weit verstreut wohnen. Bei den grossen Entfernungen, den schwierigen Wegeverhältnissen, dem Mangel an Kraftfahrzeugen und Benzin und den geringen Kräften der Sicherheitspolizei und des SD. sind die Erschiessungen auf dem Lande nur unter Anspannung aller Kräfte möglich. Trotzdem wurden bisher 41 000 Juden erschossen. Hierin sind nicht die Zahlen der durch die früheren Einsatzkommandos durchgeführten Aktionen enthalten. Nach schätzungsweisen Angaben sind von der Wehrmacht bis Dezember 1941 ungefähr 19 000 Partisanen und Verbrecher, d.h. also in der Mehrzahl Juden

081157

H1480-0124

...chen werden. Zurzeit kann für das Gebiet des Generalkommissariats noch mit einer Gesamtzahl von rund 123 000 Juden gerechnet werden. In Minsk selbst leben zurzeit - ohne Reichsdeutsche - rund 18 00 Juden, deren Erschiessung mit Rücksicht auf den Arbeitseinsatz zurückgestellt werden musste.

Der Kommandeur in Weissruthenien ist trotz der schwierigen Lage angewiesen, die Judenfrage baldmöglichst zu liquidieren. Ein Zeitraum von ca. 2 Monaten wird jedoch - je nach Witterung - noch notwendig sein.

Die Abgrenzung der verbliebenen Juden in den Ghettos ist auch in den Städten in Weissruthenien nahezu abgeschlossen. Sie werden von Dienststellen der Wehrmacht, der Zivilverwaltung und deutschen Behörden zum Arbeitseinsatz in weitestgehendem Masse herangezogen.

Die Ernährung der Juden in den Ghettos bildet besonders in Weissruthenien, aber auch in Litauen, erhebliche Schwierigkeiten. Neben dem allgemeinen Nachlassen der Arbeitskraft liegt darin eine erhöhte Anfälligkeit gegenüber allen seuchenartigen Krankheiten.

5.) Die Juden aus dem Reich:

Seit Dezember 1940 trafen aus dem Reich in kurzen Abständen Judentransporte ein. Davon wurden 20 000 Juden nach Riga und 7 000 Juden nach Minsk geleitet. Die ersten 10 000 nach Riga evakuierten Juden wurden z.T. in einem provisorisch ausgebauten Auffanglager, z.T. in einem neu errichteten Barackenlager in der Nähe von

A 081158

H1480-0125

Riga untergebracht. Die übrigen Transporte sind zunächst in einen abgetrennten Teil des Rigaer Ghettos eingewiesen worden.

Der Bau des Barackenlagers wird unter Einsatz aller arbeitsfähigen Juden so weiter gefährt, dass im Frühjahr alle evakuierten Juden, die den Winter überstehen, in dieses Lager eingewiesen werden können.

Von den Juden aus dem Reich ist nur ein geringer Teil arbeitsfähig. Etwa 70 - 80 % sind Frauen und Kinder sowie alte, arbeitsunfähige Personen. Die Sterblichkeitsziffer steigt ständig, auch infolge des aussergewöhnlich harten Winters.

Die Leistungen der wenigen einsatzfähigen Juden aus dem Reich sind zufriedenstellend. Sie sind als Arbeitskräfte auf Grund ihrer deutschen Sprache und ihrer verhältnismässig grösseren Sauberkeit mehr begehrt als die russischen Juden. Bemerkenswert ist die Anpassungsfähigkeit der Juden, mit der sie ihr Leben den Umständen entsprechend zu gestalten versuchen.

Die in allen Ghettos vorhandene Zusammendrängung der Juden auf kleinstem Raum bedingt naturgemäss eine grössere Seuchengefahr, der durch den Einsatz jüdischer Ärzte weitestgehend entgegengewirkt wird. In einzelnen Fällen wurden ansteckend erkrankte Juden unter dem Vorwand, in ein jüdisches Altersheim oder Krankenhaus verbracht zu werden, ausgesondert und exekutiert.

A 081159

H1480-0126

VON DER EINSATZGRUPPE A DURCHGEFÜHRTE JUDENEXEKUTIONEN.

Geheime ... sache!

PETERSBURG

KRASNOGWARDEISK

REVAL

OSTSEE

I. DAGÖ

I. ÖSEL

ARENSBURG

963

JUDENFREI

3600

RIGAER BUCHT

RIGA

GHETTO 2500

35.238

GHETTO 4500

SCHAULEN

DÜNABURG

GHETTO 950

136.421

KAUEN

GHETTO 15000

41.828

MINSK

GESCHATZTE ZAHL DER NOCH VORHANDENEN JUDEN 128.000

A 88160

H1480-0127

1.

Удостоверяю, что настоящий фотоснимок точно воспроизведен с подлинного документа. Текст фотоснимка аутентичен тексту подлинника, который хранится в делах Чрезвычайной Государственной Комиссии

Уполномоченный Чрезвычайной Государственной Комиссии

20/II-1946 г.

INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL
NURNBERG, GERMANY
USSR Exhibit 57
Filed Feb 26, 1946

A 081161

Filed Feb. 12 1946

Международный военный трибунал

H-1480-f

ДОКУМЕНТЫ ОБВИНЕНИЯ

ПО ДЕЛУ № 1

58

Главный обвинитель
от СССР

СССР № 58

H1480-0128

A 081162

H1480-0128A

14. Photostats

H1480-0129

2

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Я, полковник вооруженных сил СССР, Дмитрий КАРЕВ, помощник Главного Обвинителя от СССР и начальник Документальной части Советского обвинения на Нюрнбергском процессе, настоящим удостоверяю, что подлинники нижеследующих документов, пред"явленных Международному Военному Трибуналу за №№: СССР-58, СССР-II7, СССР-I20, СССР-I72, СССР-I77, СССР-233, СССР-235, СССР-237, СССР-238, СССР-239, СССР-240, СССР-242, СССР-244, СССР-244а, СССР-245, СССР-297, СССР-298, СССР-342, СССР-343, СССР-395, СССР-400 -

действительно хранятся в делах Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний в городе Москве.

Документы эти были захвачены частями Красной Армии у немцев в I94I-I945 г.г.

ПОЛКОВНИК /Д. КАРЕВ/

2 августа I946 г.
г. Нюрнберг.

Berlin, den 27. Juli 1942.

H1480-0130

Über die Gestaltung Kaukasiens.

I.

Der Vormarsch der deutschen Wehrmacht über den Don macht es notwendig, die bisherigen Überlegungen über die künftige Gestaltung Kaukasiens nochmals zu überprüfen und dem Führer einige grundsätzliche Vorschläge zu unterbreiten.

Die Londoner Politik hat sich in Aufsätzen des Jahres 1939 mit dem Gesamtproblem Kaukasien eingehend beschäftigt und dem britischen Standpunkt generell dahin Ausdruck gegeben, daß die kaukasische Zone von größerer Bedeutung als die ganze Ukraine sei. In der Zeitschrift "Osteuropa und das heutige Rußland" (Band 3, Nr.1, Frühjahr 1939) steht dann wörtlich folgendes: "... Die Macht, die sich auf dem Isthmus festsetzt, kann die große Wolga-Arterie, die nach Zentralrußland hineinführt, abdrosseln und den jeweiligen verstümmelten großrussischen Staat unter Kontrolle halten; gleichzeitig würde die betreffende Macht zum Persischen Golf, zum Irak und zu den iranischen Ölfeldern beachtliche Zugangs-

A 081164

H1480-0131

10

INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL
NUR[illegible], GERMANY
USSR Exhibit 58
Filed Feb 12, 1946

A 081165

H1480-0132

möglichkeiten haben. Keine Weltmacht kann es sich leisten, die Festsetzung einer neuen Weltmacht auf der kaukasischen Landenge mit anzusehen ..... Es würde im Interesse aller interessierten Mächte sein, nämlich der Türkei, Irans, Britanniens, der Ukraine und der Achsenmächte sowie auch des verstümmelten Großrußlands, die Gründung und Anerkennung eines solchen Staatenbundes (Georgien, Armenien und Daghestan) zu erleben. Der kaukasische Staatenbund könnte sodann durch Übereinkommen zwischen den interessierten Mächten - sowohl der "Weltmächte" wie der "lokalen" Mächte - neutralisiert werden ...."

Die britischen Gedankengänge liefen eindeutig darauf hinaus, im Falle einer Auflösung der Sowjetunion, eine den Kaukasus zerstückelnde Macht, nicht aber die Festsetzung einer Großmacht, vor allen Dingen auch nicht Deutschlands, zu erleben. Das Interesse Deutschlands dagegen muß es sein, eine sichere Position in ganz Kaukasien zu errichten, um die Landverbindung mit dem Nahen Osten, d.h. die Sicherung Kontinentaleuropas zu verwirklichen. Nur diese Verbindung zu den Ölquellen kann Deutschland und ganz Europa unabhängig von jeder Seekoalition für alle Zukunft machen. Ziel für die deutsche

H1480-0133

Politik muß es sein, Kaukasien und seine südlichen Ausläufer politisch und militärisch zu beherrschen.

II.

Eine solche Stellung Deutschlands liegt auch im wohlverstandenen Interesse aller kaukasischen Völker selbst. Die geschichtliche Entwicklung hat gezeigt, daß die kaukasischen Völker durch Rasse, Tradition und Religion sich so unterschiedlich entwickelt haben, daß von einem kaukasischen Volk nicht gesprochen werden kann. Das gebirgige Land hat die Schranken zwischen den verschiedenen Völkerschaften verstärkt und keinen Ausgleich herbeiführen helfen, wie dies auf großen Ebenen leichter möglich gewesen ist. Hinzu kommt, daß keines der Kaukasusvölker zahlenmäßig so stark dasteht, um sich durch seine eigene Macht allein eine Vormachtstellung auf die Dauer zu sichern. Der Schutz einer starken Großmacht darf als die Voraussetzung für eine friedliche Arbeit und einen politischen Frieden angesehen werden. Dies kann am besten eine Großmacht verwirklichen, die nicht beabsichtigt, in das innere Leben der verschiedenen Völker einzugreifen, die keinerlei kulturelle und religiöse Mission treibt, sondern die sogar besonders darauf

A 081

H1480-0133A

9.

H1480-0134

bedacht ist, die gewachsenen Eigenarten der verschiedenen Völker zu achten und zu schützen. Dies aber kann durchaus mit den deutschen Interessen verbunden werden. Fast alle Kaukasusvölker sind freiheitsliebend, militärisch unternehmungslustig und haben sich jahrzehntelang gegen die zaristischen Armeen verteidigt. Auch dem Bolschewismus gegenüber haben sie in zähem Abwehrkampf gestanden, der Haß auch gegen das Kolchossystem ist dort noch größer als in anderen Ländern. Da Kaukasien von verschiedenen Völkerschaften bewohnt wird, ist die Möglichkeit gerade der Berücksichtigung dieser Völkerschaften leichter gegeben als bei großen Nationen, wo ein derartig betontes Entgegenkommen später leicht zu geschlossenen politischen und militärischen Widerständen führen könnte. Deshalb ist Behandlung und Gestaltung Kaukasiens unter anderen Gesichtspunkten geboten als etwa in den Reichskommissariaten Ostland und Ukraine.

Abstand zu nehmen wäre zunächst vom Begriff eines Reichskommissariats. Der Begriff eines Reichskommissars zeigt eindeutig den Willen zu einer deutschen einheitlichen Verwaltung. Diesen Willen drastisch zu äußern liegt in Kaukasien keine Ursache vor. Es wird deshalb

A 081163

H1480-0134A

24

H1480-0135

vorgeschlagen, unter folgenden Bezeichnungen zu wählen:

Reichsschutzherr für Kaukasien,
Statthalter für Kaukasien,
Reichsresident für Kaukasien,

Dementsprechend würde auch niemals von einem Reichskommissariat Kaukasien, sondern immer einfach von Kaukasien zu reden sein. Folgerichtigerweise würden die notwendigen Aufteilungen nicht Generalbezirke heißen, sondern es wird vorgeschlagen, von dem Land Georgien, dem Land Armenien usw. zu sprechen. Die Verwaltungsführer dieser Länder würden entsprechend dem höchsten deutschen Beamten ebenfalls nicht Generalkommissar zu bezeichnen sein, sondern entweder als

Landesschutzherr,
Landesstatthalter,
Landesresident.

Für die noch notwendigen Gebiete wird der Titel eines Gebietshauptmanns vorgeschlagen, ein Begriff, der dem kriegerischen Sinn besser entspricht als ein anderer. Da einige Völker des Kaukasus nicht groß genug sind, um sie als Länder zu bezeichnen und sie durch Persönlichkeiten vom Range eines Landesschutzherrn zu regieren,

A 081169

H1480-0135A

30

H1480-0136

so ist der vorgesehene Rang eines Hauptkommissars entsprechend anzuwenden. In diesem Falle würde der Hauptkommissar dem Reichsschutzherrn Kaukasiens unmittelbar unterstehen, die Aufgaben eines heutigen Generalkommissars durchzuführen haben, ohne aber dessen Rang einzunehmen. Es empfiehlt sich, diese Zwischenlösung möglich zu machen, um den Empfindlichkeiten der größeren kaukasischen Nationen ebenso gerecht zu werden, wie dem Wunsch einer Hervorhebung auch der kleineren Völker. Der Hauptkommissar würde hier auch entsprechend eine andere Bezeichnung zu erhalten haben:

Sonderbeauftragter des Reichsschutzherrn,
Gebietsstatthalter oder
Gebietsresident.

Auf dem allgemein wirtschaftlichen Gebiet würde das Kolchossystem radikaler aufgehoben werden können als in der Ukraine und in Weißruthenien (mit Ausnahme der allgemein landwirtschaftlichen Gebiete in Kuban). Im eigentlichen Kaukasien würde man, da es sich um kleinere Landwirtschaften handelt, die Rückführung in den Privatbesitz der Kaukasusvölker schneller vollziehen können, und man könnte das Versprechen dazu von vornherein ab-

A 08117

H1480-0137

geben. Wirtschaftlich muß das Deutsche Reich die gesamte Olversorgung in die Hand nehmen, die notwendige Beteiligung an den Reichtümern könnte in Zukunft abgesprochen werden. Das gleiche gilt vom Ausbau der Häfen, die nur mit deutscher Hilfe als große Umschlagsplätze zu gestalten sind.

Bei Berücksichtigung der vermutlich in größerer Form vor sich gehenden Bereitwilligkeit, mit Deutschland zusammenzuwirken, kann im Unterschied zu anderen Völkern eine leichte Bewaffnung der kaukasischen Bergvölker zugestanden werden. Der große kaukasische Dolch und der Säbel sind bei den Kaukasiern Symbole des freien Mannes. Diese Waffen müssen ihnen in feierlicher Form gelassen bezw. wiedergegeben werden. Auch der Besitz von leichten Gewehren wird vielleicht nach Überprüfung der Lage stellenweise möglich sein. Wieder zu genehmigen sind den Kaukasusvölkern alle ihre alten Trachten und Uniformen, die Pflege ihrer althergebrachten Sitten und Gebräuche, ihrer Sprachen und Gesänge. Die Förderung des volkverbundenen Handwerks wird eine Hauptaufgabe der Wirtschaftsverwaltung bedeuten. Was die Polizei anbetrifft, so bestehen keine Bedenken, hier unter deutscher Führung

A 081171

H1480-0137A

38

H1480-0138

ländermäßige Polizeimannschaften in Uniformen der Georgier, Aserbeidshaner usw. aufzustellen und somit die Ordnung vorwiegend in die Hände des eigenen Volkstums zu legen. Das gleiche gilt für die Selbstverwaltung.

Für die kulturelle Seite wäre die Zusicherung einer kulturellen Autonomie ohne weiteres möglich, auch unter Beibehaltung des Mittel- und Fachschul- und Hochschulwesens, soweit das letztere als notwendig erscheint. Der Inhalt bestimmter Disziplinen (wie Geschichte) wird allerdings gänzlich neu gestaltet werden müssen. Als Hochschule käme vor allen Dingen Tiflis in Frage, während man das Fachschulwesen auf die anderen Länder verteilen müßte, um das Bewußtsein, eine kulturelle Autonomie zu besitzen, bei den verschiedenen Völkern sicherzustellen. Das gleiche gilt für das Gebiet der Kunst. Auch hier wäre kein Hindernis in den Weg zu legen, im Gegenteil, der Reichsschutzherr müßte als großer Förderer der Künste hervortreten und durch besondere Spenden das Bewußtsein dieser Förderung tief verwurzeln.

Für das Reichskommissariat Ostland ist die deutsche Sprache als entscheidend hingestellt worden als Mittel der bewußt geförderten Assimilation. In der Ukraine ist

A 081172

H1480-0138A

50

H1480-0139

die Förderung einer allgemeinen deutschen Sprachkenntnis abgelehnt worden. Für Kaukasien erscheint es aber zweckmäßig, die deutsche Sprache als Umgangssprache sicherzustellen. Die Vielgestaltigkeit Kaukasiens hat es dem Zarentum ermöglicht, die russische Sprache als die einzige Verständigungssprache durchzusetzen. Da es ausgeschlossen ist, daß deutsche Beamte die zahlreichen Sprachen der kleinen Gebiete lernen, da außerdem die geographische Entfernung vom Reich das Deutsche nicht als unmittelbares Assimilationsmittel erscheinen läßt, muß die russische durch die deutsche Sprache ersetzt werden. Es kann dabei berücksichtigt werden, daß die deutsche Sprache nicht allgemein zu lernen ist, sondern nur an Fach- und höheren Schulen, d.h. für jene Schicht, mit der die deutsche Verwaltung in Beziehung tritt. Das Erlernen etwa des Georgischen oder Armenischen ist jedoch ebenfalls erwünscht.

Nach der religiösen Seite ist absolute Toleranz zu üben und besonders gegenüber den Mohammedanern herauszustellen. Kaukasien ist die äußerste Ecke Europas, ein Gewinnen mohammedanischer kleiner Völker unter deutscher Verwaltung bedeutet die beste Einwirkungsmöglichkeit über die Grenzen hinaus zu allen Mohammedanern. Religiöse

A 081173

H1480-0139A

57.

H1480-0140

Probleme, die Deutschland beschäftigen, dürfen in Kaukasien seitens der deutschen Vertretung nicht behandelt werden und bei Berichten über die Zustände in Deutschland sind diese Probleme durchaus zu vermeiden.

III.

Das allgemeine Gleichgewicht Kaukasiens im Interesse der kaukasischen Völker ergibt sich aus der bisherigen historischen Lage, die vermutlich noch lange weiter dauern wird. Die Aserbeidshaner als Mohammedaner haben eine natürliche kulturelle Neigung zu den Türken, deren Sprache sie sprechen. Während der Türkei die Wege nach dem Westen verriegelt worden sind, besteht trotz mancher Ableugnungen eine starke Bewegung in der Türkei, sich nach dem Osten auszudehnen. Es wird betont, daß man das Turanische nur nach der kulturellen Seite behandle, aber turanische und panturanische Gedanken sind lebendig und angesichts der Gesamtumformung des Ostens können sie auch politische Gestalt gewinnen. Es ist deshalb politisch wichtig, daß zwischen Aserbeidshan und der Türkei das armenische Hochland liegt. Die Armenier als Christen sind von jeher die Feinde der Türken und umgekehrt. Die armenische Händlerschicht war Jahrzehnte

A 081174

H1480-0140A

61

H1480-0141

über durch das ganze Mittelmeer verbreitet und auch mit der Ölpolitik stark verbunden. Die Politik dieses Armeniertums ist die ganzen Jahre über mit dem Judentum, mit den Engländern und Amerikanern verknüpft gewesen. Die armenische Emigration ist zum großen Teil von diesen Kräften finanziert worden. Es besteht also die Möglichkeit, daß diese Tätigkeit der Emigration trotz aller Abschließung auch nach Armenien selbst wirksam geworden ist. Da aber das an sich fleißige armenische Bauerntum und das armenische Gewerbe und die Kleinindustrie natürliche Gegner zwischen Türken und Aserbeidshanern sind, so kann es einer deutschen Politik nicht schwer fallen, dieses Gewicht entsprechend einzusetzen. Zwischen den Aserbaidshanern, Daghestanern und Armeniern liegt das Land Georgien, von allen Seiten bedroht. Georgien kann, da es selbst nicht stark genug zur Beherrschung der anderen Völker ist, nur eine Politik mit dem Deutschen Reich einschlagen, so wie es trotz aller Gegnerschaften früher gezwungen war, nach einer einmal gefallenen militärischen Entscheidung eine prorussische Politik zu führen. Georgien wird also der stärkste Stützpunkt einer möglichst unauffälligen deutschen Herrschaft in

A 081175

H1480-0141A

CC.

H1480-0142

Kaukasien sein. Es trifft sich deshalb günstig, daß die Hauptstadt Kaukasiens in Georgien liegt, die Georgier auch das intelligenteste und stärkste Volk Kaukasiens darstellen.

Im Norden Georgiens liegen die verschiedenen kleinen Bergvölker des Kaukasus, deren Wesen und Entwicklung einer genauen Beobachtung bedürfen.

Aus allem ergibt sich, daß die deutsche Führung in Kaukasien Abstand zu nehmen hat von allem Regierungsschematismus des Deutschen Reiches, überhaupt westeuropäischer Staatsauffassung. Die deutsche Vertretung ist in Kaukasien eine eminent politische und erfordert Takt, Rücksichtnahme und Anpassung an manche nicht vorherzusehende Erscheinungen. Die Haltung der deutschen Vertretung muß deshalb hier besonders tadellos und vorsichtig sein, eine immer genauere Kenntnis der Geschichte und Lebensgewohnheiten der Völker wird erste Aufgabe aller sein, die in Kaukasien das Deutsche Reich zu vertreten haben.

Eine Hilfe für die Sicherung Deutschlands liegt auf einem Gebiet, das vielleicht unerwartet als ein solches auftritt: auf dem Gebiet des ganzen Gesundheits-

A 881176

H1480-0142A

H1480-0143

wesens. Die Sicherung vor den Tropenkrankheiten, auf deren Vorbereitung bereits ganz besonderes Gewicht gelegt worden ist, kann den deutschen Vertreter und den deutschen Arzt leicht zu Vertrauten erkrankter Angehöriger der verschiedenen Völker machen und in manchem Dorf zum Wohltäter zeichnen. Die sonstigen Hilfen rein persönlicher Natur werden bei den Kaukasusvölkern besonders ansprechen, und eine gute menschliche Behandlung gerade im Kaukasus ermöglicht das Durchhalten vielleicht wirtschaftlich notwendig härterer Maßnahmen.

Die verschiedenen Legionen der Kaukasusvölker sind aufgestellt und befinden sich in weiterer Ausbildung. Durch das Reichsministerium Ost sind im Einvernehmen mit dem OKW die Angehörigen dieser Legionen ausgewählt worden. Wir haben ihnen ihre Fahnen und Symbole gezeichnet, um auch durch diese Tat die Achtung gegenüber der völkischen Eigenart auszusprechen. Ausscheidung aller früheren bolschewistischen Offiziere war dabei Voraussetzung, 1/3 etwa rein deutscher Bestand, deutsches Kommando. Das spätere Schicksal der Legionen liegt in ihrer positiven Bewährung. Auch hier kann vorgesehen werden, daß sie als besondere Schutztruppe dem

A 081177

H1480-0143A

45

H1480-0144

Militärbefehlshaber Kaukasiens untersteht, daß ihre Betreuung und evtl. ihr Einsatz aber vom politischen Hoheitsträger von Kaukasien zu bestimmen ist, wie es sich aus der gesamten komplizierten Lage der Kaukasusvölker ergibt.

Welche militärischen Schutzmaßnahmen zu treffen sind, obliegt der Kompetenz des OKW. Für die Dauer vorzuschlagen wären militärisch zu sichernde Konzessionen am Schwarzen Meer (Tuapse, Ende der Ölleitung), dann entsprechend im georgischen Hochland und um Baku herum.

Das Problem des Ostlandes ist die Heranführung der baltischen Völker in den deutschen Kulturkreis und die Vorbereitung für eine deutsche großzügige Militärgrenze. Die Aufgabe der Ukraine ist die Sicherung der Ernährung Deutschlands und Europas und die Rohstoffversorgung des Kontinents. Die Aufgabe Kaukasiens ist vor allem politischer Natur und bedeutet den entscheidenden Ausgriff des von Deutschland geführten Kontinentaleuropas von der kaukasischen Landenge nach dem Vorderen Orient. Dieser Vielgestaltigkeit entsprechend ergeben sich die unterschiedlichen Maßnahmen für die Vertretung der Interessen des Deutschen Reiches und die Sicherung seiner Zukunft.

Rosenberg

A 081173

H1480-0144A

80

Международный военный трибунал

H-1480g

ДОКУМЕНТЫ ОБВИНЕНИЯ

ПО ДЕЛУ № 1

59

Главный обвинитель
от СССР

СССР № 59

H1480-0145

A 081179

USSR-59

H1480-0146

Einzelpreis 15 Rpf.
zuzügl. ortsübl. Bestellgeld.

Berlin, 20. August 1942
34. Folge • 8. Jahrgang

Das Schwarze Korps

ZEITUNG DER SCHUTZSTAFFELN DER NSDAP
Organ der Reichsführung ᛋᛋ.

Verlag: Franz Eher Nachf. GmbH. Zweigniederlassung Berlin, Berlin SW 68, Zimmerstraße 88. Fernruf: 11 00 22. Postscheckkonto: Berlin 4454. Anschrift der Schriftleitung: Berlin SW 68, Zimmerstr. 88-91. Anzeigenpreise laut gültiger Preisliste.

Bezugspreise: Durch die Post bei freier Zustellung ins Haus durch den Briefträger 65 Pf., durch Streifb. monatl. 80 Pf. Ausland mit ermäß. Porto 80 Pf., übriges Ausland RM 1,05. In Groß-Berlin erf. Zustellung durch Austräger usw. Zweigstellen

X

Germanisieren?

Einem Heft der Zeitschrift „Deutsche Arbeit", das den Siedlungsaufgaben im Osten gewidmet ist, hat der Reichsführer ᛋᛋ folgenden Vorspruch gegeben:

„Unsere Aufgabe ist es, den Osten nicht im alten Sinne zu germanisieren, das heißt den dort wohnenden Menschen deutsche Sprache und deutsche Gesetze beizubringen, sondern dafür zu sorgen, daß im Osten nur Menschen wirklich deutschen, germanischen Blutes wohnen."

Die Ablehnung aller Germanisierungstendenzen ist nicht neu. Sie ist mindestens so alt wie der Nationalsozialismus. Im Munde des Reichsführers ᛋᛋ als des Reichskommissars für die Festigung deutschen Volkstums wird sie jedoch zum B e f e h l. Das ist der Sinn dieser Worte.

Schwert und Pflug

„Hier wird nicht eine Ansicht ausgesprochen, [illegible] könnten, sondern ein ausschließliches Programm verkündet durch den Mann, der damit den Willen des Führers in die Tat umsetzt.

Der Wille des Führers fand seinen Niederschlag schon in seinem Buch „Mein Kampf". Es ist immer wieder erschütternd, zu lesen, wie dieser damals noch einsame, von wenigen nur verstandene Gefreite des Ersten Weltkrieges die entscheidende Frage des deutschen Schicksals seherisch erkannte.

So spricht er an einer Stelle von der „emsigen Arbeit des deutschen Pfluges, dem das Schwert nur den Boden zu geben hat".

Und dieser Gedanke, den das deutsche Schwert in unseren Tagen in die Tat umsetzt, da der staatsunfähige bolschewistische Koloß von den Trümmern Europas zu leben gedachte, findet seine Krönung in jenem Satz aus dem „Politischen Testament der deutschen Nation", der als unsichtbarer Leitspruch auf all unseren Siegesfahnen steht:

„Haltet das Reich nie für gesichert, wenn es nicht auf Jahrhunderte hinaus jedem Sprossen unseres Volkes sein eigenes Stück Grund und Boden zu geben vermag! Vergeßt nie, daß das heiligste Recht auf dieser Welt das Recht auf Erde ist, die man selbst bebauen will, und das heiligste Opfer das Blut, das man für diese Erde vergießt!"

So ist also der Sieg im Osten nur die Voraussetzung der Sicherung unserer Zukunft, und die Sicherung selbst wird erst vollzogen sein, wenn das durch heilige Blutopfer gewonnene Land — soweit es überhaupt für eine Besiedelung durchaus in Frage kommt — deutsch ist — deutsch durch die Menschen, die es bewohnen und bebauen, deutsch durch „die emsige Arbeit des deutschen Pfluges".

Der Imperialismus etatistischer Prägung, wie ihn die Französische Revolution über Napoleon bis zum Jahre 1940 am folgerichtigsten vertrat, sah im Raumgewinn nur die Ausweitung staatlicher Machtfülle. Es kam nicht darauf an, dem eigenen Volk Brotfreiheit und Lebenssicherung zu gewähren, und das ist wohl verständlich, denn die Franzosen haben nie unter Raummangel gelitten.

Es kam darauf an, die Zahl der Untertanen, der Arbeitskräfte, der Steuerzahler, der Rekruten und derer zu vermehren, die bereit waren, in der jeweiligen Staatsdoktrin das Heil ihres Daseins zu erblicken. Ob dieser Bevölkerungszuwachs rassisch dem Staatsvolk zugehörte, war gleichgültig, man löste dieses Problem nur nach dem Bequemlichkeitsverfahren. Es war bequemer, wenn alle Bürger des Staates die gleiche Sprache sprachen, und in dieser äußeren Uniformität erblickte man ja ohnehin das A und O vom Wesen eines Volkes. Wer französisch radebrechte, war ein Franzose, wer sich deutsch verständlich machte, ein Deutscher.

So wurden aus Algeriern, Marokkanern und Annamiten „Franzosen", und die französischen Staatsführungen scheuten sich nicht, das eigene Volk sogar durch Negerblut zu verbastardisieren, wenn es nur zum Heile des Staates geschah; das heißt, wenn auf diesem Wege der erstrebte Bevölkerungszuwachs erzielt wurde.

So wurden einst aber auch aus Polen und Juden „Deutsche", nicht zum Vorteil des deutschen Volkes, aber zur Befriedigung derer, die da meinten, die Germanisierung sei das billigste Verfahren zur Erzielung einer „deutschen" Mehrheit in gemischtvölkischen Grenzgebieten oder gar zur gewünschten Assimilation der Juden.

Die bewußte Schuld jener Zeiten und Männer mag gering sein: man wußte es nicht besser, man hatte vom Wesen des Volkes nur geringe, vom Wesen der Rasse gar keine Ahnung. Ja, man hat bis in die jüngere Zeit hinein die „Schuld" der für die einstige preußische Ostpolitik Verantwortlichen darin erblicken wollen, daß sie zu wenig germanisiert hätten — obwohl sie durch diese ihre Unterlassung den deutschen Volkskörper gewiß vor schwereren Schaden bewahrten! In Wirklichkeit war gerade diese ihre Unterlassung ihr einziger positiver Beitrag zur deutschen Volkstumspflege, und der Wert ihrer zweifelhaften Arbeit erwies sich, als die „germanisierten" Polen im Jahre 1918 ihre Bewährungsprobe bestehen sollten.

Menschen, Familien und Sippen, die seit hundert und mehr Jahren schon unter germanisierenden Einflüssen gestanden, deutsche Bildung und alle Vorteile ihres vermeintlichen Deutschtums genossen hatten, bekannten sich über Nacht wieder zum Polentum, wobei es gänzlich gleichgültig war, ob sie das aus Überzeugung taten oder aus Gründen der Nützlichkeit. Das deutsche Volk verlor dabei keine völkischen Werte, aber es gewann eine Erfahrung, die ihm in unserer Zeit zugute kommen soll.

Diese Erfahrung lehrt und sie bestätigt dabei nur eine natürliche, biologische Tatsache: Man kann aus fremden Menschen keine Deutschen machen, so wie umgekehrt der Volkstumskampf in abgetrennten und volksdeutschen Gebieten gelehrt hat, daß man aus Deutschen keine fremdvölkischen Menschen machen kann.

Das Volk ist ein auf der Grundlage des Rassetums durch die Bedingungen gemeinsamer Kultur, Geschichte und Lebensart und durch jahrhundertelanges Gemeinschaftserlebnis geformtes Zuchtergebnis. Man kann es willkürlich weder ändern noch verfälschen, und der Versuch schadet nicht nur dem entnationalisierten Fremdvolk, sondern nicht weniger auch dem eigenen Volk, das auf Zuwachs aus fremden Wiegen bedacht war.

Dabei ist wohl möglich, daß verschiedene Völker auf einem einheitlichen Raum zusammenleben und nur in der Arbeit ein einheitliches Ziel verfolgen.

Der Führer hat diese Erfahrung und Erkenntnis in die Worte gekleidet:

„Es kommt in der Geschichte nur zu häufig vor, daß es den äußeren Machtmitteln eines Erobervolkes zwar gelingt, den Unterdrückten ihre Sprache aufzuzwingen, daß aber nach tausend Jahren ihre Sprache von einem andern Volk geredet wird und die Sieger dadurch zu den eigentlich Besiegten werden."

Deutsches Schicksal

Der völkische Staat Adolf Hitlers sieht seine Aufgabe in der Pflege, Erhaltung und Förderung des Volkstums, und zwar des Volkstums, das ihm vom Schicksal überantwortet ist. Da die Zukunft des deutschen Volkes nur gesichert werden kann durch eine Weltmachtstellung des Reiches und dadurch, daß es „auf Jahrhunderte hinaus jedem Sprossen unseres Volkes sein eigenes Stück Grund und Boden zu geben vermag", muß der neu gewonnene Raum durch deutsches Blut und deutsches Leben, nicht aber durch ver-deutschte Menschen erfüllt werden.

Eine Germanisierung im alten Sinne brächte unserem Volk, so wie wir es kennen, den Untergang. Denn jede Vermischung von artfremdem, oder gar artentferntem Blut ist für beide Teile von Übel. Der Deutsche Kaiser Joseph II. hat eine solche Germanisierung seiner östlichen Erblande geplant, und wenn sie auch in der Folgezeit nicht durch bessere Erkenntnis, sondern nur durch Unfähigkeit der Habsburger unterblieb, so war dies doch ein großer Segen.

„Ihr Erfolg", schreibt der Führer in seinem Buch, „wäre wahrscheinlich die Erhaltung des österreichischen Staates gewesen, allein auch eine durch sprachliche Gemeinschaft herbeigeführte Niedersenkung des rassischen Niveaus der deutschen Nation. Im Laufe der Jahrhunderte hätte sich wohl ein gewisser Herdentrieb herauskristallisiert, allein die Herde selber wäre minderwertig geworden. Es wäre vielleicht ein Staatsvolk geboren worden, aber ein Kulturvolk verlorengegangen. Für die deutsche Nation war es besser, daß dieser Vorgang unterblieb. Wäre es anders gekommen, würde das deutsche Volk heute kaum mehr als Kulturfaktor angesprochen werden können."

Es ist aber auch unwahrscheinlich, daß germanisierte Ostvölker, selbst wenn sie die germanische Tünche willig angenommen hätten, die seelische Kraft zur Verteidigung des Reiches aufbrächten. Der erweiterte Osten des Reiches wird immer Bollwerk der Nordisch-Deutschen und des europäischen Kultur sein, und er wird seine Aufgabe stets nur in einer immerwährenden Abwehrbereitschaft, in einer kämpferischen Gesinnung und militanten Lebenshaltung seiner Bewohner erfüllen können.

Im Osten ruht nicht nur heute unser Schicksal, es wird auch in kommenden Jahrhunderten dort entschieden. Sollten wir — und vielleicht aus bloßer Bequemlichkeit — unser künftiges Schicksal dann Menschen überlassen, die zwar unsere Sprache sprechen, deren rassisch begründeter Gleichmut aber nie das köstliche Heiligtum unserer Volksseele als Lebensinhalt besitzen und verteidigen wird! Sie haben im Lauf der Jahrtausende so oft die Sprachen gewechselt und unter so vielen Herren gedient, daß sie gegen die Wandlungen der Volksschicksale unempfindlich wurden. Mit dem eigenen würde ihnen bestenfalls auch das unsrige gleichgültig sein.

Daher der Auftrag des Reichsführers ᛋᛋ, dafür zu sorgen, daß im Osten nur Menschen wirklich deutschen, germanischen Blutes wohnen!

Die Grenzen dieses Auftrags liegen im Menschenmöglichen. Er ist nicht so zu verstehen, daß der Osten — ein weiträumiger Begriff — lückenloses deutsches Siedlungsland würde. Die deutsche Aufgabe im Osten ist vornehmlich eine F ü h r u n g s a u f g a b e. Aber gerade das muß uns in dem Entschluß bestärken, stets auf eine klare und saubere Trennung zu achten. W a s i m O s t e n d e u t s c h i s t u n d d e u t s c h w i r d, m u ß w i r k l i c h d e u t s c h e n, g e r m a n i s c h e n B l u t e s s e i n.

Geheiligter Boden

Eine ungeheure Aufgabe! Unsere Generation muß und wird sie — soweit uns das eben möglich ist — lösen, sie wird sich nicht darauf berufen, daß es die Aufgabe derer sei, die nach uns kommen. Für unsere Kinder, Enkel und Urenkel bleibt ohnehin genug zu tun übrig. Wir müssen die Voraussetzung dafür schaffen, daß die Siedler, die unser Volk jetzt schon nach dem Osten entsendet und in den kommenden Jahren entsenden wird, die biologische Kraft entfalten, die den Raum dereinst durchdringen, halten und gestalten wird.

Das Reich hat Hunderttausende deutscher Bauern aus gefährdeten und planlos verstreuten

Wer die W... ...d!

Lord ...
...der H...

...es in ...erwählen, wo sie ...ringen wünschen . . .

Перевод.

Германизировать ли ?

Для одного из номеров газеты "Дейче Арбейт", посвященному задачам переселения на Восток, Рейхсфюрер СС дал следующий лозунг:

"Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, т.е. привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться того, чтобы на Востоке жили только люди действительно немецкой, германской крови".

A 081180

H1480-0147

Подлинный экземпляр газеты „Das Шварце Кор" от 20 августа 1942 года, хранится в делах Чрезвычайной Государственной Комиссии

Нач. Архива Чрезвычайной Государственной Комиссии.

15.10.45 г.

[illegible] (Иллерицкая.)

INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL
NURNBERG, GERMANY
USSR Exhibit 59
Filed Feb 12, 1946

A 081181

Filed Feb. 13, 1946

Международный военный трибунал

I-1480-h

ДОКУМЕНТЫ ОБВИНЕНИЯ

ПО ДЕЛУ №

Главный обвинитель

от СССР

СССР № 62

H1480-0148

081399

H1480-0148A

5, pages.
4, photostats

СССР.

С. С. С. Р.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
СОЮЗА ОБЩЕСТВ КРАСНОГО КРЕСТА и КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА СССР

Москва, ул. Куйбышева, 12 Телеф. 4-33-88

№ИМ-5 „2" Января 1946 г.

ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СОВЕТСКОГО ОБВИНЕНИЯ В
МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ

Нюрнберг

Исполнительный Комитет Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в качестве справки сообщает, что 9.П-1942 г. нашим Уполномоченным был отправлен Международному Комитету Красного Креста подлинный экземпляр протеста 63-х немецких военнопленных против зверского обращения германских властей с советскими военнопленными.

Письмом от 26.У1-1942 г. Председатель Международного Комитета Красного Креста г-н Макс Губер известил нас о получении упомянутого документа.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Копия письма г-на Губера.

H1480-0149

Председатель Исполкома
Союза Обществ Красного Креста и
Красного Полумесяца СССР -

/С.Колесников/

А 081400

Тип. «Красное знамя», Москва, Сущевская, 21. Заказ 252

H1480-0150

Копия

Перевод с французского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ КРАСНОГО КРЕСТА

Центральное Агентство по делам военнопленных.

Женева, 26 июня 1942г.
Дворец Генерального Совета.

Г-ну МЯСКОВУ Представителю при Исполнительном Комитете Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Союза Советских Социалистических Республик.

Улица Куйбышева 12, Москва.

Г-н Представитель,

Я имею честь подтвердить получение Вашего письма от 9 февраля 1942 г., которое дошло до меня через нашего делегата в Анкаре 4-го июня.

Мы уделили надлежащее внимание документам, которые Вы соблаговолили нам передать, а именно, декларации 63 германских военнопленных и французскому тексту, ноты Народного Комиссара Иностранных Дел г.МОЛОТОВА. Противная сторона уже доставила нам документацию аналогичного характера.

Мы не считали своим долгом передавать эту документацию, зная из опыта, что только факты, непосредственно установленные на месте нашими собственными делегатами, могли придать такому посредничеству в глазах различных заинтересованных сторон характер беспристрастия и дать повод обратиться к ответственному правительству с законными рекомендациями.

Тем не менее в настоящем случае и уступая официальной просьбе ~~Центрального~~ Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, Международный Комитет имеет намерение адресовать документы, полученные 4-го июня, Германскому Красному Кресту с просьбой представить их на рассмотрение Германского правительства.

Комитет действовал таким образом в аналогичных случаях, но он не передает информацию такого характера национальным Красным Крестам стран, которые непосредственно не заинтересованы. Если Международный Комитет отступил бы от этой линии поведения, соблюдаемой в течение долгого времени, он был бы обязан уведомить Красный Крест всех стран о документах, ссылающихся на нарушения конвенций,

081401

H1480-0151

которые поступают к нему постоянно и отовсюду. Является очевидным, что такая мера сильно уменьшила бы значение посредничества, которое Комитет осуществляет регулярно и по долгу службы, основываясь на донесениях своих агентов но исполнение ими их обязанностей.

Я позволяю себе передать Вам в приложении краткий меморандум о попытках Международного Комитета Красного Креста установить взаимоотношения с СССР.

Соблаговолите, г-н Представитель, принять уверения моего высокого уважения.

Губер

Председатель Международного
Комитета Красного Креста

Верно: Рудник.

2.I-46.

А081402

Copie

H1480-0152

COMITE INTERNATIONAL DE LA CROIX ROUGE

Agence Centrale des Prisonniers
de Guerre

Geneve le 26 juin I942

Monsieur Miaskov
Représentant Accrédité du Comité
Exécutif de l'Alliance des Societés
de la Croix Rouge et du Croissant Rouge
de l'Union des Républiques Soviétiques
Socialistes,
Ul.Kouibichev,I2 Moscou.

Monsieur le Représentant Accrédité,

J'ai l'honneur d'accuser réception de votre lettre du 9 février qui m'est parvenue par l'intermédiaire de notre délégué à Ankara,le 4 juin.

Nous avons voué toute l'attention requise aux documents que vous avez bien voulu nous transmettre,c'est-à-dire à la déclaration des soixante-trois prisonniers allemands et au texte français de la " Note du Commissaire du Peuple aux Affaires Etrangères M,Molotov ".La partie adverse nous avait déja fait parvenir une documentation de même nature .

Nous n'avons pas cru devoir procéder à la transmission de cette documentation ,ayant reconnu d'expérience que,seules ,les constations spontanées faites par nos propres délégués ,sur place,pouvaient conférer à une telle intervention ,aux yeux des diverses parties intéressées ,son caractère d'impartialité et donner lieu d'adresser au gouvernement responsable des recommandations valables.

Toutefois ,dans le cas actuel et devant la demande formelle de transmission de l' Alliance des Societés de la Croix Rouge et du Croissant Rouge ,le Comité International va adresser les documents recus en date du 4 juin,à la Croix Rouge allemande avec la prière d'en saisir le gouvernement allemand.

Le Comité a agi ainsi dans des cas analogues mais il ne transmet pas d'information de cette nature à des Croix Rouges nationales dont les pays ne sont pas directement intéressés.Si le Comité International s'écartait de cette ligne de conduite depuis longtemps observée ,il serait obligé de renseigner les Croix Rouges de tous les pays sur la documentation alléguant des infractions aux conventions qui lui parvient constamment et de

A 081403

H1480-0153

partout. Il parait évident qu'une telle mesure diminuerait considérablement la portée des interventions que le Comité est amené à faire régulièrement et d'office sur la base des rapports de ses agents dans l'exercice de leur fonctions.

Je me permets de vous remettre, en annexe, un mémorandum succinct sur les tentatives du Comité International de la Croix Rouge concernant ses rapports avec l'URSS.

Veuillez agréer, Monsieur le Représentant Accrédité, les assurances de ma haute considération.

M.HUBER

Président du Comité International
de la Croix Rouge.

Pour copie conforme : Rudnick.

2.I.1946

A081404

H1480-0154

INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL
NURNBERG, GERMANY
USSR Exhibit 62
Filed Feb 13, 1946

A 081405

Hofmüngel Johann	Wien	Invalidenwar	J. J.R. 84 8 Kp.
Friedl Ludwig	Langau	Arbeiter	8. J.R. 130.
Gleischhacker Karl	Wien	Friseur	3/AA 44
Wimmer Josef	Oberselbrecht	Arbeiter	Edtz R 11/2
Huber Josef	Wien	Oberkellner	J.R 523. E 97 D.
Staar Johann	Wien	Buchhalter	2. A. A. 178.
Schmidt Johann	Wien	Friseur	3/J.R. 462
Weber Adi	Linz	H. Kugel.	2 Kp. Ers. Abt. 17.
Freyreteberger Johann	Perg	Tischler	J.R 523
Zillner Josef	Hafberg	Bauer	D. R. 383
Bissa Karl	Hattendorf	H. A.	J. R. 448.
Hofbauer Josef	Graz	Schneidermstr.	J. R. 4.
Karl Adamek.	Wien.	Tischler.	J R 447.
Benedek Walter	Wien	Chauffeur	16 Kompanie Nachschubtruppen
Hornberger Josef	Pöchlarn	Buchdruckerei	J R 132
Hofmann Simon	Hornstein	Arbeiter	DF 17.
Lisenz Gottlieb	Wien	Schlosser	J. R 44
Bergl Edwin	Mödling	Kaufmann	J. R
Lorenzhofer Anton	Fürnkofen	Landarbeiter	J R 462
Augeneder Fritz	Linz/Donau	Hauptlehrer	J. R. 462
Veres Karl	Wien	Tischler	Ka-Regt. 18
Haigermoser Anton	Offenwitzing	Bauer	J R 486
Imre Ludwig	Oberwart	Landwirt	Div. Pferd
Maschberger Wolfgang	Wien	Reisen Ang	Pz Regmt 18
Zimmermann Josef		Privatlehrer	4 J R 86
Adelmaier Johann	Poysdorf N.Ö.	Weichauer,	5./J.R. 482
Werner Rudolf	Wien	Autolackierer	J. A. 486
Rentsch Richard	Aussig	Arbeiter	J. R. 276.
Farcher Wilhelm	Wien	Tischler	J. R. 523
Kröll Johann	Rust	Landwirt	J. R. 486
Schoppel Sebastian	Wien	Student	P. R. 18
Mühlbacher Josef	Mannersdorf	Bauer	B. K. 505
Kurkuc	Lundenburg	Schlosser	J. R 217.
Göppel Franz	Salzburg	Kath. Und.	D. 3
Weber Johann	Matzleinsdorf	Koch	J. R. 462.

H1480-0155

2 колонки 54 строки 3 листа 3 и 4 колонки НИЗ

23.

Richard	Weiss	Mainz	Schlosser, L.G. 77.	
Heinz	Kappel	Bad Dürkheim	Zimmermann	J.R. 105
Gustav	Boschen	Gommern	Maschinist	J.R. 117
Friedrich	Gasperat	Schneverdingen	Bäcker	J.R. 117
Hans	Engel	Berlin	Bäcker	J.R. 50
Wilhelm	Hartmann	Heidkirchdorf	Ehrenmeier	A.A. 7
Fritz	Mühlbauer	Pöttmeringermoos	Landwirt	234 69 D
Heinz	Hombeke	Dortmund	Landarb.	A.R. 11.
Herr	Michael	Feldpostn.	Landwirt	23469.D.
Emil	Holzmann	Simserki	Landwirt	A R. 11.
Josef	Dresmann	Nüsserötzing	Landwirt	J.R. 261.
Ludwig	Schaffhorn	Pfingstmann	Gelbgießer	J.R. 69
Fritz	Johann	Willmandingen	Landwirt	Radfahr-Schw. 235
Bienstad	Paul	Stadtlohn	Gerber	J.R. 280.
Winkelmann	Heinrich	Hesse	Bauer	J.R. 70.
Baumann	Karl	Harbarsen	Landwirt	B.B. 141
Egert	Heinrich	Isab. Ilter	Schlosser	B B 141
Stiehl	Wilhelm	Altenbeckum	Schmied	B B 141
Gerhard	Karl	Hann. Schmidt b. Rastenberg	Maschinist	12 M 95. J.R. 53
Karl	Linke	Landsberg/Warthe	Schlosser	Wie 150
Georg	Becker	Kirchhausen	Maurer	B B 141
Walter	Wagner	Hannover	Walter	13 Esk.
Josef	Leichtmeier	Burghausen	Fleischer	10 Esk.
Josef	Nieswand	Dortmund	Jungknappe	126 Panzerj.
Walter	Ostwald	Gotha	Landwirt	260 Reiter Schwadron
Ernst	Grube	Lindau	Volkswirtschaftler	225 Inf.
Peter	Jülicher	Kürdorf	Arbeiter	J.R. 58
Johann	Simon	Sarnau	Gemeindediener	J.R. 240

H1480-0156

A 081407

Schütze Hans Mangel Buchbinder Berlin 9.S.R. 394
Gefr. Adolf Beute Bäcker Bremen 12.7.R.96
Soldt. Peter Meyer Schlosser Kiel K.55.
Gefr. Leon Glaser Fernm.-Techn. Stellungen 7. bis K. Rgt. 7.
Gefr. Rudolf Teegel Beamter Kirchenlaul III/IR. 111/33. Div.
Gefr. Müller Fritz Zugführer Nürnberg 3.A.R. 26.D.
Gefr. Paul Bartsch Maler Bromberg 10.K.J.K. 86.
Gefr. Heinz Johannsmeier Schüler Düsseldorf a.a. 126. 126 Div.
Gefr. Rudolf Dittrich. Führer Berlin-Wilhg. 1. K 55/17.8. 1. Pz. Div.
Gef. Adolf Kurt Ing. Mannheim 4/87 1036.
Gefr. Nebitz Hubert Kfz. Wien I/V 5/59.
Gefr. Hermann Otto Schiffer Berlin 1 P Z J 218.
Gefr. Rudel Schirrmeister Hoyerswerda J.R. 497. 267 Div.
Kan. Heinz Ob.-Pion. Augustdorf Berlin 8./J.R. 235 / 102 7.D.
Gefr. Lutz Kraftf. Finsterwalde 3/Pz.R. 15 8.Pz.D.
Gefr. Tobisch Gefr. Gerstorf Insterburg J.R. Batl. 676.
Obergefr. Bernhard Frank Gärtner Lissa I.J.R.6. 30.J.D.
Obergefr. Max Fendisin Arbeiter J.R. 425 2.23 J.D.
Ober. Gefr. Max Ellmann Werkmeister J.R. 303. 162. D.
Sold. Jung Karl Fischer N. Sch. R. 35 D.
Sold. Groß Karl Hundsdorf N. Sch. R. 35 D.
Obergefr. Wölki Landwirt Landwirt 9.J.R.2 23.D.
Obermat. Hobel Josef Schuhmach. J.R. 434. 13 Komp. 451 D.
Soldat Otto Hahn Maschinenschlosser J.R. 463 2631D
Gefr. Hans Rüther Holzarbeiter J.R. 418. 36 J.D.
Ernst Hahn Sold. Obergefr. in Hamm 1.4.31
Hartwig Bonsack Hilfsarbeiter Hohenlohe J.R. 447 207. Div.
Gefr. Hermann Lücker Landwirtschaft J.R. 487 269 D.
Gefr. Schneidewind Schmiedemeister Burg Ersatzabteilung J.R. Nr. 10
Simon Heinrich Landarbeiter Bernkastel J.R. 488 262. D.
Robert Förster Landwirt Reich 260. Div. 460. Pol.

H1480-0157

H1480-0158

Schütze Klaus Mangel Buchbinder Berlin 9. L.R. 394
Gefr. Rudolf Beute Bäcker Bremen 12. J.R. 96
Kol.-Schütze Peter [illegible] Schlosser Krefeld K. 55.
Gefr. Hugo Glaser Kaufm. Lehrl. Stuttgart 2. Kais. R. Regt 7.
Gefr. Rudolf Vogel Bauer Fürstenhof III/J.R. 117/35. Div.
Gefreiter Moritz Fritz Installateur Nürnberg 3. A.R. 26.D.
Gefreiter Franz [illegible] Maurer Bürgel 10. K. J.R. 86.
Gefr. Hans Schmerschneider Schüler Düsseldorf a.a. 126. 126 Div.
Gefr. Rudolf Dittrich, Funker Berlin-Wilhg. 1. Kl 55/7.4.8. 1. Pg. Div.
Gefr. Raoul Kurt Ing. Mannheim 4/87 10 36.
Gefr. Nebily Hubert Kfm. Wien III. 5/59.
Gefr. [illegible] Otto Schlosser Berlin. 1772 218.
Gefreiter Rudel Schiffmacher Hamburg J.R. 497. 267 Div.
Kanonier Meissner Angestellter Berlin 6/F.R. 235 / 102. F.D.
Gefr. [illegible] Schüler [illegible] 5/F.A. 187 48 F.D.
Erich Tatsloh Gefr. Giesserei Osterode J. R. Batl. 676.
Obergefr. Bernhard Franke Gärtner Lissa I. J.R. 6. 30. J.D.
Obergefr. Max Eisenreich Arbeiter J. R 425 223 J. R.
Obergefr. Max Kellmann Arbeiter. J. R. 303. 162. D.
Feldw. Jung Karl Fischler M. Sch. Kr. 358.
Feldw. Groth Kurt Landwirt M. Sch. Kr. 35 H.
Gefr. Willi Vorbau Künstler 9. J. R. 2 22. D.
Obermusikmeister Hober Josef Schuhmach J.R. 434. 13 Komp 451 D.
Feldwebel Otto Hahn Hüttenschlosser J.R 463 26 3 D
Gefreiter Emil Rütten Glasarbeiter J.R. 118. 36 J. D.
Gefreiter Friedrich Schneider Landarbeiter Gehrdt bei Celle J.R. 447. 207. Div.
Gefreiter Hermann Lüder Braunschweig J.R 481 267 D.
Gefreiter Alfred Schneidereit Schmied Burg b. Magdeburg J.R. Mörs
Gefreiter Heinrich Landarbeiter Bernhardt J.R. 448 262. J.D.
Gefreiter Robert Pinkel Landwirt Rastatt 260. Div. 460. Regt.

A 081

Filed Feb 13, 194
[illegible]

Международный военный трибунал

H-1480i

ДОКУМЕНТЫ ОБВИНЕНИЯ

ПО ДЕЛУ №

63

Главный обвинитель
от СССР

СССР № 63

A 081410
H1480-0159

СССР-63(5)

ДОКУМЕНТЫ

Чрезвычайной Государственной Комиссии

по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

О расстрелах, сожжении и умерщвлении мирных граждан в окрестностях городов Севастополя и Керчи и на курорте Теберда Ставропольского края.

INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL
NURNBERG, GERMANY
USSR Exhibit 63
Filed Feb 13, 1946

H1480-0160

A 081411

АКТ

3 июля 1944 года. Мы, нижеподписавшиеся, Севастопольская городская комиссия в составе: председателя — Лесик Павла Ивановича, заместителя председателя — депутата Верховного Совета СССР Ефремова Василия Петровича, секретаря Комиссии Кирилюк Михаила Васильевича, членов Комиссии: Сариной Антонины Алексеевны, Боровкова Алексея Федоровича, Кабакова Савватия Ивановича, Бакаева Михаила Ивановича, профессора медицины Славского Глеба Михайловича, священника православной церкви Пекарчук Бориса, учительницы Пашистовой Нины Власовны, составили настоящий акт о совершенных злодеяниях и нанесенном ущербе немецко-румынскими захватчиками в г. Севастополе.

РАССТРЕЛЫ, СОЖЖЕНИЕ, ПОТОПЛЕНИЕ В МОРЕ И УМЕРЩВЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ МИРНЫХ ГРАЖДАН И ВОЕННОПЛЕННЫХ

Детальным расследованием кровавых злодеяний немецко-румынских войск, опросом свидетелей и произведенными раскопками в местах массовых расстрелов Севастопольская городская комиссия установила факты планомерного истребления немецко-румынскими оккупантами мирных граждан Севастополя и военнопленных.

Житель поселка Инкерман Федор Карпович Грибенюк показал:

«В поселке Инкерман был устроен лагерь для советских военнопленных. Около лагеря я пас скот и ежедневно видел, как после утренней поверки пленных делили на группы в 30—40 человек, выводили из лагеря и на расстоянии 400 метров расстреливали по одному. Перед расстрелом пленных заставляли рыть себе могилы, затем каждого ставили на колени и стреляли в затылок из винтовок. Расстрелы производились ежедневно. Мне лично пришлось закапывать четырех расстрелянных пленных, которых немецкие изверги не закопали. Всего немецко-фашистские оккупанты уничтожили в этом лагере 450 человек».

Факты расстрелов подтверждены актом Районной комиссии от 20 июня 1944 года.

Из опроса свидетелей Анны Петровны Мысик, Ксении Демьяновны Лобачевой, Петра Яковлевича Туль, проживающих в поселке Новая Земля, в двух километрах от г. Севастополя, по Балаклавскому шоссе, а также свидетеля Боголюбовой Е. Д., бухгалтера треста «Электроснабжение», и на основании акта произведенных раскопок установлена картина злодейского истребления советских мирных граждан и военнопленных в лагере «Новая Земля».

За два дня пребывания лагеря в Новой Земле, т. е. за 2 и 3 июля 1942 года, немецко-фашистские захватчики расстреляли и замучили в этом лагере 300 человек.

В районе лагеря военнопленных на Северной стороне с сентября по октябрь 1942 года было расстреляно 200 человек и в районе лагеря по ул. Пирогова, № 1 — 25 человек, что подтверждается показаниями свидетелей и актами произведенных раскопок.

На основании свидетельских показаний граждан Корабельного района Зинченко Наталии Дмитриевны, Дереевой Ефимии Тихоновны и Зинченко Веры Николаевны, проживающих по проспекту 25-го Октября в д. № 12, установлены факты зверского обращения с советскими военнопленными в лагере, организованном с 3 июля 1942 года в зданиях бывшего полуэкипажа Черноморского флота. В этом лагере вследствие зверского обращения, повальных болезней и голода военнопленные гибли в огромном количестве.

В течение всей зимы, с ноября 1942 года по апрель 1943 года, каждое утро немцы выносили из лагеря по 20—30 военнопленных и заживо закапывали в воронках от авиабомб или ямах.

При раскопках 21 июня 1944 года обнаружено 190 таких ям. Всего немецко-румынские палачи истребили в этом лагере 2020 человек.

Комиссия установила, что немецко-фашистское командование нарушало всякие элементарные правила и условия содержания больных и раненых военнопленных в лазарете при Севастопольской тюрьме. В результате за период с 1 июля 1942 года, т. е. с момента организации немцами лазарета, по февраль 1943 года от нечеловеческих условий содержания умерло 2500 больных и раненых военнопленных.

При организации лазарета больным и раненым в течение 5—6 дней немцы не давали ни воды, ни хлеба, цинично заявляя при этом: это наказание за то, что русские с особым упорством защищали Севастополь.

Раненым, доставленным с поля боя, не было оказано никакой медицинской помощи. Бойцов и командиров швыряли на цементный пол, где они и лежали, истекая кровью, по 7—8 суток.

Все это подтверждается показаниями В. И. Иванова — зав. 2-й городской больницей гор. Севастополя, Д. М. Емельяненко, М. Н. Чурилина, Р. Ф. Сасонного, В. И. Бузыкинова и др.

В период обороны Севастополя в Инкермане, в штольнях завода шампанских вин находился военный госпиталь и медсанбат № 47.

После отступления Красной Армии в штольнях №№ 10, 11, 12 и 13 осталось большое количество раненых бойцов и командиров, не успевших эвакуироваться. Среди них находились и жители города, прятавшиеся в штольнях от бомбежек.

Немецкие изверги, захватив завод, перепились, а затем подожгли штольню. Вот что показывают об этом злодеянии немцев жители поселка Инкерман Константин Сухинский, Евдокия Сухинская, Антон Гапличный, Анна Забияка, Екатерина Деева и другие:

«С приходом немецко-румынских захватчиков в Инкерман всем, прятавшимся в штольнях, а также раненым бойцам и командирам было приказано освободить штольни. Этот приказ успела и смогла выполнить только небольшая часть жителей и раненых.

Несмотря на это, немецкие мерзавцы, перепившись, подожгли штольни.

Находясь вблизи от штолен, мы слышали душераздирающие крики, плач, вопли о помощи, но ничем помочь не могли, так как вокруг штолен находились пьяные орды немецко-

H1480-0161

А 081412

H1480-0162

румынских варваров, хладнокровно наблюдавших гибель беззащитных советских людей.

После пожаров в штольнях мы видели большое количество обгоревших трупов. Всего в штольнях погибло 3000 советских граждан, женщин, детей, а также раненых бойцов и офицеров Красной Армии и Флота».

30 июня 1942 года немецкими воинскими частями был захвачен Троицкий тоннель у завода № 45. В тоннеле находились: бронепоезд «Железняков» с командой краснофлотцев в количестве 60 человек, раненые красноармейцы 2-го Перекопского полка Приморской армии в количестве до 300 человек, мирное гражданское население — женщины, дети, рабочие Спецкомбината № 1 в количестве свыше 400 человек. Всего, таким образом, в тоннеле находилось 800 человек.

Немецкие варвары забросали тоннель гранатами и пироксилиновыми шашками. Все находившиеся в тоннеле сгорели или задохнулись. Очевидец Борисов Кирилл Григорьевич, проживающий в Корабельном районе по Комсомольской улице, № 26, заявил, что спастись удалось немногим, сумевшим пробраться через небольшое отверстие в западном завале тоннеля.

Мария Дмитриевна Сергиенко, также жительница Корабельной стороны, проспект 25-го Октября, д. № 25, показывает, что ей в июле 1942 года в течение 6 дней пришлось наблюдать расчистку этого тоннеля. Было обнаружено много обгоревших изуродованных трупов, среди которых она опознала своего родного сына Сергиенко Николая Семеновича, 27 лет, рабочего Спецкомбината № 1.

Очевидцы: Макарова Ольга Фоминична, проживающая на Воронцовой горе по 4-й улице, в д. № 32, Киселева Анна Онуфриевна, проживающая по Лазаревской улице, в д. № 44, Погребняк Евгения Павловна, проживающая по Зеленой улице, в д. № 18, и бригада рыбаков в составе Скирятского Н. В., Романенко Н. Д., Волкова К. Н., Бочун Е. Я. и др. показали:

«4 декабря 1943 года на станцию Севастополь прибыли из г. Керчи 3 эшелона раненых военнопленных из Керченского десанта. Загрузив ими баржу водоизмещением в 2,5 тысячи тонн, стоявшую в Южной бухте, у пристани подплава, немцы подожгли ее. Раздались душераздирающие крики военнопленных. Находящиеся недалеко от баржи женщины не могли оказать раненым никакой помощи, так как были отогнаны жандармерией от места пожара.

Вызванные якобы для тушения пожара катеры вместо спасения людей струей сбивали их обратно в трюм, а пытавшихся спастись вплавь жандармы расстреливали. Спаслось не более 15 человек. 1000 человек погибли в огне. Когда пожар был, наконец, потушен, легко раненных военнопленных заставили выгружать из баржи обгорелые трупы и грузить их на автомашины. Вывозка обгорелых трупов продолжалась с 4 часов дня до 8 часов вечера.

На другой день в эту же самую баржу погрузили 2000 человек из числа раненых, привезенных из Керчи. Баржа ушла из Севастополя в неизвестном направлении; находившиеся на ней раненые были потоплены в море.

Таким образом, в результате немецко-фашистского зверства погибло 3000 человек военнопленных краснофлотцев и красноармейцев, из которых 1000 человек сгорели, а 2000 человек были потоплены в море.

«В октябре 1943 года, — показывает священник Борис Евгеньевич Пекарчук, — на станцию Севастополь прибыло 5 запломбированных товарных вагонов с военнопленными. При вскрытии вагонов оказалось, что половина находившихся в вагонах военнопленных в количестве 98 человек была уже мертва».

Гражданка Моржовникова Зинаида Ивановна, проживающая в г. Севастополе, по спуску Петрова, в д. № 21, показывает, что в августе 1942 года, работая по ремонту ж.-д. пути в районе Холодильника, она была очевидцем того, как немцы выводили советских военнопленных по одному и группами из помещения бывшей продовольственной базы Черноморского флота по Портовой улице, избивали их до смерти палками и закапывали их в ямах в районе продовольственной базы, на Портовой улице.

Таким образом, было зверски убито 150 человек, что подтверждается произведенными раскопками и актом комиссии Центрального района г. Севастополя за № 6 от 30 июня 1944 года, которая установила наличие в трех ямах, вскрытых по указанию гражданки Моржовниковой, 150 скелетов, а также зарытие в ямы советских военнопленных полуживыми.

Согласно акту Комиссии Центрального района, составленному на основании показаний граждан Терещенко Елены Титовны, проживающей в поселке Новая Земля, у хутора бывшего Вяземского, Полуди П. Д., проживающего на 4-м километре Балаклавского шоссе, и Сагудиной Александры Филипповны, проживающей по Пироговой улице, в д. № 21, и других, немецкие варвары у противотанкового рва в районе хутора бывшего Вяземского в первые же дни своего хозяйничанья в Севастополе учинили массовый расстрел гражданского населения и детей. Произведенные в этом месте 27 июня 1944 года раскопки подтвердили факт массового расстрела и установили, что всего в этом месте противотанкового рва было расстреляно 2500 человек женщин, стариков и детей.

Дикую расправу учинили немцы над мирным еврейским населением. По показаниям граждан г. Севастополя Мендельсон, Казарновской, Радзюк, Петровой-Романовой, Девлекановой, Савченко, Фоминой, Балансей и других немецко-фашистские варвары 12 июля 1942 года согнали все еврейское население, в том числе больных женщин, детей и стариков, на стадион «Динамо» и начали свою кровавую расправу. Отняв у собравшихся все ценные вещи, немецкие палачи подвергли евреев зверским избиениям, а затем, побросав на машины, увезли на 4-й километр Балаклавского шоссе и расстреляли у противотанкового рва свыше 1500 человек.

Среди расстрелянных: профессор Фирзон, доктора Звенигородский, Гершгорн, Мангуби, Пантофель, Цедербаум, Цофнас, инженер Херсонский, зав. сберкассой Берлевский, бухгалтер Мендельсон и другие.

Кроме того, большое количество евреев вывозилось из Севастополя для расстрела в деревню Старые Шули, Балаклавского района, и деревню Болтачекрак, у г. Бахчисарая, что подтверждают жители г. Бахчисарая Каракоз Захар Петрович, Калетинкин Дмитрий Дмитриевич и жители деревни Старые Шули Кульвинская З. Т. и Егошина Е. Я.

Всего расстреляно евреев мирных жителей г. Севастополя 4200 человек.

На основании заявлений родственников и знакомых расстрелянных — Терещенко Игнатия, Поцелуева Ефима, Архипова Василия и других жителей города Севастополя — и произведенных 28 и 29 мая и 6 июня с. г. раскопок Комиссия установила, что в районе Юхариной балки и хутора Полуди немцы расстреляли в марте-апреле 1944 года, незадолго до своего бегства из Севастополя, 63 человека, в числе которых были обнаружены Ревякин Александр, Терещенко Николай Игнатьевич, Ревякина Лидия, Иваненко Яков Яковлевич, Микота Александр Сергеевич, Калинин Георгий, Поцелуева Ефросиния Ефимовна, Секретов Яков Никифорович, Архипов Борис Васильевич, Матвеев Николай Григорьевич, Сильникова Таисия и другие.

Гитлеровцы наряду с массовыми расстрелами практиковали злодейское потопление мирных граждан в открытом море. Пленный оберефрейтор Фридрих Хайле из воинской части 2—19 МКА (морская транспортная рота) показал:

«Находясь в Севастопольском порту, я видел, как в порт на автомашинах большими партиями привезли мирных граждан, среди которых были женщины и дети. Всех русских погрузили на баржу. Многие сопротивлялись, но их избивали и силой заставляли входить на суда. Всего было погружено около 3000 человек. Баржи отчалили. Долго над бухтой стояли плач и вопли.

Прошло несколько часов, и баржи пришвартовались к причалам пустые. От команд этих барж я узнал, что всех выбросили за борт».

Ефрейтор 11-й роты 615-го немецкого полка Иозеф Вольткер показал:

«Под предлогом эвакуации гражданского населения немецкие военные власти в Крыму вывозят на баржах тысячи

А 081413

мирных жителей в открытое море и топят их. В ночь на 7 декабря 1943 года в Евпаторийском порту специальная команда СС-овцев погрузила на баржу большую группу советских граждан, насильно эвакуированных немцами с Кубани. Через несколько часов все эти люди были потоплены.

8 декабря близ Севастополя потоплено 5000 заключенных, содержавшихся в городских тюрьмах и гестапо».

О фактах потопления мирных советских людей свидетельствуют и показания Волкова И. А., работавшего зав. промышленным отделом Севастопольской городской управы.

«Лиц, уклонившихся от эвакуации в Германию, — показывает он, — немцы ловили, вывозили в море и топили».

Немецко-румынские изверги врывались по ночам к мирным жителям и насиловали женщин. В ночь с 9 на 10 апреля 1944 года, в 23 часа 30 мин., группа пьяных немцев ворвалась в д. № 16 по ул. Дзержинского и изнасиловала 70-летнюю старуху Михайловскую, которую затем вывезли из города. Эта же группа немцев в эту же ночь ворвалась в другую квартиру в этом же доме и изнасиловала гражданок Постникову и Воронцову.

Председатель Севастопольской городской комиссии *Лесик.*

Зам. председателя Севастопольской городской комиссии *Ефремов.*

Секретарь комиссии *Кирилюк.*

Члены комиссии: *Сарина, Боровков, Кабаков, Бакаев, Славский, Пекарчук, Пашистова.*

АКТ

Городской государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний, произведенных немецко-фашистскими захватчиками в г. Керчи.

Гор. Керчь. *24 августа 1944 года.*

Мы, нижеподписавшиеся, Городская комиссия в составе председателя комиссии — секретаря Керченского горкома ВКП(б) т. Красникова Прокофия Ивановича, секретаря Городской комиссии т. Кондратьева Николая Васильевича и членов комиссии — заместителя председателя Исполкома Городского совета т. Гемберга Петра Ивановича, начальника городского отдела НКВД т. Чичковского Вадима Васильевича, заведующей городским отделом народного образования т. Ильиной Марии Александровны, заместителя начальника городского отдела НКГБ т. Полозаева Николая Федоровича и священника Свято-Афанасиевской церкви отца Алексея Боева — составили настоящий акт на основании свидетельских показаний, актов районных комиссий и расследования фактов злодеяний и зверств, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками над мирным населением и советскими военнопленными в г. Керчи.

Когда бешеный зверь рвался в наш родной город, он в своей звериной злобе посылал авиацию на уничтожение нашего прекрасного города и его мирных граждан. Тысячи керчан погибли от вражеской бомбардировки. Тысячи керчан, не желая попасть в руки немецким оккупантам, устремились на переправу, но и здесь их засыпали бомбами, обстреливали из пулеметов. 600 человек специалистов завода им. Войкова вместе со своими семьями погрузились на пароход «Ротфронт», но как только пароход отчалил от берега, на него налетели фашистские стервятники и начали бомбить и обстреливать мирных пассажиров, хотя прекрасно было видно, что пароход заполнен мирными гражданами, где большинство было женщин и детей. Пароход затонул, и из числа 600 пассажиров спаслось несколько человек (из показаний спасшихся с парохода «Ротфронт» Фадеева И. Ф. и Бессоновой А. И.).

Комиссия установила:

Гитлеровские палачи под руководством коменданта ОРТС-комендатуры г. Керчи майора Гафена, зондерфюрера ОРТС-комендатуры Крошке, шефа СД Биллера, при прямом участии изменников родины полицмейстера — начальника полиции Погорелого, его прямого помощника по полиции поселка им. Бойкова Годына, городского головы Зеленкевича, шефа районной управы Пименова (ранее работающего при немцах бургомистром поселка им. Войкова), по прямым указаниям фашистского правительства германских войск и карательных органов, беспощадно и систематически уничтожали в г. Керчи и его районах мирных советских граждан, пленных красноармейцев и офицерский состав.

Вся работа Керченской и Районной управы в этой части проходила в полном контакте с ОРТС-комендатурой и немецкими карательными органами, так как Зеленкевич, Пименов, Погорелов совместно с районными старостами участвовали в секретных совещаниях ОРТС-комендатуры, где обсуждались методы борьбы и уничтожения советских патриотов, противодействовавших проведению в жизнь мероприятий оккупантов.

С первых дней оккупации города немецкие захватчики начали расстреливать, вешать, отравлять газами, сжигать в огне и топить в море ни в чем не повинных мирных советских граждан и военнопленных.

Перед расстрелами, которые производились как группами, так и в одиночку, люди предварительно подвергались нечеловеческим мучениям и пыткам в тюремных застенках и лагерях.

Захватив город в ноябре 1941 года, гитлеровцы немедленно издали приказ, в котором говорилось: «Жителям Керчи предлагается сдать немецкому командованию все продовольствие, имеющееся в каждой семье. За обнаруженное продовольствие владелец подлежит расстрелу». Следующим приказом № 2 городская управа приказала всем жителям немедленно зарегистрировать всех кур, петухов, уток, цыплят, индюков, гусей, овец, коров, телят и рабочий скот. Владельцам домашней птицы было строго запрещено пользоваться птицей и скотом для своих нужд без особого разрешения немецкого коменданта. После опубликования этих приказов начались повальные обыски по всем домам и квартирам.

Гестаповцы бесчинствовали. За каждый обнаруженный лишний килограмм фасоли или муки они расстреливали главу семьи.

Свои чудовищные зверства в городе немцы начали отравлением 245 детей школьного возраста. Согласно приказу немецкого коменданта все школьники обязаны были явиться в школы в указанный срок. Явившихся с учебниками 245 детей отправили за город, в заводскую школу, якобы на прогулку. Там озябшим и проголодавшимся детям предложили горячий кофе с пирожками, отравленными ядом. Детей, которым кофе нехватило, немецкий фельдшер вызвал в «амбулаторию» и смазал им губы сильно действующим ядом. Через несколько минут все дети были мертвы. Школьники же старших классов были вывезены на грузовиках и расстреляны из пулеметов в 8 километрах от города. Туда же впоследствии были вывезены трупы и отравленных детей.

Вечером 28 ноября 1941 года по городу был вывешен приказ гестапо № 4, согласно которому жители, ранее зарегистрированные в гестапо, должны были 29 ноября от 8 час. утра до 12 час. дня явиться на Сенную площадь, имея с собой 3-дневный запас продовольствия. Явиться приказано было всем мужчинам и женщинам, независимо от возраста и состояния здоровья. За неявку на площадь немцы угрожали

H1480-0163

A081414

H1480-0164

«публичным расстрелом». Пришедшие на площадь 29 ноября были уверены, что их вызвали для направления на работы. К 12 час. дня на площади собралось свыше 7 тысяч человек. Здесь были юноши, девушки, дети всех возрастов, глубокие старики и беременные женщины. Всех их гестаповцы отправили в городскую тюрьму. Это злодейское истребление обманом заключенного в тюрьму мирного населения проводилось немцами по заранее разработанной инструкции гестапо. Сначала заключенным было предложено сдать ключи от своих квартир и указать точные домашние адреса коменданту тюрьмы. Затем у всех арестованных отобрали ценные вещи: часы, кольца, украшения. Несмотря на холод, у всех посаженных в тюрьму были сняты сапоги, валенки, ботинки, костюмы и пальто. Многих женщин и девочек-подростков фашистские негодяи отделили от остальных заключенных, заперли в отдельные камеры, где несчастные подвергались особым утонченным пыткам — их насиловали, отрезали им груди, вспарывали животы, отрубали руки, ноги, выкалывали глаза.

После изгнания немцев из Керчи, 30 декабря 1941 года, красноармейцами во дворе тюрьмы была обнаружена бесформенная груда изуродованных голых девичьих тел, дико и цинично истерзанных фашистами.

Местом массовой казни гитлеровцы избрали противотанковый ров вблизи деревни Багерового, куда в течение трех дней автомашинами свозились целые семьи обреченных на смерть людей.

По приходе Красной Армии в Керчь, в январе 1942 года, при обследовании багеровского рва было обнаружено, что он на протяжении километра в длину, шириной в 4 метра, глубиной в 2 метра, был переполнен трупами женщин, детей, стариков и подростков. Возле рва были замерзшие лужи крови. Там же валялись детские шапочки, игрушки, ленточки, оторванные пуговицы, перчатки, бутылочки с сосками, ботиночки, галоши вместе с обрубками рук, ног и других частей тела. Все это было забрызгано кровью и мозгами.

Фашистские негодяи расстреливали беззащитное население разрывными пулями. На краю лежала истерзанная молодая женщина. В ее объятиях находился аккуратно завернутый в белое кружевное одеяло грудной младенец. Рядом с этой женщиной лежали простреляннные разрывными пулями 8-летняя девочка и мальчик лет 5-ти. Их ручки вцепились в платье своей матери.

Обстоятельства расстрела подтверждаются показаниями многочисленных свидетелей, которым посчастливилось выбраться невредимыми из рва смерти.

20-летний Анатолий Игнатьевич Бондаренко, ныне боец Красной Армии, показал:

«Когда нас подвезли к противотанковому рву и выстроили возле этой ужасной могилы, мы еще думали, что нас привезли сюда для того, чтобы заставить засыпать ров землей или копать новые окопы. Мы не верили, что нас привезли на расстрел. Но когда раздались первые выстрелы из наведенных на нас автоматов, я понял, что расстреливают нас. Я моментально кинулся в яму и притаился между двумя трупами. Так невредимым, в полуобморочном состоянии пролежал почти до вечера. Лежа в яме, я слышал, как некоторые раненые кричали жандармам, расстреливающим их: «Добей меня, мерзавец», «Ох, не попал, негодяй, еще бей!» Затем, когда немцы уехали на обед, один наш односельчанин из ямы крикнул: «Поднимайтесь, кто живой!» Я встал, и мы вдвоем стали раскидывать трупы, вытаскивать живых. Я был весь в крови. Над рвом стоял легкий туман и пар от остывающей груды тел, крови и последнего дыхания умирающих. Мы вытащили Науменко Федора и моего отца, но отец был убит наповал разрывной пулей в сердце. Поздней ночью я добрался к своим знакомым в деревню Багерового и там дождался прихода Красной Армии».

Свидетель Каменев А. показал:

«За аэродромом шофер остановил машину, и мы увидали, что у рва немцы расстреливали людей. Нас из машины вывели и по десяти человек стали подгонять ко рву. Я с сыном встал в первом десятке. Дошли мы до рва, нас поставили лицом к яме, а немцы стали готовиться расстреливать нас в затылок. Сын мой обернулся и крикнул им: «За что вы расстреливаете мирное население?» Но раздались выстрелы, и сын сразу упал в яму. Я бросился за ним. В яму на меня стали падать трупы людей. Часа в три дня из груды трупов поднялся мальчик 11 лет и стал кричать: «Дяденьки, кто живой, вставайте, немцы ушли!» Я боялся подняться, так как думал, что мальчик кричит по приказанию полицейского. Мальчик второй раз стал кричать, и на этот крик отозвался мой сын. Он поднялся и спросил: «Папа, ты живой?» Я не мог ничего сказать и только качал головой. Сын и мальчик вытащили меня из-под трупов. Мы увидели еще живых людей, которые кричали: «Спасите!» Некоторые из них были ранены. Все время, пока я лежал в яме под трупами, слышны были крик и плач детей и женщин. Это после нас немцы расстреливали стариков, женщин и детей. Нас вылезло из рва 8 человек. Мы были все в крови».

Уничтожив мирное население в городе, фашисты приступили к истреблению его в колхозах, совхозах и рабочих поселках. Немецкие изверги расстреляли свыше 400 человек в поселке Самострой № 1, находящемся в 12 километрах от Керчи. Несколько сот человек было также расстреляно в районе Камыш-Буруна, Рудстроя и ГРЭС.

Заняв Камыш-Бурун и Старый Карантин, немцы произвели в этих поселках облаву и арестовали всех жителей, попавших им под руку. 273 человека из числа арестованных было вывезено на машинах за Керчь и расстреляно в противотанковом рву.

Среди расстрелянных были женщины и дети. Жительница поселка Самострой Герасименко Прасковья Ивановна по этому поводу показала:

«В 1941 году, в ноябре, на второй день после занятия поселка, немецкие войска начали повальные грабежи мирного населения. Отбирались скот и продукты. Через несколько дней немецкие оккупанты стали арестовывать население и вывозить его из Керчи. Обратно никто не возвратился. Людей вывозили к багеровскому противотанковому рву и там же расстреливали. Моего мужа арестовали и также расстреляли. В 1942 году, когда в Керчь пришла Красная Армия, я отправилась к месту, где происходила массовая казнь, и видела, что ров был переполнен трупами. Среди расстрелянных были старики, женщины и дети. Я с трудом опознала своего мужа. У него была разможжена голова. Рядом с моим мужем лежали убитые соседи — старик Кипотов Яков и его сын 20 лет Кипотов Николай. В Старом Карантине гитлеровцы убивали людей в квартирах. 26 ноября немецкие бандиты без предупреждения подложили противотанковую мину под дом, в котором проживала семья колхозника Остапенко. В 2 часа того же дня произошел сильный взрыв. Дом взлетел на воздух. Под развалинами его были заживо погребены: Остапенко Емельян Яковлевич, 50 лет, его жена Екатерина Анисимовна, 49 лет, и их внучата Анна, 3 лет, и Миша, 8 лет. Таким варварским способом фашисты уничтожили свыше 40 семей. Там же немцы расстреляли учительницу средней школы Александру Николаевну Зинченко только за то, что она отказалась работать у них переводчицей, сославшись при этом на плохое знание немецкого языка».

Из множества свидетельских показаний установлено, что немецкие оккупанты мучили и издевались, морили голодом и убивали группами и в одиночку советских военнопленных.

Набутовский Я. показал:

«Я видел, как гитлеровцы издевались над военнопленными красноармейцами. Однажды немец заставил военнопленного откинуть повозку с дороги для проезда легковой машины. Военнопленный был настолько слаб, что не смог поднять заднюю часть брички. Тогда немецкий офицер ударил пленного палкой по голове и расшиб ее. Вторым ударом сапога, в живот, немец оставил свою жертву лежащей без чувств на дороге».

Гражданка Булычева Прасковья Яковлевна, 1894 года рождения, уроженка города Керчи, показала:

A081415

«Я была свидетелем того, как неоднократно гнали наших военнопленных красноармейцев и офицеров, а тех, которые из-за ранения и общего ослабления отставали от колонны, немцы расстреливали прямо на улице. Я несколько раз видела эту страшную картину. Однажды в морозную погоду гнали группу измученных, оборванных, босых людей. Тех, кто пытался поднять куски хлеба, брошенные проходящими по улице людьми, немцы избивали резиновыми плетками и прикладами; тех, кто под этими ударами падал, пристреливали. Я несколько раз вместе со своими знакомыми Черняк Арабей, Кузьменко Надеждой и другими хоронила расстрелянных военнопленных красноармейцев. Таких могил много. Одна — возле табачной фабрики, вторая — возле консервного завода, третья — в доме № 7, по улице Кирова; могилы есть еще и в других местах города».

Таким образом, фашисты истребляли мирное население — русских, украинцев, евреев, караимов, крымчаков — и советских военнопленных.

Немецкие палачи истребили все еврейское население города. Возле станции Семь Колодезей на двух высотах были обнаружены трупы свыше трехсот расстрелянных керчан, которых немцы первоначально пытались увести с собой. Вся дорога от Керчи до Феодосии и дальше была усеяна трупами жителей города и районов.

Как видно из документов, захваченных частями Красной Армии, в помещениях керченского гестапо и городской управы фашисты готовили убийства новых тысяч невинных людей. По плану гестапо, 3 января 1942 года должно было быть уничтожено еще несколько тысяч человек. Подлежали уничтожению крымчаки — древнейшие обитатели Крыма, караимы, вся советская интеллигенция города и другие граждане. Но эти кровавые замыслы гитлеровские негодяи не успели осуществить — Красная Армия освободила от них город.

В период второй оккупации, с мая 1942 года, когда немцы снова ворвались в Керчь, они с еще большим остервенением стали расправляться с ни в чем не повинными людьми. В городе и прилегающих к нему районах был установлен режим кровавого террора, рабско-крепостнический труд, началось планомерное ограбление и уничтожение населения. Прежде всего фашистские палачи расправились с военнослужащими и гражданским населением, находившимся на Еникальской переправе и не успевшим переправиться на Кубанский берег. Они расстреливали всех без разбора, а раненых бойцов добивали ударами прикладов. Военнопленные были загнаны в большие здания, которые потом поджигали. Так, были сожжены школа им. Войкова и клуб инженерно-технических работников, в котором находилось 400 бойцов и офицеров Красной Армии. Ни одному из них не удалось выбраться из горящих зданий. Всех, кто пытался спастись, расстреливали из автоматов. Зверски были замучены раненые бойцы в рыбацком поселке Маяк.

Жительница этого поселка Буряченко Александра Павловна показала:

«28 мая 1942 года немцы расстреляли всех оставшихся в поселке и не успевших спрятаться мирных жителей. Фашистские изверги издевались над ранеными советскими военнопленными, избивали их прикладами и потом расстреливали. В моей квартире немцы обнаружили девушку в военной форме, которая, оказав фашистам сопротивление, закричала: «Стреляйте, гады, я погибаю за советский народ, за Сталина, а вам, извергам, настанет собачья смерть!»

Девушку-патриотку расстреляли на месте.

В Аджимушкайских каменоломнях немецкие палачи расстреливали красноармейцев и травили их газами. Об этом жительница деревни Аджимушкай Дашкова Надежда Николаевна показала:

«Я лично видела, когда немцы, выловив около 900 красноармейцев в каменоломнях, подвергли их издевательствам, а потом расстреляли. Фашисты применяли газы. Я видела возле каменоломни женщину, отравленную газами вместе с грудным ребенком, который держал грудь матери во рту. Возле этой женщины лежали красноармейцы, также отравленные газами. В клубе им. Энгельса во время оккупации был расположен лагерь советских военнопленных, в котором находилось свыше 1000 человек. Немцы издевались над ними, кормили их один раз в день, гоняли на тяжелые изнурительные работы, а тех, кто от истощения падал, расстреливали на месте».

Жительница поселка им. Войкова Шумилова Наталия Ивановна показала:

«Я лично видела, когда мимо моего двора вели группу военнопленных. Трое из них не могли двигаться. Они были тут же расстреляны немецким конвоем».

Гражданка Герасименко Прасковья Ивановна, жительница поселка Самострой, показала:

«В наш поселок согнали много красноармейцев и офицеров. Территория, где они находились, была огорожена колючей проволокой. Раздетые и разутые люди умирали от холода и голода. Их держали в самых ужасных, нечеловеческих условиях. Рядом с живыми лежало множество трупов, которые не убирались по нескольку дней. Эта обстановка делала еще более невыносимой жизнь в лагере. Пленных избивали прикладами, плетками, кормили помоями. Жителей, передававших пленным пищу и хлеб, избивали, а военнопленных, пытавшихся взять передачу, пристреливали».

Учительница школы г. Керчи Наумова Анна Николаевна, проживающая по ул. Ворошилова, д. № 17, показала:

«Мне известно о лагере военнопленных, организованном немцами в школе №24 в г. Керчи. В лагере было много раненых. Несчастные истекали кровью, но оставались без помощи. Я собрала для раненых медикаменты и бинты, а фельдшер из числа военнопленных делал им перевязки. Пленные страдали кровавым поносом, потому что им не давали хлеба, а кормили помоями. Люди падали от истощения и болезней, умирали в страшных мучениях. 20 июня 1942 года трое военнопленных были избиты плеткой за попытку совершить побег из лагеря. Пленные расстреливались. В июне из двух убежавших один был пойман и расстрелян».

Учительница школы им. Сталина Кожевникова показала, что она видела, как расстреляли группу пленных красноармейцев и офицеров на колонке завода им. Войкова и фабрики-кухни.

«В 1943 году немцы, отступая с Кавказа, гнали пленных красноармейцев. Вся дорога от переправы до города (расстоянием 18—20 километров) была усеяна трупами красноармейцев. Среди пленных было много раненых и больных. Кто не мог итти от истощения или болезни, того по дороге пристреливали».

О зверском, нечеловеческом обращении и расстрелах измученных и больных советских воинов, гонимых гитлеровцами из Кавказа в Крым, подтвердил также и гражданин Ситников Дмитрий Егорович — десятник коммунального отдела Сталинского райсовета. Рабочий завода им. Войкова Радченко Федор Федорович показал, что в 1942 году фашисты живьем бросили в Аджимушкайский колодец 100 пленных красноармейцев. Трупы их были оттуда жителями извлечены и похоронены в братской могиле в деревне Аджимушкай. По улице им. Чкалова, в бывшем здании детяслей, фашистами был организован лагерь для военнопленных. Здесь ежедневно умирало от голода 40—50 человек. Трупы лежали по нескольку дней среди живых людей. Проживающие вблизи лагеря постоянно слышали стоны, душераздирающие крики истязуемых и умирающих военнопленных.

Эти факты подтверждают также жительницы улицы им. Чкалова Матеенко Инна Ивановна, директор школы № 6 Шапар-Головенец, Белевцева Елизавета Александровна и многие другие.

В период второй оккупации города немцами массовое истребление мирных жителей приняло еще более систематический характер.

Заняв рабочий поселок и колонку завода им. Войкова 18 мая 1942 года, немцы под предлогом выявления партизан произвели облаву, арестовали всех, кому не удалось скрыться. Женщин с детьми выгоняли из поселка и группами отправляли в город. Через несколько дней еще одну группу арестованных погнали в другие районы Крыма. Многие жители, чтобы не попасть в руки гитлеровских палачей, ухо-

А081416

H1480-0165

H1480-0166

дили в Аджимушкайские каменоломни. Мужчины, которые не успели скрыться от облавы, были пойманы немцами и у обрыва заводского рудника расстреляны из автоматов. Расстрелянные падали на дно рудника. Здесь трупы бросались в ямы, которые были подготовлены заранее. В течение нескольких дней фашисты никого из жителей не допускали к месту расстрела.

Как установлено расследованием и свидетельскими показаниями, таких мест массового расстрела на рудниках было шесть. Кроме того, две могилы-ямы обнаружены на третьем Самострое и одна — на Старом руднике. Во всех трех местах зарыто 1600 человек, главным образом рабочих завода им. Войкова и советских военнопленных. В числе расстрелянных были Шумаков Захар Савельевич — рабочий котельно-сборочного цеха, Александров Петр Алексеевич — рабочий котельно-сборочного цеха, Гончаров Михаил, Заяц Григорий, Петрухин Григорий, Бирюков, Холодный, Еркин, Кривогус — рабочие коммунального цеха, Трофименко — рабочий водоснабжения, Катань — машинист экскаватора, Зайцев Иван — рабочий прокатного цеха, Колесников — инвалид труда, рабочие Кравченко, Белан, Синяков и сотни других, фамилии которых не установлены. Из семьи Вакаренко — рабочего Госметзавода, немцы расстреляли отца и трех сыновей.

Среди расстрелянных были женщины и подростки. При раскопках на руднике двух могил комиссия установила, что все зарытые в яме были убиты выстрелом в затылок и в спину. Трупы сбрасывались в яму беспорядочно. Очевидцы этого кровавого злодеяния гитлеровцев Евенко Надежда и Шумилова Наталия утверждают, что в ямы закапывались и живые люди; также применялись и другие методы уничтожения. Немецко-фашистские палачи стали истреблять людей угарным газом в закрытых автомашинах, которые отправляли за город. Гражданка Демченко Дарья Ефимовна, 1892 года рождения, жительница деревни Аджимушкай, показала:

«Я видела, когда к противотанковому рву возле Аджимушкайского переезда подъехало 8 автомашин, из них 2 крытые машины, из которых немцы выбрасывали трупы в противотанковый ров; открытые машины были до отказа наполнены людьми, которые выпрыгивали и тут же на месте расстреливались из автоматов».

Под видом борьбы с партизанами немецкие захватчики расстреляли 300 мужчин, обнаруженных в Еникальской крепости. За связь с партизанами фашистские разбойники арестовали в 1943 году 20 девушек в поселке им. Войкова. Из них Бабич, Руденко, Дьяковская, Олейник, Бугаева были расстреляны. Остальные пропали без вести. Немецкие оккупанты во время своего хозяйничанья в Керчи старались жестокими репрессиями, преследованиями и арестами держать в страхе мирных жителей. Многочисленными свидетельскими показаниями установлены факты насилия и издевательств над многими гражданами.

Пострадавшая от немецких бандитов Федорова Евдокия Илларионовна, проживающая по улице Чапаева, в д. № 48, показала:

«В декабре 1942 года меня беременную посадили в тюрьму за то, что я не подчинилась приказу Гитлера — отказалась работать на немцев. За четыре месяца пребывания в тюрьме я была очевидцем зверских издевательств немецких палачей над советскими людьми. Тюрьма была переполнена. Фашистские жертвы спали на цементном полу без подстилок. Я видела, как казнили четырех молодых людей, среди которых была одна девушка. Казнь происходила в присутствии заключенных. Посреди тюремного двора, на доске, подпертой боченками, стояли смертники. После прочтения приговора палачи одновременно всем накинули петли, выбили доску из-под ног, и, когда повисшие тела стали трепетать в предсмертной агонии, в каждое из них было произведено по два выстрела. Стоящим у виселицы другим четырем человекам зачитали приговор, гласящий, что все они посажены в тюрьму до окончания войны. Затем палачи ударили их по лицу и заставили закапывать только что повешенных и расстрелянных. Я наблюдала, как фашистские палачи в марте 1943 года каждую ночь вывозили на трех автомашинах свои жертвы на казнь».

Немецко-румынские мерзавцы насиловали советских женщин. Об этом Сиротко Полина Эдуардовна, экономист Научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, проживающая по улице 2-я Митридатская, в д. № 38, показала:

«Капитан 8-го эскадрона 55-й румынской армии Наго зверски изнасиловал 14-летнюю девочку Айлу. В тяжелом состоянии она была отправлена в госпиталь. Я сама также подвергалась изнасилованию со стороны румынских солдат и офицеров».

Гражданка Бутенко Марфа Леонтьевна, 80 лет, показала, что к ней на квартиру ворвались румыны во главе с офицером, ограбили ее, раздели донага и, не посчитавшись со старостью, поочередно изнасиловали.

Гражданка Чирьева, проживающая по улице 2-я Митридатская, в д. № 86, во время высадки десанта Красной Армии в Элтигени спрятала на своей квартире и кормила группу бойцов и офицеров во главе с майором Афанасьевым. За это немецкие изверги бросили ее в сарай, который облили керосином и подожгли. Чирьевой удалось выбежать во двор. Одежда на ней была в огне, который потушили соседи, набросив на Чирьеву одеяло.

О зверствах немецких захватчиков священник Свято-Афанасиевской церкви города Керчи отец Алексей Боев показал следующее:

«16 мая 1942 года ко мне домой пришло несколько немцев. Выгнав меня со двора, они предложили мне итти вместе с ними. Тогда мною были показаны документы, из которых видно, что я священник православной церкви. Вместо ответа я получил три удара в спину резиновой палкой. Нас, большую группу мирных граждан, немцы под конвоем погнали на стадион. Там, продержав сутки, освободили несколько человек, в числе которых был и я, а остальных погнали в г. Феодосию. Тех, кто не мог итти, немцы пристреливали на месте. Немецкие изверги, невзирая на возраст и пол, систематически расстреливали и избивали советских граждан.

15 декабря 1942 года я, проходя возле рудников завода им. Войкова, заметил во рву рудника странные кучи. Я сошел в ров и в ужасе вижу тысячи трупов мужчин, женщин и детей. Это меня так поразило, что я в церкви призвал людей пойти закопать трупы расстрелянных, что и было сделано народом.

Вскоре после этого я обнаружил место массового расстрела мирных граждан и военнопленных в районе Аджимушкайских каменоломен. Я видел большое количество сожженных трупов, остатки рук, ног и осмоленных черепов. Гражданка, жительница Аджимушкая, Пелагея Лаухина показала мне целую кучу сгнивших шинелей, и между ними находились черепа, кости, ботинки и котелки. На мой вопрос, кто здесь расстрелян, она мне сказала, что это расстрелянные советские военнопленные, захваченные немцами в районе переправы.

Конечно, всех ужасов описать невозможно, но это останется в памяти у меня до гроба. Я как православный священник свидетельствую как несомненную истину — все это я видел своими глазами».

Немецкие варвары в своих бесчеловечных издевательствах над советскими людьми не щадили и детей. Учительница Колесникова М. Н. показала, что немцы убили 13-летнего мальчика за то, что он взял старую камеру автомашины и хотел плавать на ней во время купания на море.

Из показаний Сапельниковой Ефросиньи Николаевны установлен следующий факт. Жительница Аджимушкая Бондаренко Мария, желая спасти трех своих детей от голодной смерти, попросила у немцев, работавших на кухне, что-нибудь покушать. Ей насыпали в котелок жиденькой каши. Семья Бондаренко с жадностью поела ее. Через несколько часов мать и трое детей были мертвыми. Фашистские палачи отравили их.

Из показаний Шумиловой Н. Х. установлено, что в июле немецкий офицер расстрелял 6-летнего мальчика за то, что он, идя по городу, пел советскую песню.

В саду им. Сакко и Ванцетти почти все лето висело тело мальчика лет 9-ти, который был повешен за то, что сорвал с дерева абрикос. Фамилию мальчика Шумилова не помнит.

А081417

Педагог школы им. Сталина Кожевникова М. Ф. показала, что когда немецкие войска заняли колонку завода им. Войкова, группа фашистских солдат в этом районе из 16 домиков согнала в одно место 16 женщин, в том числе и ее, Кожевникову. Всех их поставили к стене и навели на них автоматы. Одна из женщин, фамилию которой свидетельница не помнит, стала просить, чтобы ни в чем не повинных женщин не расстреливали. В ответ послышался окрик немецкого офицера: «Вы — русские партизаны!» В этот момент красноармеец автоматчик, сидевший на чердаке соседнего дома, дал подряд несколько выстрелов. Многие фашистские солдаты были убиты и ранены, остальные разбежались. Женщины воспользовались этим и спрятались в подвале.

С первых же дней оккупации города гитлеровцы установили жестокий режим. Запрещалось населению появляться в городе с наступлением темноты. Запрещался также переезд из одного населенного пункта в другой. Кто нарушал этот «порядок», подвергался суровому наказанию вплоть до расстрела. Оккупанты ввели для жителей города трудовую повинность. Ее должны были отбывать даже 12—13-летние дети. Тех, кто не выдерживал непосильного 16-часового труда, избивали и загоняли в концлагерь. Работающих кормили похлебкой из гнилых овощей, просяным супом. В общественные места, где собирались немцы, советское население, как правило, не допускалось. Даже на уборных красовались надписи: «Вход только для немцев», «Вход только для русских».

Председатель Городской комиссии,
секретарь Керченского
ГК ВКП(б) *П. Красников.*

Секретарь Городской комиссии *Н. Кондратьев.*

Члены комиссии:
Зам. председателя
Исполкома Керчгорсовета *П. Гемберг.*

Начальник горотдела НКВД *В. Чичковский.*

Зав. городским отделом
народного образования *М. Ильина.*

Зам. начальника городского отдела
НКГБ *Н. Полозаев.*

Священник Свято-Афанасиевской
церкви *А. Боев.*

Подписи членов комиссии заверяю:
Председатель Керченского городского
совета депутатов трудящихся *П. Бугров.*

АКТ

5 июля 1943 года мы, нижеподписавшиеся: директор Управления Тебердинского курорта Наркомздрава СССР Смирнов Павел Евгеньевич, главный врач курорта доктор Кессель Мирон Зиновьевич, председатель Курорт-Тебердинского поселкового исполкома Совета депутатов трудящихся Терехов Филипп Иванович, врач санатория «Пролетарий» Юношева Полина Никитична, старшая медицинская сестра, председатель Местного комитета профсоюза «Медработник» Бугреева Валентина Гавриловна, секретарь первичной парторганизации Управления курорта Ягодкин Митрофан Иванович, составили настоящий акт в нижеследующем:

В декабре 1942 года по приказу начальника гестапо г. Микоян-Шахара оберлейтенанта немецко-фашистской армии Отто Вебера было организовано неслыханное по своей жестокости варварское умерщвление больных костным туберкулезом советских детей, находившихся на излечении в санаториях курорта Теберда, Микояновского района, Карачаевской автономной области, Ставропольского края. Путем опроса сотрудников детских санаториев «Пролетарий» и им. Крупской — медсестры Ивановой Екатерины Ефимовны, врача Браславской Ирины Александровны, санитарки Полуяновой Матрены Ивановны — и других очевидцев этого кошмарного злодеяния установлено следующее.

22 декабря 1942 года, в 16 часов по московскому времени, к подъезду санатория 1-го объединения («Пролетарий» и им. Крупской) въехала немецкая автомашина, имеющая высокий закрытый металлический кузов с герметически закрывающейся входной дверью. Семь немецких солдат под командой ефрейтора (фамилия не установлена), угрожая расстрелом, приказали сотрудникам санатория укладывать в автомобиль указанных немцами больных, прикованных к постели костно-туберкулезных детей в возрасте от 3 лет. Когда 54 ребенка, как поленья дров, были уложены штабелями в несколько ярусов, немцы захлопнули дверь автомобиля, впустили во внутрь кузова заранее заготовленный отработанный газ и выехали со двора. Через час автомашина вернулась пустой в поселок Курорт Теберда. Все эти несчастные дети были умерщвлены немцами и сброшены в районе Курорта Теберда в Тебердинское ущелье, близ Гуначгира.

В конце первой половины декабря 1942 года группа немецко-фашистских солдат и офицеров под руководством и при непосредственном участии начальника отделения гестапо города Микоян-Шахара оберлейтенанта Отто Вебера учинила кровавую расправу над работниками детских санаториев Курорта Теберда.

11 декабря 1942 года кровавое гестапо предложило 287 советским гражданам явиться на следующий день к 13 часам дня в гестапо, имея при себе до 100 килограммов наиболее ценных и необходимых вещей, с тем чтобы затем якобы быть отправленными на тяжелые работы в угольных шахтах Карачаевской области. Предчувствуя недоброе и не желая выполнять волю гестапо, пламенная патриотка бухгалтер Тубинститута Фарбер София Соломоновна, 36 лет, ушла в лес и покончила жизнь самоубийством; вслед за ней покончила самоубийством другая патриотка, крупный специалист по гортанному туберкулезу, врач Белкина Фрида Эмануиловна.

12 декабря 1942 года с 12 часов дня началась охота гестановцев за своими жертвами; при этом нежелающих итти избивали и силой гнали в гестапо. К 15 часам дня немцы согнали в один из неотапливаемых летних корпусов «Санатория для ученых» («Вагончик») 285 советских граждан, в числе которых было около 100 детей, начиная от грудного возраста

Двое суток несчастным, изнывавшим от холода, не давали ни пить, ни есть, никуда не выпускали. В это же время немцы ограбили свои жертвы, силой отобрали деньги, золотые, серебряные вещи, шубы, меха и т. д., избивая тех, кто пытался скрыть или не хотел добровольно сдать ценности (Хесину Ревеку Яковлевну, 66 лет, Фалькович Цецилию Самуиловну, 38 лет, врача Старовольскую Елизавету Наумовну, 44 лет, и других). В корпус часто врывались немецкие солдаты и, потехи ради, до полусмерти избивали пленных, например, доктора Елизавету Наумовну Старовольскую, крупного специалиста в области костного туберкулеза Елизавету Ильиничну Шейман, опытного педагога заведующего педагогическим методкабинетом Абрама Борисовича Аджемова и многих других. Жена провизора лаборант провизор Нейман-Шабшаевич София Владимировна, 38 лет, не выдержав диких зверств и издевательств, сошла с ума.

14 декабря 1942 года, в 5 часов утра, всех 285 истерзанных, измученных советских граждан немцы погнали под сильно вооруженным конвоем по дороге в сторону города Микоян-Шахара В 1½ километрах от поселка Курорта Теберда,

А 081418

H1480-0167

H1480-0168

у подножья Лысой горы, немцы приказали несчастным положить в сторону от дороги ручные вещи, снять обувь, верхнее платье. Затем всех, кто мог стоять на ногах, выстроили вблизи свеже вырытой ямы длиной в 10 метров и глубиною в 2 метра. Грудных и малолетних детей женщины держали на руках. Немецко-фашистские бандиты выводили из строя по 18—20 ни в чем не повинных советских граждан — мужчин, женщин, детей и стариков — и ставили их на колени у края могилы. Затем два немца, не торопясь, по очереди подходили к своим жертвам и на глазах у всех остальных расстреливали их в затылок одиночными выстрелами из автоматических пистолетов. Три с половиной часа длилась эта чудовищная кровавая история, три с половиной часа немецкие солдаты и оберлейтенант Отто Вебер упивались кровью советских граждан.

Среди зверски расстрелянных немцами были виднейшие представители советской медицины: крупный специалист в области легочного туберкулеза, работник Ялтинского института климатотерапии туберкулеза доктор Фрейнкман Абрам Львович, 46 лет, со своей женой врачом Резник Асей Самойловной, 42 лет, и. дочерью Изабеллой, 12 лет; доктор Старовольская Елизавета Наумовна, 44 лет, с дочерью Адель Бенедиктовной, 20 лет, студенткой 4-го курса Воронежского мединститута; доктор Шейман Елизавета Ильинична, 39 лет, с двумя детьми — Илюшей, 14 лет, и Сережей, 6 лет; врач Колиушко Сарра Моисеевна, 61 года; врач Добровольская Цецилия Григорьевна, 55 лет, с матерью Верой Григорьевной, 81 года; доктор Будницкая Несса Нахимовна, 58 лет; отличник здравоохранения СССР, врач Райбман София Моисеевна, 36 лет, с сыном Леонидом, 3½ года; педагог Аджемов Абрам Борисович; инженер по строительству санаториев Фишман Семен Григорьевич, 41 года; работники курорта Кондратьева Лариса Филипповна, 44 лет, мать трех командиров Красной Армии; Ильина Полина, ее сын 4 лет, дочь 6 лет и мать 72 лет; Хесин Абрам Шаевич, 68 лет, его жена Хесина Ревека Яковлевна, 66 лет, их дочь Хесина Нина Абрамовна, 34 лет, и их внук Юрий, 7 лет; Герберт Юдась Миохмитовна, 29 лет, ее дочь Фаина, 11 месяцев, сестра ее Ицковская Роза Наумовна, 34 лет, племянники — Наум, 6 лет, и Михаил, 10 месяцев, и многие другие. Всего по Курорту Теберда расстреляно 13 врачей, 6 педагогов, 6 медицинских сестер, 2 провизора, 1 инженер и другие работники курорта с семьями.

О чем и составлен настоящий акт.

Подписали:

Директор Курорта Теберда *Смирнов П. Е.*

Председатель Совета депутатов трудящихся поселка Курорта Теберда *Терехов Ф. И.*

Главный врач Курорта доктор *Кессель М. З.*

Врач санатория «Пролетарий» доктор *Юношева П. Н.*

Старшая медсестра санатория им. Крупской и председатель местного комитета профсоюза «Медработник» *Бугреева В. Г.*

Секретарь первичной парторганизации Курорта *Ягодкин М. И.*

Курорт Теберда
Карачаевской автономной области.

Настоящим удостоверяю, что этот документ аутентичный подлинникам, которые хранятся в делах Чрезвычайной Государственной Комиссии в гор. Москве.

Уполномоченный Чрезвычайной Государственной Комиссии

10/I-1946 г.

А 081419

H1480-0169

USSR 54

Filed Feb. 14, 1946

14-1480

H-1480 (a-m)

52-74

H1480-0170